

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Рахимжан Отарбаев / *Амазонки нашего аула*

90
лет

ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — бывшая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:

Дмитрий Белокин
Юрий Бондарев
Семен Борзунов
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Юрий Коннов
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор

Елена Русакова

В оформлении
использованы

фрагменты
картин художника
Заясанхана Самбу

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»

принадлежат
ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2017
Все права защищены

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
www.gazety.ru

Подписные
индексы издания:

в каталоге агентства
«Роспечать»

70782 на полугодие,
71752 на год;

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2017 №22 /1794/ Основана в 1927 г.

Рахимжан Отарбаев

Амазонки нашего аула

Повесть и рассказы

ПЛАЧ ЧИНГИС-ХАНА

Повесть

Наступило еще одно утро. Порадует ли оно кого?..

Поднялось и солнце, воспаленное истомою своего жаркого ложа. Разбросанные барашки облаков, кочуя по небосводу, заскользили на кроваво-красного цвета подбрюшье. И ветер, блуждавший в горах, вдруг притих, вбирая собственное дыхание. Издалека позвал сыч. Экий нерадивец, перепутал день с ночью, быть может!

Стражники, в полудреме сидевшие у дверей, вздрогнув, повскакивали с мест. Высокие створчатые двери большой белой юрты в обе стороны широко распахнулись, и из неё неспешно вышел великий повелитель Степи. На нём вышитый шёлковый чапан, брошенный внакидку. Солнечный луч искоса высветил его светлое лицо и ладно скроенный лоб. В медно-рыжей бороде до пояса плутал вновь занявшийся прохладный ветерок.

С небольшим отрядом нукеров захотелось поохотиться на зверьё. Поразвезаться, пустить ловчих птиц, потравить борзых. Был прикован к делам, ни на шаг не отдаляясь от своей Ак Орды¹. Изрядно притомился от послов, ходоков и прочего низкопоклонного люда, шныряющего под его дверьми? Им и конца не видно. Немало и странников, исходивших, не чуя ног, земные пути-дороги. Тянут целый воз благих заблуждений и ищут ответа на извечное. И преподобных ободренных дервишей, и блаженных! Вон один тонкий, как былинка, ханзу, украдкой, на свой страх и риск, изобразил его портрет. На льющемся шёлке. Вылитый он. Вручил ему слиток с попытке стригунка. Бедняга, то ли от радости, то ли испуга, ахнул и повалился без чувств. Э, и чего только не бывает. Тумены его углубляются в четыре стороны света. От одних донесений его ноянов², созревших на поле сражений, ни дня передышки. Раз за разом курьерской почтой посылает им советы, подталкивает на уловки. Неполно одно без другого. Требуется тонкое равновесие. Равно как балансировать на острие кинжала.

И это белое облако, куда бы он ни прокладывал путь, точно победоносное знамя, реет над его головой, погоняемое вселенским ветром. Верно, то знак благотворный и приветствие Небесного Тэнгри.

¹ Ак Орда — Белая Орда, ставка хана.

² Но яны — военачальники, полководцы.

Он невольно поднял голову к небу. Словно белё-
дые космы верблюда. Оно такое же, как и прежде.
Время над ним не властно. А что он? В волосах седи-
на, душа охладевает ко многим вещам. Необуздан-
ная молодая энергия уступает место рассудительной
сдержанности. Да и нрав его будто подменили, сер-
добольней стал, что ли? Было время, когда с порога
мог повергнуть вражью голову в прах... разметать,
как мяч, скатанный из коровьей шерсти, которым в
детстве забавлялся Темучин... Ладно, оставь, уж дав-
но нет грозных врагов, толчая лишь послов да про-
сителей, оставь их! Злая сила — булатный меч. Ра-
зойдется — порубит в куски. Поздно пришло мило-
сердие, которое ни в чём не уступит, собирая вокруг
себя животворящие силы. Потому и воздал он долж-
ное Промыслу, прозрел и покался в земной юдоли...

Погрузившись в мысли, не заметил, что достиг
гряды, примыкающей к священной горе Бурхан-
Халдун. Позади послышалось гиканье отряда, сле-
довавшего за ним мелкой рысью. Впереди, петляя
зигзагами, пробежала лиса. В обновке после линьки
на свежесвыпавшем ноябрьском снегу. Спинка отли-
вает огненным всполохом. Однако сбросить кожан-
ый наглазник с клекочущего беркута, чующего до-
бычу, он не позволил. Вдогонку отпустил борзых.
Собаки, сорвавшись наперегонки, одна резвей дру-
гой, почти моментально подрезая лису наискось,
пощипали ей только хвост. Посмотри-ка, хитрая
тварь, резко прибившись к земле, отбросила пресле-
дователей далеко вперед. Не хочет, за здорово жи-
вёшь, отдать жизнь на ровном месте. Припустила в
густые заросли шенгеля, находящихся справа. Те-
перь и охотники с улюлюканьем бросаются напере-
рез. С другого конца, развернувшись, мчатся борзые.
Но зелья от невезения еще не придумали! Преследо-
ватели с обеих концов увлечены настолько, что не
слышат вразумительного голоса. Хотел сказать им,
что в густом шенгеле у лисы наверняка есть нора. Те-
перь зря стараетесь, уж и хвоста вам её не видать. Так
и вышло. Из зарослей первыми выдрались борзые, с
отвисшими языками. Шенгель расцарапал и взлох-
матил им шерсть...

То был назидательный урок Есукея.

— Было это в годы моей ретивой молодости.
Как-то раз вышел на охоту, — рассказывал отец,
оставшись с ним наедине. — Ехал малой рысью по-
вдоль пологого склона горы Бурхан-Халдун. При-
мерно в полдень вдали мелькнул силуэт какого-то
зверя и тут же на глазах моих куда-то исчез. Я и кол-
пачок с головы моей птицы снять не успел. Взял след
между поросших очагами кустарником и шенгелем.
Неожиданно вижу большую звериную нору. Серый
не стал долго путать следы и, по-видимому, забрался
в эту нору. Срезал я длинную ветку и пошурудил —
показалась неглубокой. На дне что-то лежало мяг-
кое. Ну, думаю, гривастый мой, тут тебе и крышка
пришла, и начал раскапывать логово. Перевалило за
полдень. Дна не достать. Оказалось, хоть снаружи

вход и был один, но далее нора расходилась по трём
рукавам. Солнце клонилось к вечеру, спеша занять
свое место. От долгого копания заныла спина, на ла-
донях волдыри вскочили! Что дальше делать?! Не-
много прилёг, да конь зафырчал от беспокойства.
И птица моя в колпаке на камне порывается взле-
теть. Поглядел, а там поодаль серый мой уже спасает
шкуру. В сторонке — улепётывающая лиса. Там ещё
и затравленный корсак наутёк скачет в гору. Я оше-
ломлён. Все трое выскочили наружу из побочных
трех рукавов одного логова!

— А вы за каким зверем погнались? — спросил
он, сгорая от любопытства.

— Сынок, время моё проходит. Лучше скажи, ко-
го бы ты сам изловил? — спросил Есукей, испытую-
ще посмотрев на Темучина.

— Попробовал бы, чтобы они поймали друг
другу!

Тогда Есукей остался доволен его ответом, уверо-
вав, что этот сын действительно соединит обрывки
его былых надежд.

Возможно, то была красивая уловка, сказанная,
чтобы хоть чуть-чуть заглянуть в его будущее.

Ловить зверя... В годы великого похода нередко
приходилось ловить зверя и бить птицу для поддер-
жания запасов провизии. Надо было кормить огром-
ную голодную армию. Впрочем, истреблять всё жи-
вое на своём пути позволено не было. Таково было
повеление хана Чингиса. Начиная с ранней весны и
до осенних заморозков никому не дозволено было
применять оружие. Пока звери не выкормят детёны-
шей, птенцы не встанут на крыло. Дабы дать всему
живому продолжить род, окрепнуть, сбросить ста-
рую шерсть. Начиная же с ноябрьских морозов и до
конца лютого, понуждающего аж волов реветь рев-
мя, как вздумаешь ловить — воля твоя. По рукам
бить не станет.

В период Великого перехода... Отары овец, табу-
ны лошадей, стада коров, которых гнали за войском,
таяли на глазах. Снедь к столу властелин небес сам
не подаст. В такие моменты великий каган брал с со-
бой ноянов, войско заставлял колотить в охотничьи
барабаны, дудеть в горны, бить в громоподобные
бубны, расправляя огромные крылья над подножи-
ем гор, равнин и густого леса. Ставил заграждение,
сквозь которые зверь носа не мог просунуть, и мед-
ленно, сводя крылья, образовывал кольцо. От не-
стерпимого грохота целыми стадами сбегались оле-
ни, косули и газели. На пути их, яростно грызясь, де-
лили трапезу тигры с волками и леопардами. В кон-
це концов целое войско охотников плотно сжимает
свои клещи-объятия. Затем живность, оказавшуюся
в ловушке, стайками выпускают на равнинную мест-
ность. По древнему обычаю первую стрелу великий
каган, уповая на Небесного Тэнгри, предназначает
для тигра или для резво подбрыкивающего собствен-
ным хвостом кулана. Следующая очередь достается
ноянам и его сыновьям. Вслед за тем свобода дей-

ствий предоставляется всему, едва сдерживающему себя рядовому воинству. Стрелы из полных колчанов будут сыпаться отовсюду, словно ноябрьский снег. Так начинается кровавая бойня. Обычно грызущееся между собой зверье в таком грандиозном истреблении ищет прикрытия друг у дружки.

Приметил, как трясущийся от страха заяц никак не хотел убегать из-под бока сметливой лисы. И вспомнил, как отец хлыстом проучал собаку, не дававшую покоя овцам, связав с ними одной верёвкой. После того она и близко не приближалась к овцам и козам. Даже, грозно огрызаясь, не подпускала к мелкой животине своих сородичей. Видно, дружба становится крепче в пережитой совместной беде.

Чингисхан подстегнул своего белого в серых яблоках скакуна. Сбившийся в кучу небольшой отряд тоже взмахнул плётками. Вожделенно востропилась на руке ловчая птица. Насторожились в предвкушении лова поджарые борзые. Преодолев курган, великий каган взглянул на небо. Вечный спутник его головы — перевёрнутая шапка белёсого облака не отставая кочевала сверху. Белёсое облако... Приметил его впервые, беря копьё в шесть локтей и садясь на боевого коня. Тогда он одолел тангутов. Столкнулся с кровным врагом. Ехал ли шагом, мчался ли карьером в аламани¹, оно плыло неотступно. Точно ручной зонт укрывало прозрачной тенью. Дарило приятную прохладу в жаркий день.

С той поры, будто песок сквозь пальцы, пролетело полвека. С той поры великий каган бросил под копыто своих коней многие уголки вселенной. Сколько спеси убавил чванливым правителям, скольким врагам помог ступить на мост Сират²!

Вновь слышно гиканье. Отряд поравнялся и скачет рядом. С беркута скинут наглазник. Вновь убегает лиса, взбираясь по склону. Того и жаждавший, беркут, издав боевой клекот, оттолкнулся от насеста, прикрепленного к седлу. Круто взмыл вверх. Когти будто острые ножи, истинный хищник. В прошлый, кажется, февраль за три дня настиг четырех волков и девять лисиц. Оторочил седло на славу. Меж тем кто подумает, что кагану мало пушнины иль шкур? Нет, конечно, даже и не заикайтесь об этом. Не то что меха и дорогие трофеи, а и золото, серебро и драгоценные всякие камни запретил заносить в свою Белую ставку. Вместо того велел со всех концов света собирать письма и книги, толкующие историю, хранящие старые заветы и поучения. Он и сам заносит на бумагу истинное монгольское родословие. Ибо после останутся не россыпи серебра и золота, но славное имя в подлунном мире. Останется живая летопись, в коей чеканным слогом воспрянут труды и невзгоды его, победы и деяния...

Только заметил, что летит на скакуне, сливаясь со всеобщим гиканьем. И почётный отряд его не отста-

ёт. Лиса зигзагами мельтешит на горном склоне. Беркут, сложив крылья, хоть и устремляется вниз, однако промахивается. Снова взмывает ввысь. Изворотливая лиса знает, как ускользнуть. Резко осадив коня, он подал знак рукой. Давал понять, чтобы согнали плутовку с откоса. Ну, вот, беркут, набрав высоту, снова падает камнем вниз. Да, удалось! Продираясь между скал и камней, отряд вернулся понурым. Один из всадников держал беркута перед собой. Крыло птицы свисает и чертит по брюху лошади. Сломалось крыло. Увы, мой кровавый охотник...

Великий каган ощутил внутри горечь. Неужели такую храбрость, способную сразить даже тигра, погубил на какой-то плутоватой лисе? Борзых его оставила не у дел. Птицу разбила о скалы. Придерживая коня, посмотрел на небо. Белёсое облако замерло в ожидании. Бросил взгляд на тёмную тучу, надвигающуюся с вершины горы Бурхан-Халдун. Коматаясь лавиной гривой, она клубилась и нарастала в многоликих формах. Не иначе к снегу! Он замешкался: не зная, то ли продолжить путь, то ли повернуть обратно в Кара-Корум. Присмиривший отряд ждал его команды. Заскулили и заёрзали борзые. Заклекотал беркут, рубя воздух здоровым крылом. Втянув бока в ожидании бега, захрапел ратный конь.

В тот момент и клубы тёмной тучи, низвергавшиеся против ветра, уже достигли изголовья. Что это, гремит гром среди снежного ноября? Или туча несёт дождь? Либо ударит градом с верблюжьими катышки? Но стоило ей приблизиться к облаку, плывущему клоками шерсти белёсого верблюда, как раздалось угрожающее громохание. Громохание и бурление нарастало. Белёсое облако и тёмная туча немедля вступили в единоборство. Чингисхан, пораженный грандиозным зрелищем, не мог оторвать от него глаз. Обомлев застыл и следовавший за ним отряд охотников. Неужто облака и тучи — эти истинные детища неба — перестали ладить между собой? Ревнуща друг к другу небесное пастбище? Тягаются за ноябрьскую стужу? Что за невидаль? Если уж им, реющим светлыми комьями, наполняющимся свинцовой негой, тесно жить в поднебесье, то чего ради людям должно быть просторно?! Оттого, видимо, и рвут друг на друге ворота да вышибают из седла. И не он ли когда-то стоял во главе такого раздора?..

Тёмная туча победила. Белёсое облако в бессилии распадалось. Проходила низом, отрезала путь. Порывалась на самый верх, нависала над ним. Великий каган явно ощутил, что над милостью Небесного Тэнгри, оберегавшей его с той поры, как снарядил боевого коня и взял в руки копьё в шесть локтей, сгустилась роковая беда. Он взял тугой лук и погрозил им. Выбрал в колчане стрелу, рассчитанную на тигра. Разрезая воздух, свистящей змейкой она понеслась прямо к тёмной туче, но пропала из виду. Изодранное в клочья белёсое облако запрокинулось и перевернулось. На нём были буквы: «Чингисхан — Повелитель Вселенной». Кто же это мог начертать? В от-

¹ Аламан — скачка на дальнее расстояние.

² Сират — узкий мост в потустороннем мире.

вет раздался оглушительный гром и всполох молнии. Осыпалось и переломилось серебро веток. Раздробилась и исчезла надпись. Разорванное в клочья белёсое облако уносило свои остатки. Скакун его затрясся крупной дрожью и пустил кровавую струю. Взмеленный и, закусив удила, понес хозяина в направлении Кара-Корума. Побег оказался недолог. Ударившая вновь ветка молнии зацепила великого кагана со стороны спины...

Отчего перед глазами плывут красно-зеленые кольца? В ушах далёким эхом слышится голос Есукей-багатура¹: «...Сын мой, конь удерживает седло, седло удерживает хозяина, сидящего верхом». Не удержало... Помешала чёрная туча, сатанинская молния...

Он опрокинулся с завертешегося волчком белого скакуна наземь. Всё тело с головы до ног горело нестерпимым огнём. Кто надумал жечь саксаул? Потушите огонь, потушите!

Мгновенная, как молния, немочь не давала поднимать головы. Язык не слушался. Обрывки желаний. Не оборвалась в груди лишь нить жизни. Во глубине сознания оживают и гаснут видения. Видения прожитых лет. На рубеже жизни и смерти добавляется раскание, что ли?

Наползает беспросветная темь. Чьи же это тени толкнутся возле него? Топают ногами, словно копытами. Голос его застревает в горле. Какой зловещий у них вид. Глаза красные, чисто кровавое мясо. Что они здесь ищут? Куда смотрит стража? Куда исчезли белокостные вельможи, не отстававшие ни на шаг? Обычно мухе не давали на него сесть. Может остались без присмотра широко расставленные, высокие двери белой юрты кагана?

— Схватите немедленно! Представьте пред очи мои! — хотел крикнуть он. Ан не было кому услышать, кому откликнуться.

Пробудиться бы мне...

* * *

Где же тюркский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало.

Был один период, когда Есукей-багатур покинул этот мир, оставив мать с тремя детьми. Обвинив её в том, что не пристроилась по традиции новой женой ни к кому из сородичей мужа, соплеменники откочевали от них, оставив на произвол судьбы. Всё оставшееся после отца добро и скот разобрали между собой. Поселившаяся в их юрте нищета вынуждала мать днями напролет ловить в поле грызунов и собирать корни.

Ранним утром она расстилала перед малыши детьми не стриженную по осени черную овечью шкуру. Неизвестно где находила и рассыпала на эту шкуру пригоршню пшена. Мелкие зернышки исчезали в густой шерсти. Взяв к себе под бочок младших братьев Хазара и Кашигуна, он до самого заката со-

бирал эти зерна. Возвращалась мать с наступлением сумерек, держа в руках малую, но все-таки добычу.

Та овчина была в действительности золотым руном. То пшено — наилучшим лакомством. И поныне он их видит в предутренних снах.

Потомки мои, прежде богатства познайте цену лишений.

* * *

Сказывают-де, тысячу тарпанов², разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу окраин света...

Вероятно, настали последние деньки лета с их утренней свежестью. Дождь льёт не переставая. Не дает проясниться степи с растущими тут и там пучками ковыля и полыни. Да ведь это гора Улытау, прогнувшая пояс кутающегося в марево просторного хребта.

Правя путь на закатное солнце, случилось и здесь разбивать становище. Не то что дикие куланы, вплоть до многочисленных стад серн и газелей, блуждающих по холмам и долам, изнемогали от тучности. Малосознательным существам и дела не было до того, что он — великий каган. То заржут под правым ухом, то под левым заблеют и потом ускачут. Войско, не знавшее кого уж задрать, решило вскопать ловушки. Обусловились, расставив фланги, согнать всю живность в кучу, стуча в барабаны, и порезвиться, устроив кровавую потеху. Он же в самый раз прогуливался на славном темно-гнедом коне, оставив свою белую юрту на громадной повозке, запряжённой дюжиной монотонно бредущих волов. Узнав о предстоящей забаве, тут же поднял правую руку и тем самым пресёк зарвавшихся охотников. Все поняли жест без слов, и сорвиголовы поу머니ли пыл.

Взяв старшего сына Джучи, он тогда направился сюда, на гору Улытау. Его гнедой конь, лоснясь боками, вприпляску вынес его на вершину. Земля, вмещавшаяся в зрачок глаз, ещё дремала в колыбели августовского утра. Окаймленную голубым горизонтом, он прочувствовал её всей душой. Перед ним открылся благодатный, заветный край, который невозможно ни уступить грозному врагу, ни потопить в мимолетных тяжбах. Живописные, широко раскинувшиеся холмы мог украсить стольный ханский дворец, вокруг которого на вершинах, облюбованных шумными уларами³, должно установить недремлющее око дозора. Не сподручно ли бить в бубны и разжигать костры, подступись какой враг? Приметят огни, поднимется люд всех окраин, в горах и на равнинах загрохочут барабаны, загремят призывные кличи. Обновится и воспрянет само по себе целое войско, печалившееся, что притупятся лезвия сабель да покроет ржа наконечники острых копий. Прито-

¹ Багатур — богатырь, воин.

² Тарпан — дикий степной конь.

³ Улар — горная индейка.

рочит оно к правому боку суму для добычи. Подравняет, точно на смотре, ряды и шеренги. И будет ждать лишь битвы. Умерять нетерпение.

Оголённое око солнца катилось беспечно на запад.

— Джучи, сын мой! — обратился он в тот день, приподнявшись на стременах с инкрустированного серебром седла. — Рано иль поздно этот обетованный край вернётся к тебе по наследству. Установи свою столицу на подобающем месте.

— На каком же месте, укажите, отец?

Смирненно и твердо спросил Джучи, поглядев с почтением на отца, погрузившегося в раздумье, теребя на ветру свою медно-рыжую бороду.

Тогда он, с неспешной торжественностью, взял в руки изящный лук, смастерённый из парных рогов оленя, украшенный по внешним дугам драгоценными камнями и обрамлённый изнутри серебряной чернью. Натянул тетиву в размах руки и отпустил красную стрелу, вырезанную из молодой таволги, в западную сторону. Золотой наконечник, сверкнув в лучах солнца, летел со свистом, разрезая воздух. Охвостье, сделанное из пера кобчика, длиною почти в пядь, затрепыхалось, словно ожило, пока не исчезло из виду.

— Вон та местность! Правь своим улусом! И помысли свои сверяй с Кара-Корумом!

Джучи... Жив, мой ясный соколик! Чего же плели эти безбожники? О чем так надрывно рыдал кобыз¹ старца Кетбуги? «Погиб твой сын — Джучи-хан, затупился твой ятаган, опрокинут твой полный казан!..» Враки всё! Того и ждут окаянные, чтобы им залили глотки растопленным на саксаульных головнях свинцом!

Э, ведь просто вышел поохотиться. Вместо боевой дружины с ним всего десяток налегке снаряженных джигитов. Конечно, в это время мясо сайги наливается всеми соками. Особая по своей природе, степная антилопа выбирает целебную траву. А какое дикое удовольствие доставляет головокружительная гонка и улюлюканье вослед грохочущей копытной дробь, стремительно проносящейся мимо тьмы!

Погоди-ка, а чья та сотня в восточной стороне, что пробирается по оврагу, прикрываясь слоистыми скалами? Кони настолько нагулены на сочной траве, что с их гладких боков может вошь соскользнуть. От снаряжения и доспехов глаз не оторвать, сверкают на солнце, проглядывающем сквозь облака. Наверное, отряд Джучи направился, в угоду сановникам, усмирять взбунтовавшиеся станы. Не умеет здешний народ мирно жить, если время от времени, вроде морской глади, не побунтует и не побьется промеж собой! В степи каждая десятая баба рождает улана-гренадёра с выпученными глазами и торчащими усами. Между тем где та сила, которая вырвалась бы из оков семейного клана иль, в лучшем случае, интересов одного рода-племени? Добудет такой удалец сла-

вы в известных пределах, получит вид на жительство, и пыл его на том иссякнет. Резвый его аргамак, вышибавший копытами искры, охромает в стойле. Затупится косматая пика, прислоненная где-нибудь к юрте. Довольствуясь мимолетной славой и шатким почетом, будет кормиться лестью своего окружения. И тем самым свыкнется, превратится в обычного забулдыгу со стоптанными каблуками.

С самых первых шагов подметил он эту присущую тюркам лень души. Он выкорчёвывал её нещадно, колотил до тех пор, пока не переставали чесаться кулаки. Выпестовал воинство. В жестоких сражениях и походах научил побеждать противника малым числом и низвергаться на голову врага, как гром среди ясного неба. В недельном пути его воин мог обходиться солёным куртом². Под раскалённым солнцем, в лютующий февральский мороз не услышать было жалоб, не узреть тени недовольства.

Недостаточно закалить волю, надо возродить дух! Не благодаря ли тому, топтал он сапогом ожиревших, словно перепела, правителей и князей золотых городов? Когда же касалось поживы после битвы, то каждый обладатель копья мог набить хурджун серебром и золотом, не так ли? Он и бровью не вел. И по рукам не бил. Драгоценности и прочая мишура, считал он — женская и детская утеха! Пусть, мол, тешатся, ежели к тому бывает пристрастие. Всё равно блестящие эти побрякушки погребутся под грудой кирпича и пепла разрушенных стен. Будь он падох до безделушек, разве покорил половину вселенной? Высоки были цели, далеки были мысли...

Прикрывающаяся слоистыми скалами сотня не похожа на отряд Джучи. Но кто в таком случае удаляется, поднимая вослед мелкую пыль? Постой-ка, тот, что во главе отряда, на крупном караковом коне с белой отметиной на лбу, кажется ему знакомым. Как бы не оказался атаманом Асхаком из кулан-кипчакского рода?! Точно, в самом деле он. Но с чего бы тянуть ему за собой, словно бы помёт жеребца, вооруженную ватагу? Э, так он вроде свояк скрывающемуся от его притеснений с малым, подобно созвездию Плеяд, войском в ущельях Карпат, хану Котену? Сведущи, как он бежал без оглядки, подвязав коням хвосты, пока не приткнулся к ногам мадыарского хана Беле. Заискивая, получил в дар клочок земли. Взамен на жизнь предал, говорят, веру предков.

До него ли ему было, накануне великих походов, преследовать кучку вспугнутых перебежчиков? Погоди, думал он, попадешься когда-нибудь в руки, если земля до того не поглотит, и будешь ходить под синим небом да по зелёной травке! Он не иначе — хана Котена наместник, расхोлившийся под его покровительством. Не намерен ли он свести счёты за позор Котена? Сначала пусть на силёнки свои посмотрит! Как бы дворовые псы не обделались, завидя сизого волка. Верно, тихий, полынный народец,

¹ К о б ы з — древний музыкальный инструмент.

² К у р т — подсолённые и высушенные дольки творога.

подрастает и становится ковыльным! По железнému тумаку Джучи, видимо, скучают. Иначе...

Джучи, наверное, слишком увлекся охотой. И сайга иной раз застилает свет. Когда с гулом проносится по обширному типчаковому взгорью, алая волна горизонта то вздыбится, то закатится... Того и гляди, выплеснется через край. Не заметишь, как и сам под гром барабанов и зов рожков больно жиганешь коня. Но, сколько ни старайся, обойдут ноздря в ноздрию, имей только ловушку наизготове, подобно пасти дракона. Вот тут-то и начнётся кровавая бойня.

Верный конь Джучи без седока, делая большой круг, скачет прочь. То и дело запускает в колчан руку. Э-э, пущенная им стрела не пропадала зря. Что ей, господи, порхающая сайга, когда она пробивает насквозь мелкую кольчугу, будто обычную бязь.

Жалко пыль, поднятая сайгой, застилает глаза. Как бы исподтишка не напал Асхак, куланий выродок? Джучи, куда пропал его Джучи? Почему упускает из виду снаряжённого до зубов врага? Отчего не прольёт свой гнев? Раздался вопль. Всё-таки он заставил супостата хлебнуть крови. Рази их! Не жалея, рази! Э, вон и дружина Джучи, оставленная им. Припустила коней. Давайте, устройте им разгон! Забыли, кто истинный хозяин бескрайней степи, сплошь недоумки? Пока есть Джучи, пока стоит гора Улытау, не позволит он всякому разбойничьему сброду самоуправствовать. Чей это конь, неожиданно выскочивший из-за пыльной завесы? Как пронзительно ржет, потерявши хозяина. Да это же знаменитый конь Джучи, белогривый Акжал! Где же он сам? Где его опора, его отважный лев? Неужто остался лежать в густой пыли? Как благородного принца мог низринуть с коня выскочка из кипчакского рода? Слух тому не хочет внимать и глаз тому не поверит!

Два отряда, противостоя друг другу, орудуют копьями. Кто погибнет, кто уцелеет. Так куда же подевался его Джучи? Что стряслось с его сыном, с его рано взошедшим на небосвод ясным месяцем?

Откуда этот стон, заполонивший весь мир? Или какой-то бродячий дервиш мучает струны кобызы? Как смеют кому не заблагорассудится ступить через порог? Кажется, это старец Кетбуга из наймановского племени. Соль, вытекающая из глаз, капает на раздвоенную, седую бороду, вздрагивают плечи. Сухой кусок дерева всхлипывает в его руках, перерастая в рыдание. Будто и безмолвному дереву был дан язык. Не простой тот язык, обжигающий сердце угольями. Жар его бежит по телу, обрушивая косточки.

*Асхак кулан, Джучи хан —
Сердце стучит в барабан!
Свет твой померк — Богом дан.
Лев твой погиб, мой каган...*

Джучи погиб... Сын погиб... Что он бредит?.. Старый истукан, прекратит или нет? Несёт окоlesiцу! Мой Джучи, хоть и подсуден Небесному Тэнгри, но

не разбойникам или бродячим собакам судить его! Не желаю я дальше слушать. Сгиньте от меня прочь! Где там свинец, разжиженный на саксаульных головнях? Залейте глотку неугомонному старику! Будут знать, как кликать беду, что сорока в овраге! Ты погляди-ка!..

Пробудиться бы мне...

* * *

Где же тюркский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало.

Я родился на свет в простой войлочной юрте, но постиг величие мира. Кривой саблей предков я перекроил границы земных пределов. Я — властелин всего сущего. Мир усопших — удел Вечного Тэнгри. Ничтожного я сделал достойным, достойного — именитым. Нукеров подле меня называют знатью. Была голова у порога, а теперь в голове стола.

Золотой престол о четырёх ножках испокон века опутывают злые духи коварства, угодничества, зависти и злодеяний.

Много я видел на веку измен. И от дальних, и от ближних. Похвально, коли собака твой друг, однако печально, коли друг твой — собака!

Стоит льву ослабеть, как тут же соберётся свора падальщиков и гиен. Зато, когда ты во цвете сил и грозен для них, они лижутя и прячут зубы.

И сорока каркающим чёрным воронам достаточно камня. Так имейте при себе этот камень!

Потомки мои, я дал бедному кров, труса научил держать кинжал, скрягу сделал доброхотом, слабому подарил надежду. Однако, как ни старался, не смог глупца научить уму-рузуму. И потому более всего остерегайтесь глупца!

* * *

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу окраин света...

Многочисленное войско совершало дневной переход. Видел ли ты, как мужи, на чью долю выпал Великий поход, тумен за туменом текут на Запад? Поодаль брели гурты крупного рогатого скота и мелких парнокопытных. Целых два четырёхсезонных годовых круга заняла всесторонняя подготовка. Непростое дело залезть за пазуху разномастным племенам и народам, осевшим в западном мире, тем более это не тангуты и меркиты, доставшиеся от междоусобного наследия отца Есукее. Лазутчики доносили, что они возвели города, облюбовали леса и равнины, лишь не могут никак ужиться. Держатся разных религий, поклоняются каждый своим святым. И жизнь их непохожа, и представления противоречивы. Одни лихо скачут на конях, другие, приросши к земле, погоняют взашей упрямого ишака. Следующие, по вероятности желтобородые, пасут свиней и пчёл. И вряд ли они все ведают, что волей Небесного Тэнгри на них идёт сам каган Чингисхан! Ведают аль не

ведают: он разрушит их города, окутает пламенем их густые леса. Падут ниц перед ним — не поскупится на милосердие. Ну, а заест гордыня и встанут супротив, то... Кто примет хорошо, окажет тому почесть, как брату, кто станет враждовать — сделает безухим рабом, чтоб скулил у порога. Другого выбора нет.

Размеренно раскачивается белая юрта на громадной повозке, запряженной волами. Невдалеке трусит небольшой отряд для прикрытия. Повозка, которую тянут волы, стуча дружно копытами, порой даст фору и верховой езде. В ногах его сидит, по обыкновению, истинно ненаглядная Райхано. Лицо персидской красавицы пылает гранатом, она не сводит с него больших сливовых, полных робости и любопытства глаз. Непонятно, смыкает ли она их вообще? Может, чему-то тревожится? Так и сидит неизменно: пробудись он нечаянно в полночь или ранним утром, когда гаснут звезды и он отрывает голову от подушки. Одарит лучезарным взлядом и молча, слабо улыбнётся. Проявятся молочные ямочки на обеих щёчках, точно следы от пальцев, тонким перезвоном дрогнут колокольчики серег. Дикая страсть... Довольно, оставь это!

Чей этот истошный крик? Э, так это Сарынджап, посаженный по правое колено от него. Что он мелет? Вблизи Отрара разграблен его караван из шестисот вьючных верблюдов? Говорит, что убит караванбаши? Отрубили ему голову? Остальные, с воплями, едва унесли ноги?.. Кто мог посметь, если дорога ему жизнь, покуситься на караван? Какой сумасброд мог, будто ягнят, перерезать подручных ему людей? Запаяматовали, что дальние караваны и полномочные послы ограждены от покушений?

Подозревают плутоватого кокандского хана Мухамеда? Нет-нет! Шахарбаши¹ Отрара — Каир-хан? Кто бы ни был, найдите скорее головореза! Наказание будет нещадным. Приступайте к осаде города! Предайте его огню, погребите под грудой пепла! Из поверженных голов, которые ковыряют стервятники, соорудите гору. Пусть видит разношёрстный народ. Иноземный люд. Пусть разнесут по миру весть о гневе его и непобедимости войска. Пусть ветер подхватит молву, превращая с годами в легенду. Дабы содрогнулись горы и камни, леса и степи, которых не топтало копыто его коней. Он резко встал. Обычно заволоченные думой глаза его источали молнии. Спокойное светлое лицо стало мрачнее тучи, волны медно-рыжей бороды, щекодаввшие горло, ошметинились дыбом. Ярость кагана не могла утихнуть, пока ходили по земле эти два отступника.

Прежде разорите непокорный Отрар, сказал он. Бросьте к моим ногам Каир-хана Иналчика. Вырву из него душу, трепещущую, как осиновый лист! Что делать с плутоватым Мухамедом? И его черёд не за горами. Пересчитаем и его косточки.

Огненной лавой, не давая никому опомниться, огромное войско осадило цветущий город Отрар.

Древний город опоясывал широкий и глубокий ров, залитый водой. Непрístupные ворота были закованы железом. Высокие и мощные стены, несмотря на то, что и днем, и ночью били по ним из громадных камнѐметов, не несли существенного урона.

Из-за сплошного дождя стрел и града камней его войско под стенами не могло поднять головы. Но что же он тогда предпринял, установив свою Белую ставку вдаль от побоища на лобном месте? Поделит войско на две части. Одну часть отправил в Коканд. Приказал идти вослед и не давать спуска плутоватому Мухамеду: «Разорить город, а из черепов его защитников воздвигнуть гору. При моём приближении, чтобы белела на расстоянии полднего пути. В том только случае воздастся за погубленный караван». Другая часть войска держала Отрар на осадном положении. Решил он заодно и лошадям дать передышку, и воинам, проводившим сутки в седле, приобдириться. Минувло месяцев шесть. Город должен был начать вымирать от недостатка воды и продовольствия, а ему всё было нипочѐм. Появились слухи, что воду жители берут из водопровода, протянутого под землѐй от реки. Допустим, пьют. Но долго ли можно протянуть на одной святой воде?! Наверняка, где-то существует подземный ход. Горожане через него в один миг уйти не могут. Трудно проскользнуть незамеченными от сторожевых, устанавливающих днем кордоны и ночами жгущих вокруг шенгель и саксаул. Впрочем, без сомнения, по узкой подземной тропе налажено снабжение необходимыми продуктами. Как же найти вход? Под каким бугром, под какой балкой он кроется? Обыщите всё вплоть до мышиных нор, но найдите непременно, потребовал он. Некий осведомитель донѐс, что слышал от бродяги с котомкой через плечо, что подземный ход тянется аж до самого торгового Сайрама. Не-не, баба, собиравшая кизяк, указывала явно на Карнак. Видала, говорит, вход своими глазами. Да сквозь него целую отару можно прогнать, вторил ей типичный пустомеля.

Пока он терялся в догадках, пришла весточка от главного визиря Каир-хана, который давал согласие отворить ворота города собственными руками в случае дарования ему жизни. Пусть откроет, сказал каган. Больше по тому поводу он не тратил слов. Главный визирь тем не удовлетворился и просит пристроить его к правому колену кагана. Хочет ещё и набить хурджун оплатой за услугу!

Последнее донесение застало его на холме. Он стоял погружѐнный в думы, и легкий ветерок оглаживал его медно-рыжую бороду. Лицо его выразило изумление, в глазах читалась ирония. Он многозначительно кивнул головой воеводе Субетаю, ожидавшему из его уст справедливого вердикта. Пусть не мешкает! Доставьте его ко мне. С Каир-ханом в упряжке... Тогда и услышит моѐ решение.

Поздним вечером непрístupные ворота отворились нараспашку. Ворвавшиеся ураганом отряды,

¹ Шахарбаши — глава города.

сметая всё на своём пути, устроили погром на улицах. Мечети с золотыми полумесяцами, караван-сарай с серебряными куполами — всё подверглось грабежу и разрушению. Старое и молодое мужское население, способное держать хотя бы кочергу, было затоптано конями. Молодые девушки и взрослые женщины бесстрастно бились в руках похотливых захватчиков...

Вместе с утренним пением птиц в его белую юрту завели в колодках Каир-хана и его главного визиря. Каир-хан оказался рослым, темно-русым красавцем. Стриженная бородка придавала правильному овалу лица ещё большую аристократичность. Он предстал перед ним, не преклонив ни головы, ни колен. Бросив холодный взгляд искоса, он так и застыл, ровно сосна стоеросовая, всем видом как бы говоря, делай, что знаешь, пока есть возможность. Эдакая непреклонность, очевидно, и принудила изнуряющих шесть месяцев противостоять ему. Превосходно, отменный рыцарь! Только лишь одного не понимаешь, что показывать геройство перед каганом сродни безрассудству...

Смотреть же на розовощёкого, коротконогого, с округлым брюшком главного визиря, старавшегося врасти в землю, было просто печально. С мольбой в глазах, он рухнул на колени и распластался ниц. Лежит и ещё скулит невесту о чём? Да бормочет: «Ворота открыл именно я, мой повелитель, всю жизнь изнемогал от нетерпения узреть торжествующий момент Вашего прихода!..» А, вот оно что, горемычный! Побалакай, продажная твоя душонка! Побалакай. В этот час Каир-хан, горько ахнув от изумления, со всего маху пнул жирную задницу прилипшего к полу некогда главного визиря.

— Эй, Каир-хан, — воскликнул он тогда гортанным голосом. — Всю свою жизнь ты держал около себя какого-то прихвостня. Сегодня он предал тебя. Завтра предаст меня. Ему не дано понять, что есть на свете вещи, которыми не торгуют. Не сетуй, что уйдешь неотмщенным. Возьми лук, хоть и слабое тому утешенье. Выбери из колчана стрелу с ястребиным пером. Препроводи собственноручно душу его в преисподнюю. Да чтоб не запачкала его поганая кровь мою Белую Орду. Отведи-ка его на тот дальний холмок...

Прокатилась молва, будто гремучая стрела, распекая свежий утренний воздух, пробила грудь и вырвала наружу грешное сердце главного визиря. Очередная стрела предписывалась Каир-хану. А жаль... Напрасно пропала головушка храброго воина в тисках сладкой лжи и горькой истины!

Взял Бухару. Одно слово, что взял. Шаг не ступи — мечеть. Смотришь на небо и видишь высокие минареты. Не стал будоражить города, погружённого в фимиам священных писаний. Копыта его коней не попирали ничьих учений. Несмотря на то, что эмир Бухары каждодневно кланётся в верности, главный муфтий по имени Наджимиден Кубира и

тени не кажет. В шестислойной чалме, говорят, мудрый ученый. Заговаривает огонь, заставляет воду течь вспять. Допустим. Ужель великий каган не удостоился его внимания? Али его Небесный Тэнгри в чем-то уступает Всевышнему его Создателю? Что за непомерное высокомерие? И стоило ему кивнуть, как тот был доставлен, не успев коснуться земли ногами. Пядь во лбу, утомлённое размышлениями лицо. Упрямая, в обе стороны торчащая борода. Шеи не гнёт. Колен не сгибает. Шагает по узорчатому, многоцветному, длинноворсному ковру, не снимая пыльных галош. Что-то роняет с конца губ и умолкает. Таково было его приветствие.

— Поклонись! — сказал тогда каган сурово.

— Челу, преклонённому перед Создателем, не подобает поклоняться простому смертному.

— Разуй галоши.

— Однако, не дом Господень.

Ни на йоту не думает уступить. Глядит в упор, дескать, делай, чего заблагорассудится. Словно и снисходительная улыбка гуляет у рта. Раз такое дело, решил его проверить. Пробежать по вопросам.

— Почему грубое слово мусульманина делает вероотступником?

— Слащавым словом и змею выманишь из норы. Прежде освободись от условностей, которыми ты окружён.

Что он хочет этим сказать, эй? С кем надумал вступать в перепалку? Острая сабля может стать всемерой. И слетят в никуда: и голова, и чалма!

— Как счастье, так и несчастье представлены единым Творцом. И жизнь, и смерть — его дар! — сказал тот, точно читая его мысли.

— Счастье и горе раба Божьего сегодня в моих руках. Его жизнь и смерть находится в воле Великого кагана. Не путай то и это, светило!

— Тфу! — сказал Кубира, сплюнув через левое плечо на узорчатый, многоцветный, ворсистый ковер.

Его взгляд невольно пал на Субетая, стоявшего рядом. Сверкнув единственным, грозным глазом, военачальник скомандовал нукерам, и в воздух взметнулись наконечники копий. Приговор был безмолвным и поспешным. В итоге он узрел, в чьей власти и жизнь, и смерть, и счастье, и несчастье, о которых мудрёно рассуждал. Сам виноват!

— Эй, Чингисхан, гибель твоя придёт от огня или воды! Помяни слово!

Зря пролил кровь. Подлинно являлся провидцем. Такова она — безграничная власть, подталкивающая в безграничную пропасть. А жаль...

Кто это предстал перед ним? Борода седыми прядями спадает на грудь. Одухотворенное лицо излучает свет. Протягивает ли руки для приветствия? Похоже, что-то хочет сказать. Боже ты мой, так это святой угодник Акбура¹! Когда же их сводила судьба? Куда запропастился? При взятии Отрара. Затем...

¹ Акбура — мифологизированный странствующий угодник.

Оставлен позади разрушенный Отрар. Некогда бурлившая, цветущая жизнь погребена под грудой руин. Заполонили плотоядные грифы. Облюбовала гнусная гиена. Кто же не заедает чей-то век?! Не тягайся с более сильным. Имеет он в виду погибших не своею смертью. Но простого народа он не трогал и давал ему свободу. Не он ли сам наказывал, чтоб не наступали на муравья, который ищет пропитание.

Перед самым сбором одноглазый воевода Субетай приказал снести в огромную кучу несчётное множество книг и рукописей, обшитых кожей и тканью. Разнёсся повсюду слух, будто самую большую библиотеку на Востоке хотят предать огню. Услышав такое, преподобный Акбура упал на колени и взмолился: «О, Великий каган, здесь не только наследие Ислама, здесь хранится собранная со всего света сокровищница человеческих знаний. Кропотливые труды древних учёных и вдохновенье непревзойденных поэтов. Книги не стоят поперёк дороги. Они не чинили вреда. Так в чём их вина перед вами? Пощадите дар времен, пощадите...» — говорил он, и горячие слезы стекали по прядям седой бороды.

Он исполнил просьбу. Выбил из рук воеводы Субетая, сверкающего единственным глазом, горящий факел. Намеревался переправить в Кара-Корум. Сложить аккуратными рядками на возвышенном месте. Окунуться в глубокий кладёз добра и разума. Единственно, коней покамест не повернуть.

На девяти десятках телег едва-едва перевезли за девять суток. По пути на Сайрам взгромодили на высокий холм. Выкопали просторное хранилище. Уложили штабелем и закопали. Вода не подберется. Ветер не разметает. И земля сохранит навеки.

Затем он встретил Акбуру у подножия Казыгуртского хребта. И тут он вышел ему навстречу.

— Старость одолевает, шага вороньего не ступить, — молвил мудрый предтеча, созерцающий закатный день. — Великий каган, гора Казыгурт — священное место для здешнего народа. Обходи её с благоволением. На вершине её покоятся останки Ноева ковчега. Благодатная эта земля некогда спасла детей человеческих от Вселенского потопа...

Куда меня несёт, вздымая к небесам брызги пены, бурлящий поток?

Пробудиться бы мне...

* * *

Малый, но урок преподнесен был отцом Есукеем.

Красным полымем догорали вечерние сумерки, скотина загнана в стойло, творожная похлёбка приготовлена. Мать расстилает матерчатую скатерть на низком столике. Отец, взяв в руки неразлучную спутницу — двенадцатизильную плетть заботливо её смазывает, захватывая кнутовище из таволги, сырым курдючным жиром. В чём же интерес дитя пяти-шести годков? Конечно, он забавляется целой торбой альчи́ков. Расставит, прицелится вблизи и, щуря глаз, мечет издали, полный самодовольства. И в

такой безмятежный момент мать вдруг истошно как закричит: «Ой-бай! Глянь-ка на это, ой-бай!»

Верхний полог дымохода юрты был открыт. В центре на таганке о трёх ногах стоял чугунный казан. Колеблющееся пламя под ним отбрасывало по кругу причудливые тени. Мать, не опуская указательного пальца, показывала на верх. В её глазах светилось и удивление, и испуг одновременно. Машинально взглянул и он. Длинная, не менее размаха двух рук, черная змея, проползши через верхнее дымовое отверстие, зацепилась за унины.

— Ой-бай, надо убить!

Отец молча встал с места, глянул на змею и улыбнулся. Затем подцепил её, свешивая по обе стороны, таволговым кнутовищем плети.

— Оулен, принеси-ка молока!

Из чаши, наполненной до краев овечьим молоком, он струйкой стал лить на голову той черной, в размах рук, змеи. Исполняя старый обычай, он внимательно наблюдал за удивительной тварью. Змея, высунув раздвоенный язык, никакой враждебности не проявляла и даже не шипела. Напробовавшись молока, она медленно поползла к порогу. И затем сгинула в ночной темени.

— Уах! Верно, предводительница целого гнездовья. Пришла, судя по ней, проведать. И получив угощение, покинула нас довольной. Отныне своему потомству передаст завет. Впредь, не причинять вреда отпрыскам Есукея. Поняли, в чём кроется секрет?

* * *

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу краин света...

Это же он, собрав многотысячное войско, идёт на Саудакент. Город, который в своё время, растворив льстивые обьятия, без сопротивления склонил голову, сегодня показал оскал. Неоднократно грабил караван, идущий по Шёлковому пути из Китая. Захваченное добро пустил на делёж. Обратил в раба караванбаши, отрезав ему уши. Прочим, абы не сбежали, подсек пятки. Под кожу засыпал мелко рубленый конский волос. Разнеслась скверная весть, что сделал торговых людей козлоногими вообще.

Одновременно передовые тумены на Западе заняли Киев, и свободно прогуливались по Европе. Он бы и не обратил внимания на строптивость какого-то Саудакента, расположенного под самым носом. Между тем есть указ Великого кагана, действующий одинаково на всей территории империи. Один из его пунктов гласит — не чинить преград караванам и не проявлять враждебности к торговому люду, соединяющему страны, пополняющему казну и доставляющему населению столь нужные товары. Равнозначно перекрыть животворные русла рек. Если кто бы то ни был преднамеренно нарушит данную его волю, наказание одно — смерть!

Войско, поднимая тучи пыли, окружило город. Свою белую юрту он установил на холме в отдале-

нии. Узрев жуткую картину, город всполошился. Засуетились и забегали, спотыкаясь о собственные полы халатов, высокомерные сановники и неуклюжие, напоминающие жирных уток, богатеи. Не успело молоко вскипеть, как ворота города были распахнуты настежь. Кто-то в огромной чалме во всю прыть скакал на своем мышасто-сером коне. За ним следом, рассыпавшись цепочкой, подобно катышкам жеребца, потянулись и остальные. Приблизившись на расстояние ягнячьего выпаса, резко встали. Белая юрта на холме, словно бы белая сова, таращившая глаза, вселяла в них неимоверный ужас. Не в силах унять дрожь в членах, они теряли остатки самообладания. Но согласия принять он не дал. Напрочь отстранился. Несмотря на все старания, куда было им лезть на рожон? Держал их не солоно хлебавшими эдак дня три. Изжаривал на июльском солнце, как бы желая живьем уморить. Такого рода способом он выжал из этих корыстолюбивых недоумков все соки. Ибо они, как на подбор, были медными лбами. Надеялся заронить в них хоть каплю благоразумия...

Саудакент? — нет, не похож. Это же Сарайчик на Жаике! Что за видения, роящиеся перед глазами? Поднимающиеся из уголков памяти. Толкущиеся бессчётными картинками и образами. Да, Сарайчик, явно он. Вольготно разместившийся на берегу раздольной реки Ак-Жаик. Роскошные дворцы. Жители, не знающие ни в чём нужды. На склонах холмов тучные гурты всех разновидностей скота. Днём в реке дыбятся большая рыба. Уподобившись овцам, блеют полуночные лягушки. Благообразный и вельможный люд встречал его за дневной переход, а за полуденный отбивал челобитную. Города трогать не стал. Уж больно пригож показался. Тумены расселил на постой по кишлакам и аулам. Заодно и отошавшие кони, чтоб округлились. Не будут брыкать брюхо, не возьмут и карьера. На пути предстоят перевалы, пролегают полноводные реки. Остроклювых орлов своих и ястребов, ровно как и точеные сабли, надобно лелеять и холить, доставая на свет из ножен.

В приступе ярости, перед тем как оставить город, он собрал всех известных и знатных вельмож и, приказав привязать им на шею по камню, сбросил в реку Жаик. Погубил в глубокой пучине. Потому как и обида его был глубока. Уличил в непростительных умыслах. За маской благодушного радушия обнаружил уродливое двуличие.

Так всё таки за что? Кто-то вправе задать вопрос? Так вот, пока он безмятежно отдыхал в гостях, заправилы с побережья реки сговорились с башкортскими однородцами из Зауралья. Снарядили гонцов на Устюрт к туркменам. Препроводили письма кровным братьям, пребывавшим в Кажы-Тархане¹ и Крыму. Предлагали объединить силы против монгольских гостей. Сговорились сколотить единое

войско. Сплошь разношерстный сброд! Возомнили себя сливками на поверхности народа. Им бы лучше знать, что они лишь поскребки со дна казана.

С ним был рядом внук его Бату². Пострел-то и заметил что-то неладное. Он и не предполагал. Куда им-де деваться из плотного кольца туменов. Попрятаться не успеют, стоит повести бровью или забить тревогу. Так-то вот.

Столы ломились от яств. Сидя во главе дастархана и думая о своём, он как-то и не замечал всего происходящего. Потянулся было за кубком с ароматным, душистым напитком. Надеялся смочить пересохшее горло. Как в ту самую минуту маленький Бату ухватился за его рукав. И пронзительно вскричал. Кубок, изготовленный китайскими мастерами, был цвета мрамора. Стоит положить в него яд, как он тотчас меняет свой цвет. Возводя бесконечные стены, поедая червячков и букашек, на какую только хитрость они не способны. Лилейно-белый кубок изнутри стал вдруг голубым. Жидкость в нем перламутрово переливалась цветами радуги... И это его, обласканного самим Тэнгри, пытаются обречь на неслыханные муки?! Душу, над которой властно лишь Небо, хочет отнять первый встречный. Он-то думал, что они исстрадались по добру и справедливости. Ан нет — безмерно возгордились! Превратно приняли простоту. Благое расположение сочли за слабость. Собище растленных грешников!

Смертоносный напиток выплеснул в лицо сидевшего напротив и уткнувшегося в пол главы города. Разом встал. Львиный рёв его раз шесть обогнул всю майданную площадь.

Поднялось войско, выровняв строй. Сарайчика, предназначенного в будущем Бату, поджигать не стал. Собрал до единого всех знатных и известных вельмож. Приказал каждому по весу его подобрать камень. Волосяными веревками привязать к согбенным шеям... Срывавшихся с высокой кручи злостных людей поглощали без разбору волны раздольной реки Ак-Жаик. Безгрешная река всё не могла насытиться грешными телами. Лицезревшие эту жуткую картину правоверные, словно бы призывом к азану, долгим эхом сотрясали впоследствии поднебесье: «Чингисхан — карающий меч Аллаха!». И буд-то перед ними расстелены молитвенные коврики, бросились лбами под ноги великого кагана.

А что Саудакент? Тем временем, как он протягивал шёлковый аркан между Востоком и Западом... Ставил волчьи капканы на караванном пути. Он принял их на четвёртые сутки. Выскочке, скакавшему впереди на мышасто-сером коне, отрезал уши и предал рабству. Прислужникам подсыпал в пятки рубленого конского волоса. И, распорядившись найти того караванбаши, покрывшегося струпьями и питавшегося объедками, всучил ему ключи от города. Какой человеческий сын противостоит «карающему мечу?!»

¹ Кажы-тархан, Аштархан — исторические названия города Астрахани.

² Бату или Бату-хан — Батый.

В памяти сохранилась одна шутовская притча, поведанная отцом. Как же она начиналась? Ах, да! С изумрудной глади небольшого, но красивого озера шумно вспорхнула и поднялась в воздух стая уток. И куда-то направилась. По пути им встретился ясный сокол и спросил, в чём дело. Тогда утки ему ответствовали: «Да пропади оно пропадом! Воняет, просто невозможно! Вон там, в отдалении есть другое озеро: и вода в нём почище, и на вкус поприятнее. Вот туда и летим!» Тогда сокол, говорят, посмотрел на них и сказал: «Пока живы ваши жопы, и ему недолго провонять...».

* * *

Где же тюркский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало.

В одно время он, преследуя по пятам Хорезмшаха Мухамеда, покорял одно за другим селения сартаулов. Войдя в древний Ургенч, великий каган устроил передышку. Созвав местную знать, принимал решения. Давал щедрые обеды. Утомленные изнурительной верховой ездой, нукеры отдыхали и устраивали массовое веселье. Местное сартовское население, избежавшее погромов, лезло из кожи вон, чтобы угодить грозным степнякам, устраивая различные игры и представления, показывая своё умение. Это было одним из них. В центр вышла стройная, обольстительная девушка, одетая в полупрозрачные наряды из тутового шёлка. Вышла не одна, на руках у неё была трёхметровая змея. Толщиной примерно в руку борца-палвана. Змея, скручиваясь и извиваясь кольцами, точно толстый волосаный канат, ластилась к телу девушки. Проползала по её груди и свисала хомутом с шеи. Девушка с глазами лани, приблизившись к нему, склонилась в кротком поклоне. Он тоже проявил благосклонность. Бросил ей золотой слиток с копытце стригунка. Воины-нукеры безумно восторгались невиданным ранее зрелищем. Раз уж сам великий каган в приподнятом настроении, то им и сам Бог велел. Один из них, подойдя к девушке, протянул к змее руку. Надумал погладить ладонью. В мгновение ока змея перекинулась на него. Скрутилась кольцом вокруг его шеи и стала душить. Глаза несчастного выскочили из орбит. Хлынула кровь из носа и рта. Никто и понять не успел, как бездыханное тело сползло на землю.

Потомки мои, власть в руках человека также небезопасна, как хищная тварь в руках той девушки. Поступишь неосмотрительно — затянешь на своей шее удавку. Поди, многое останется ещё неизменным под этой старой луной.

* * *

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу окраин света...

В Сарайчике видел небольшое, с наперсток, озеро Сахарное. Прозрачное, как слеза, среди просторов

зелено-рыжей степи. Лежит, будто алмаз на ладони. Не заросшее камышом и рогозой. Вокруг стоят и перешептываются по икры в воде белые березы. Воду де подсластили наботом. Лебеди, стеля крыло, одни садились, одни с клёкотом взлетали. Зрелище, достойное платы. В вечерний час он прогуливался вдоль по берегу. И, о чудо! Из-за ближайшего мыска на волнующуюся шёлковую гладь озера выскользнула, словно перышко, золотая лодчонка. И направилась в сторону лебединого гурта. На лодчонке, слепившей отражением закатных лучей, сидела молодая дева в черном одеянии. По сторонам не оглядывалась. Ко всему безучастная. Вёсел едва касалась. Любимчики озера, грациозно скользившие парами, и не помышляли принимать её за постороннюю. Плыли навстречу, плескали крыльями, проявляя явную радость.

Год назад её избранник захлебнулся в омуте этого красивого озера. Сама она была дочерью военного сановника. Росла беззаботной баловницей, не ведавшей огорчений. Отец, угождая капризам единственного чада, засыпал в озеро телегами набот. Сделав его сладким на вкус. Распугав гусей-уток, приручил лебедей. Так баловница отца и баловница озера лебедь нашли язык меж собой.

После беды облачилась в черное. Перестала говорить. Отстранилась от житейских радостей. Отворачивалась от тех, кто пытался раскрыть её душу. Все свои тайны доверяла вечерами лебедям. И делилась с ними печалью, разбавляя воды сладкого озера горькими, подобно живительным каплям, слезами.

Изящное создание даже и не повернулось в сторону Великого кагана. Прислужник, которому не понравилась неслыханная вольность, вопросительно взглянул на него. Он пресёк его одними бровями.

Неужто и девушка, окликающая и плача, улетает вместе с белыми лебедями? Поднимается в синь на чудо-лодке, обратив пару вёсел крыльями. Тесновато на земле, зато просторно под небосводом. Не сожалеет ни о ком, лети!

Почему тумены из Крыма вновь окружили Сулак? Как ещё нужно его покорять? Он ведь эту прочную крепость уж брал. Не оставил от города камня на камне. Пролилось много крови. Несговорчивого князя отпустил, сделав евнухом. Нешто мало, забыли прежний урок? Уклоняются от подати? Куда же смотрит Чагатай? Пусть первоначально на приступ бросит своих слонов. Дабы пришли в ужас, увидев эти, машущие ушами, ровно эфиопы опахалами, громадные чудища! Больно уж знакомая картина. Стоит всё перед взором. Дай, всевидящий, памяти!

Однажды в долгом походе он наткнулся на город-крепость. Ворота окованы железом. Высокие крепкие стены. В ширину в три размаха рук, не менее. Глянешь на башни — малахай с головы слетает. При возведении, небось, предвидели, что, в конце концов, придёт претендент. В стенах и в башнях по всей окружности зияют бойницы, напоминающие пчелиные ульи. Из этих бойниц сыпался град стрел. Ни

встать, ни поднять головы. Взмешённые кони, сбросив всадников под стенами, возвращались налегке. Терпение было на пределе. Он кипел от ярости и негодования.

Камнемётные машины сотрясались и днем, и ночью. Велел наматывать на стрелы фитили. Подпалив их, отправляли через стены. Смоляные сосновые крыши загорались хорошо, клубясь черным дымом, но быстро гасли. Проворные горожане успевали их дружно тушить. Думал он думал и решил снарядить послов. «Аз есмь хвостатая звезда Небесного Тэнгри. Смирись перед судьбой. Прислушайтесь к волеизъявлению моему. Не устраивайте кровавого побоища. Прикройтесь крылом моего милосердия. Тогда сохраню вам нетронутым город. Дарю вам ваши жизни. Таково моё последнее слово. Коль не покоритесь — небо упадёт на землю. Реки потекут вспять. Земля повергнется в огонь и пепел. Всё живое поглотит трясина. Рвы и овраги наполнятся трупами. В лесах не оставлю голой жёрдочки...»

Подняв белый флаг, посланники подошли к крепостной стене. Града стрел не последовало. Приставили длинные лестницы. Камни не полетели. В тот момент, когда пятнадцать безоружных людей, карабкаясь, почти взобрались на стену, душераздирающий вопль потряс всю окрестность. Кипячённая на углях смола, бочка за бочкой опрокинулась на головы послов. Сварились заживо. Бездушные тела обсмолёнными, чёрными валунами катались под ногами.

Это переполнило чашу. В тот же час сгустил он над крепостью чёрную смерть. Пускай себе льют, пока не закончится смола, не останавливайтесь, сказал он. Стены вокруг города были обложены лесами и подмостками. Никакая сила уже не могла остановить озверевшие тумены. Горящие стрелы сыпались на защитников, словно ноябрьский снег. Громадные боевые слоны с диким рёвом растаскивали железные ворота.

Один только всемогущий Тэнгри мог встать на пути. Так как не существовало тому преград меднолобых рабов Божьих. Он не оставил камня на камне. Правда, женщин и детей, убегающих по закоулкам, не тронул. Однако всё мужское население посчитал недостойным стрел. Приказал умертвить поголовно испытанным монгольским методом.

Метод... Какой же это был метод? Возбужденное сознание спутывалось именно в этом месте. Монголы престарелых и обессилевших родителей... Он был мальцом, недавно поднявшимся с четверенек. Несмотря на то, событие пропечаталось в его детской памяти навечно. В опустившихся густых сумерках послышался топот копыт. Следом раздался отчаянный вопль: «Есукей, где ты? Спаси меня!» Хлопнула створчатая дверь. На пороге появился старик, двоюродный брат отца. Задыхаясь, он упал к нему в ноги. Отец, помрачнев лицом, потерял дар речи. Не знал, что и думать. Старший брат, стоя на коленях, умоляюще смотрел на него. Бормотал что-то невразуми-

тельное. Не понимая происходящего, он в страхе прижался к материнской груди. Кто осмелился покуситься на старшего брата управителя племени кият, именитого Есукея-багатура? Какой охальник не даёт ему житья? Отец долго сидел молча, наконец сделал знак Оулэн подбородком. Тем он давал знать, что пора подавать айран и укладываться спать...

Позже мать, не в силах сдержать слезы, объяснила тайную суть того ночного визита. Да, взрослые дети престарелых и обессилевших родителей... Сначала обихаживают, не чая в них души и угощая арком¹, приготовленным из ячменной настойки и крепкого кумыса. Подливая то и дело, спаивают до пьяна. До полной потери ими сознания. После того... После бьют по пояснице, обрывая позвоночный столб. Таков сыновий долг. Неукоснительная традиция, унаследованная от предков. Не исполнишь, будут кликать «эй, нечестивец!». В среде родичей станешь бельмом в глазу. Потеряешь средю общения. Тела испустивших дух родителей поднимают на возвышенность либо оставляют у подножия. И радуются тому, что прилетевшие на пир стервятники всё выклевали и оголили белые кости. Благая весть вознаграждается подарками. Говорят, улети во владение Вечного Тэнгри. Душа попала в райские кущи.

Будучи ребенком, он содрогнулся от услышанного. Тело бросало в жар. Нарушился сон. Время от времени в его ушах возникал отголосок отчаянного крика: «Есукей, где ты? Спаси меня!» Он проклял в душе такой обычай.

Отец его в битвах с врагами безвременно погиб. Мать старался защитить от всех бед и лишений. Она умерла, спокойно состарившись, собственной смертью.

Мужское население Судака... Всем без исключения переломали хребты. Трупы складывались пирамидами. Руины города лежали под огнём. Князь и тогда не склонил головы. Надменно выжидал. Сохранял достоинство. Поэтому и удивил его, заслуживал симпатии. Приятно, когда твой противник достоин духом. Предай он народ, спасая себя, открой своими руками ворота — всё равно не быть ему в живых. Статный государственный муж. Смотрел прямо, хладнокровно наблюдая за ходом событий. И не шёл на попятную, держался до конца.

Слышал, что годом ранее умерла его жена. Под спудом переживаний жил бобылём. Он и подумал, какое же наказание может соответствовать вдовцу. Уважив его храбрость, не стал приглашать палача ломать хребет. Отпустил бы. Но как понимать поступок с заживо обваренными пятнадцатью послами, целой армией полёгшей под стенами? Уйдут не отмщёнными? И к тому же князь состарился, теперь ему не о женском счастье надобно печься... Отпустите-ка его, охолостив, сподобив старому нашему мерину. Отны-

¹ Арк, арак — крепкий алкогольный напиток, водка.

не поживёт и евнухом. Будет впрок и другим князьям, кто лезет из кожи вон показать себя...

М-да, озеро Сахарное... Лежало, как алмаз, на ладони. Из-за ближайшего мыска на волнующуюся шёлковую гладь выскальзывала, словно пёрышко, золотая лодчонка. Позже, когда красна девица и краса озера — лебедь роняли в воды сладкого озера живительные капли слёз... Лодка опрокинулась, и девушка, захлебнувшись, утонула. Ходила молва, что единственную дочь сановника предали земле в золотой лодчонке. И та людская молва заронила в нём мысль.

Пробудиться бы мне...

* * *

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут, очертя голову, в тысячу окраин света...

Э, да это родной Кара-Корум! Край обетованный. Почему давно нет вестей от Кулагу, повернувшего коней на Миср¹? Куда девался этот летописец с искусными пальцами? Отчего бы ему не подготовить письменного привета, сродни тому, которое мы препроводили Субетая? Что же они на шелку начертали, скрепив рубиновой печатью? «Зная твою доблесть и безграничные возможности, я отдал тебе на откуп просторы между восходом солнца в предгорьях и его закатом. Всякому, кто подчинится воле твоей и присягнёт на верность, подари жизнь. Обладетельствуй милостью. Всякому же, кто пытается встать супротив тебя, наказание должно быть одно. Заверши его юдоль земную собственноручно. Отправь во владения Вечного Тэнгри», — витийствовал он. В трудную минуту будут опорой ему с двух боков. Напишите, скорей, Кулагу! Дайте в руки мне рдяную печать! Поставлю-ка я тамгу на все времена! Принесите, живей!..

Ведь это тот плут, которого подвластный народ величает Мухамедом Хорезмшахом! Бросив честь псу под хвост, убегает, что ли, в Афганские горы? Именно таким образом, под стенами Бухары и Самарканды спасалась его правоверная армия, завидя ревуших и несущихся прямо на них, содрогая землю, два десятка разъяренных слонов. Нет, нет, подался, кажется, в Персию. Впрочем, сочтут ли теперь его за султана? Совсем потерял рассудок. Почему же говорили, что бежал, поднимая пыль, не выдержав натиска Субетая? Поселился на крохотном островке, затерявшемся в пустынных водах Хазарского моря. Нашел там смерть от змеи. Кости растащили морские собаки — тюлени. Неужто воскрес заново? Гонитесь за ним на пристяжных. Закуйте обе ноженьки его в колодки. Не лучше ль почить шахидом на твердой земле, чем затерять кости в безмолвной пучине. Такова ему последняя милость.

Что делает Борте среди этой сумятицы и погони? Лицо её открыто улыбкой. Наречённая ещё при

жизни отца его Есукея, невеста готовится ступить через порог его с матерью скромного жилища. Сколько заснеженных зим миновало. По волосам его тоже пробежал белый иней. Нешто женщине и годы нипочём? Стоит, чего-то робея. Почтительно наклоняется. Ах, так на руках у неё длиннополая шуба, сшитая из меха черной куницы. Гордилась, что сама, своими руками скроила и сшила для суженого. И что же, до сего дня таскается с таким тяжелым подарком? Для юнца в то время он казался самым что ни на есть богатством, подношением Тэнгри. Спустя годы слава его затмила луну. Он стал величаться не иначе, как Властелином мира. Под ногами выросли горы золота и серебра, россыпи разноцветных, слепящих глаза, самоцветов. Неопишемого благолепия дворцы, бесчётные племена и народы склонились перед его могуществом. Правда, это великолепие не смогло затмить той старой куней шубы, которая в непогоду согревала его вдвоём с матерью в бедной, простой лачужке. Нет, несметные богатства искусённых лет не стоят и толики добра, которое ему выпадало в полуголодной, нищенской юности. Где же носит этого летописца с искусными пальцами? Не этот ли завет следует оставить его потомкам?

Так и теснятся, наступая на пятки друг другу. Утопают в белесом мареве и возникают заново. Кто этот вельможа со стриженной черной бородкой, а тот юркий, как воробей, чьих будет государей, что потерял здесь дородный молодой бай-боярин с отвисшим подбородком... Идут напролом за своей правдой. Подите вы прочь! Был бы бесценный сват или бывалый друг, куда ни шло... О, не верю глазам своим, неужели русская краса Ольга? Жива, стало быть. Значит, не сочтены были дни. Как нагло его провели. Если б умерла, то, наверное, не вернулась? Пробудиться бы мне. Загнал бы душонки лунов и плутов в одно игольное ушко! Им бы соседствовать с крысами. Скучают, быть может, по зиндану в сорок аршин.

Стройная и гибкая, словно ива. С голубыми цветами неба глазами. Золотистые, светлые волосы треплет ветерок. Подалась вперёд. Тянет руки. Дай-ка, поддержку твои лилейные пальцы. Приглушу тоску по тебе. Шевелит губами, но почему не слышно голоса? Повтори. Говори же! Ну, пойми теперь...

По сути, светлый облик Ольги давно ли появился в Кара-Коруме? Прожитые годы, как похожи они на быстро текущий сон. Предраассветный.

Князь Юрий Алексеевич собирался в дорогу, в надежде самолично подать руку кагану, поделиться негласными планами. Думал, примет полюбовно — побратаемся, вкусим от щедрот наших. Благополучно преодолев шесть месяцев нелегкого пути, прибыл с дорогими подарками и сувенирами. Сопровождала его всего-навсего небольшая дружина.

Принял его со всеми почестями. Водрузил отдельный шатер. Лично князю поставил шестикрылую белую юрту. Душа Чингисхана открыта к кому бы то ни было, кто признавал подданство, шёл с чи-

¹ Миср — Египет.

стой совестью, желая ещё более сблизиться. И объятия широки, и нравы возвышенны.

Князь Юрий Алексеевич сделался названным братом и дал клятву на верность. Преподносил дорогие подарки. Но его, о, Господи! избежавшего разноцветной мирской мишуры, разве можно удивить грудой подношений. Благоволил лишь в благом расположении. Единственно, восторженно, как увидел стройную и гибкую, словно ива, красу Ольгу. Улыбнувшись, засмотрелась и княжия сестра голубыми, изливаящими цвет неба, глазами.

Золотистые, светлые волосы... Обычно невозмутимый, хоть земля из-под ног уходит, он в порыве устремился к ней, протягивая руку. Сопровождавшую малую дружину охватило волнение, которое затем сменилось громкой радостью и гордыней.

Не доверяя другим наложницам, исподволь пакостившим друг дружке, попечительство поручил старшей из жён Борте. В дальнейшем сроднила их страстная ночь, оплатив всё сполна своей жаркой любовью. Жаль, не встретила в его молодую пору. Могло стать, подарила б наследника. Не сказать, иного рода-племени, не было в ней изъяна...

Внезапно в одну ночь краса его исчезла. Ни Борте, ни кто посторонний даже и не заметили. Он едва не перебил весь дозор, мимо которого мышь не могла проскользнуть. Молящих о пощаде наложниц чуть не попризывал к хвостам взбешённых коней. От его нестерпимого вопля гнулись деревья и стелилась трава, бурлила вода и стонала земля. Поставил заграждения, проверил горные тропы. Прочесал леса и степи. Пропала бесследно. То ли джинн обуял? То ли пери унесла на крыльях? Бежать в родные края и повода вроде не было. Коню не домчать — путь не близок. Избив копыта, падет по дороге. Не всяк зверь и не всякая птица одолеет. Стал не мил великий каган... Такое и подумать немыслимо! Сколь принцесс и прелестниц со всех концов света мечтают лишь попасть в его тень. Растопив немало сердец, он никого не неволил. Брал только то, что даровано судьбой. Всего и не упомнить. И только русская ладушка... Неужто её сладкие чары так и останутся воспоминанием до скончания века?

Источилась щербатая Луна, и на место её взошёл молодой месяц. Известие доставили случайные конные путники. В далеком горном ущелье нашлись останки княжьей сестры. Золотистые, светлые волосы терзали ветерок. По ним и узнали. То ли волк утащил? То ли медведь задрал? Одни кости белеют. Усмехавшимся, что бес попутал, поотрезал языки. Ополчился на всю волчью масть. Поубавил медвежью породу. В час погребения останков срезал золотистый локон и передал его в тайное хранение. С того дня и сам занемог. Никого ни видеть, ни слышать не хотел. Взял за обычай размышлять в одиночестве. Временами надрывно стонал. Пожалуй, неисполненная тоска язвой жгла изнутри...

Жива, стало быть. Знать, не сочтены её дни под солнцем. Так жестоко его погубили. Кабы умерла, то

бы не вернулась! Подойди, присядь ко мне рядышком. Успокой мою грусть и печаль. Почему тянешь руки свои с порога? Зовёшь меня с собой куда-то пойти? Пошел бы, да качающийся, зыбкий мир пока не отпускает. Не даёт пока права оставить.

* * *

Где же тюрский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало.

Избегайте пристрастия к богатству. Оно породит в вас желчь и зависть. Разожжёт ядовитую алчность. Отсюда пойдут ваши беды.

Чего добился Субетай в мусульманских странах и Мукулай в Китае оттого, что позарились на снаряжение, шелка и посуду, затуманившие взор? Забывают ремесла и традиции предков. Не родились ли вы на свет нагишом? Какой скарб хотите забрать на тот свет? Почему не возьмёте примера с меня? Разве сгрёбал я чрезмерное состояние? Или носил несвойственные одежды? Брал в руки чуждое нам оружие? Шёл на поводу превратного мира? О, нет! Вы же видели своими глазами.

Будете продолжать так жить, враги вас задушат в своих объятиях. Отречётесь от Вечного Синего Неба. Позабудете речь родную, к которой уж прислушался остатный мир. Натрете лаять и картавить на разных языках. Что тогда ты будешь из себя представлять?

Потомки мои, куда бы вас ни забросила судьба, не теряйте дороги к священному Кара-Коруму. Не предавайте одиночеству горы Бурхан-Халдун. Да не опустеют без вас воды Онон-реки. Там покачивается на ветру золотая колыбель твоя.

* * *

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут очертя голову в тысячу краин света...

Торопливо, враскорячку, паук старательно расставляет сеть. С завидной ловкостью соединяет меж собой две сухие ветки. Это же горный хребет Бурхан-Халдуна. Как сюда попал паук? В детстве видел их множество. Бредя следом за овцами, кидал в них камнем, разметав в пух и прах шелковистые, липкие пути. Видал, как шустро бегают? Ой-ёй, какое расстояние между ветвями! И паутина такая крепкая. Не уступает, кажется, волосному аркану. Возможно, и конь не разорвёт на скаку всей грудью. И под рукой, как нарочно, нет ничего подходящего.

Что это за звук, похожий на звонкое жужжание? Неумолчно впирается в уши. Кто же так отчаянно кричит? Маленькая, чёрная муха. Запуталась в сетях паутины. Вопит из последних сил. Пытается вырваться. Спрятавшийся за веткой паук спешит враскорячку. Как таращит глаза от радости, как искусно опутывает шёлковой нитью! Маленькая, чёрная муха, попав в плен, сопротивляется из последних сил. Как назло нет камня...

Перед началом Великого похода пригласил своего прорицателя. Принудил смотреть на Луну. Прорчитать ход звезд. Прорицатель в чапане до пят, прикрыв один глаз, ушёл в глубокое раздумье. Наконец, очнувшись, промолвил: «Вижу, собираетесь вторгнуться и покорить две большие страны. Однако не поспело время, говорят небеса. Впереди расставлены прочные сети. Первая — непроходимый водный поток, вторая — непреодолимая каменная стена. Есть стародавний кровный враг. Перво-наперво разбейте его. Сделайте себе подвластным. Вслед за тем путь будет расчищен дальше. Небесный Тэнгри сочувствует вам».

Пригладив медно-рыжую бороду, он призадумался. Стародавний заклятый враг — Тангутская держава. Главной целью его был Китай, укрывшийся за Великой стеной. Страна поделена на два больших лоскута, именуемых Северная Цзинь и Южная Сун. Иногда ссорятся, иногда мирятся. Особенно точил он зуб на Северную Цзинь, во времена оные коварно предавшую и погубившую прославленных ханов Кабула и Катыла. Наступила пора положить конец безграничному плутовству. Ничем не выказав коварных помыслов. Не объявив войны. Без всякой видимой агрессии. Стараясь играть на настроении вождей соседних кочевых племен. Раскатывая рулоны своих шелков. Предлагая огнестрельное оружие. Даря звонкие бусы и сверкающую посуду из фарфора.

Конечно, после подобных щедрот и красот степная вольница непомерно воодушевилась. Безмерно разгулялась. А с наступлением сумерек милые соседи распрямили когтистую, хищную лапу. Набросились коршуном. Разорили дотла. Сыновей, поотрезав уши, угнали в рабство. Дочерей, состригши косы, превратили в наложниц. Обездоленный народ полвека не мог прийти в себя.

Только при хане Амбагае племена тех монголов смогли окрепнуть. Император Цзинь, ожидавший мести, постарался заново заключить мир с отдельными вождями кочевников, закрепляя его излияниями и лобзаниями. Бросая огонь, разжёл между ними кровавую распрю. Страна номадов была истерзана. Разорённые племена откочёвывали. В затянувшемся противостоянии хан Амбагай угодил в плен. Его передали в руки китайского императора. Бросили в сорок локтей зиндан. Каждый божий день от его тела отрезали кусок мяса. Вырвали язык. Выкололи глаза. Погиб в нечеловеческих муках.

Обида и скорбь затвердели комом в сердце великого кагана. Народ Китая не имел числа. Отлично вооруженная армия, неприступные стены. Были, впрочем, и слабые места. Настало время набросить петлю на шею. Подобрали самый удобный момент.

Выходит, прорицатель не врал. Что же донесли его лазутчики, излазавшие сокровенные уголки Тангутского царства? Что дела их, расселившихся вольготно вдоль Жёлтой реки, судя по всему, идут в гору. Хан их, подражая императору Китая, отразил воло-

сы и скрепляет их пучком на макушке. Носит плетеный колпак. С утра до ночи сидит в высоком деревянном дворце на золотом троне. Жены его утопают в шелках, украшаются бусами, умащаются благоуханиями. Простой народ, бросив промысел предков, ковыряется в земле. Доволен тем, что набивает брюхо какими-то красными хлюпашками и зелеными хрустяшками. В передней к нам, западной, части размещена армия. То там то сям торчат жерла огнedyшащих пушек. Китай, по всей вероятности, постарался закрепить тангутов со стороны подступа явного врага, чтобы могли принять удар на себя. Иначе за какой надобностью укреплять ему инородный народ?

Что ещё донесли его лазутчики, излазавшие страну? Говорят, ихний хан, с утра до ночи не покидающий трона, установленного в деревянном дворце, кроме женщин, ни в чём не смыслит. Только и знает, изо дня в день, точно жеребец, обгуживать косяк одалисок. Сплошь отборные красавицы со всего света, будто пропущенные через волшебное колечко. Потому и бросают шары, путают очередность, царапаются и таскают друг друга за косы. Красу же самой младшей жены, дарованной меркитами, описать лазутчикам не представлялось возможным. Только и твердили, то грустит, то вздыхает, взгляд сияющий опускает!.. Что за дева, от которой теряют рассудок? Человек она или чарующая, может стать, пери?

Широкий лоб великого кагана невольно нахмурился. Прочертились две линии глубоких складок. Эй, меркитская дева, говорят? Те меркиты, которые с давних пор враждовали? Всю жизнь противостояли Есукее багатуру. Переворачивали округу вверх дном. На мировую не шли. Когда он взял в жёны юную Борте, налетели под покровом ночи... Позавидовали счастью сироты, отобрали и увезли его невесту. Сохранили, как единородную дочь, в надлежащем почёте, либо, укоротив косы, держали у порога, неизвестно! Позже, собрав отряд, он её высвободил. Не стал доискиваться до того, что былём поросло. Борте тоже, подобно истерзанной тигрице, не болтала языком. Не мучился он сомнениями и тогда, когда родился первенец Джучи. Забродили, правда, слухи среди сородичей. Дескать, не хватало вскармливать чужого волчонка-подкидыша. Разговоры такого рода он запретил. Можно сказать, пресёк на корню. Кто посмеет сказать непохож — розовощекий такой, в глазах искорки и остроумия, и грусти одновременно? От белолобого коня не всегда рождается белолобый жеребёнок. Родится со звездочкой? — совсем неплохо!

В таком случае, за дело! Да благословит нас Небесный Тэнгри! Одним взмахом руки, подобно двум своим могучим крыльям, он поднял ожидавших на чеку два тумена Субетая и нояна Жебе. Сам двинулся в одном ряду с гвардией телохранителей. Ровной, быстрой рысью они достигли Жёлтой реки. Но и противник не сидел сложа руки. Возможно, поднял их гул копыт. Тумен отважного Субетая бросил в ата-

ку первым. Нояну Жебе приказал обойти правый фланг и зайти врагу в тыл, чтобы, при неожиданном появлении полков армии Цзинь, не допустив соединения с тангутами, разгромить их на полпути.

Предупредительный удар смял начальные ряды противника. В сплошную массу смешались и бежавшие, и преследовавшие. Копытами коней вскопали огороды, на которых росли те самые, не столь сытные, зеленые хрустяшки.

Не успевая, как говорится, оглянуться и узрев плоды первой победы, Великий Каган остался доволен, ему было незачем созерцать поле брани. Доведя ещё раз до обоих полководцев жестами и мимикой то, что хотел сказать словами, внедрив в их сознание взглядом, он отправился в родной Кара-Корум.

Когда изогнутой тростинкой породился новый месяц, прибыл и гонец с радостной вестью. Тангуты разгромлены. Оба тумена, отяжелев обильной добычей, возвращаются назад. Хватаясь за последнюю возможность, хан тангутов, раз за разом, гнал людей для примирения. Снаряжал одного за другим веле-речивых послов. Они стлались у ног, точно перепелы с перепелятами. Старая обида разве забывается? Можно ли стереть из памяти кровь, понапрасну пролитую отцами и дедами, стенания юношей и девушек, попавших в рабство, муки возлюбленной в плену у меркитов, которую оберегал он даже от солнечных лучей?

Хана тангутов изловили на пути в Северную Цзинь, куда он бежал на пристяжных в надежде на покровительство. Мелкая, продажная душонка. Не смог достойно погибнуть, защищая свой дворец. Поймав, тут же лишили головы. Подняли на высокий шест. Водрузили посреди города.

Уцелевшее тангутское население, оставив земли, стало бродяжничать. Терпя лишения, распылилось по свету. Наложниц тангутского хана, доставленных из разных стран, поделили меж собой оба нояна. Перед тем как вернуться в Кара-Корум, он объявил, что не нуждается в тангутской роскоши. Богатая добыча попала в хурджуны простых нукеров.

Единственно нужное он объяснил двум своим ноянам на языке тайного жеста и многозначного взгляда. И намёк был выполнен в точности. Взору его предстала меркитская дева с сияющими газельими глазами. Дивная младшая супруга Тангутского хана. Он испытующе взглянул на неё. Красота небывалая для простого смертного, если не вмешалась нечистая сила. В его памяти сохранились лишь брови, то и дело смыкавшиеся и взлетающие крыльями ласточки. Великий каган почувствовал облегчение в руках и ногах.

Испытывая терпение, ждал приближения сумерек. Под белоснежным атласным покрывалом, на широкой шелковой перине... Кабы травленный орёл-беркут услаждался степной лисичкой с красно-желтой спинкой... Застарелой обиды не забыть. Всё же душа отогрелась бы немного. Отогрелась бы да утешилась.

На сей раз Борте взяла руководство на себя. Как правило, заурядными делами занималась Райхано. Омывая теплой водой тело вновь прибывшей молодой пассии, умащая благовониями и препровождая к своему хозяину, старшая жена Борте что-то, вероятно, заподозрила... И, видимо, не зря. Стоило лишь в ночном небе загореться светильникам звезд, возник неимоверный переполох. В ход пошли хлопки оплеушин. До слуха данеслись сдавленные рыдания. Посмотрите-ка, что вытворила красавица! Промеж ног в женский орган запрятала лезвие. Надумала месть совершить. Пусть, мол, орёл-беркут утонет в луже крови, когда, расправив крылья, опустится на неё. Пускай, думала, умрёт, не познав улады.

Старшая жена Борте, как выяснилось, почувствовала неладное. Забеспокоилась, словно ангел-хранитель, и пыталась предотвратить. Никому не доверила. Обыскивая двумя пальцами, обнаружила лезвие. Обнаружила и повырывала на бесстыжей волосы. Измазюкала прелестный лик, отсутствующий у простых смертных. Перепуганная до смерти, младшая жена тангутского хана оказывала сопротивление. Порывалась к реке, грозя утопиться. Хваталась за веревку, намереваясь удавиться.

Пораженный, он не предпринимал никаких действий. Руки и ноги его отяжелели. Нешто женщина могла придумать такое? Похоже, перед побегом в Северную Цзинь муж посоветовал. Чему хорошему научит плут? Можно ли ожидать от отступника, предавшего народ, благородных поступков? Хотел обесчестить Великого кагана, подослав женщину. Нашел якобы свою кончину от лезвия в промежности. Он мог бы казнить деву сей же час. Но народ скажет: Чингисхан застарелую злобу возместил на беззащитном существе. Скажет: каган совсем выжил из ума, копь воюет с бабами. Длинноухие сплетники начнут склонять на все лады. По ходу и приукрасят. Мало ли у него переменчивых друзей и врагов в сём коротком, как тень лопуха, земном веке?

Сидел он сидел и сказал, чтобы не трогали, но держали, однако, уединенно. В пище и одежде не ущемляли, но не поддерживали разговора. Не допускали мужчин. Обделили вниманием. Страдает пусть, не находя снадобья от одиночества. Так же состарится и закончат дни свои. Такова кара!

Что за отчаянное жужжание? Нестерпимо режет слух. Маленькая, чёрная муха. Угодила в сети к пауку. Почему он её не отпустит?

Пробудиться бы мне...

* * *

Где же тюрский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало.

Давным-давно, в стородавние времена жили два брата — два змея. Один из них был с одной головой, но со множеством разветвлённых хвостов. Представляешь? Второй же со множеством разветвлённых голов, но с одним только хвостом. Жили они

беззаботно: летом грели спины, а осенью наедались до отвала. Потом примчались предвестники лютой зимы — вьюги и метели. Теперь оставалось залезть в нору и проспаться до теплой весны. Вот тут-то и разгорелся скандал. Змей с одной головой, но со множеством хвостов, недолго думая, нырнул в нору и исчез из виду. А как поступил змей со множеством разветвлённых голов и одним хвостом, спрашивается? Каждая отдельная голова начала доказывать своё право первенства и отстаивать его. Переругавшись между собой, они стали хватать друг друга и не пускать ко входу... С приходом весны и солнечной оттепели одноголовый, но многохвостный змей выползает наружу. Глядит, а его многоголовый брат окоченел на морозе и помер у самого входа в нору. Для чего я это поведал? Подумайте сами, мои потомки! И помните об этом!

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут очертя голову в тысячу окраин света...

И утвердилась в нём мысль.

Утвердилась, и дал тайное поручение четырём своим сыновьям и ноянам, с громоуханием расправлявшим, будто сухую воловью кожу, четыре стороны света. Выискать династии мастеров, с искусными пальцами, умеющими чеканить из серебра и золота различные украшения и изделия. Никто не удивился очередному наказу Великого кагана. Мало ли чего желает душа его, ходящая под покровительством самого Тэнгри. Не поражает ли он на протяжении жизни как друзей, так и врагов! И не в последний, видимо, раз. Как и не в первый...

Раньше, когда только формировались тумены будущего войска, он отправил своих лазутчиков обойти целиком Китай. На что уж только не горазд этот народ, охочий до всякого рода насекомых. За счёт тутовых червей получает шёлковую пряжу. Ткёт из нее прелестную, льющуюся ткань. Прямо-таки удивительно — нить, производимая попкой червячка, по прочности не уступает конскому волосу. В конечном итоге из внутреннего Китая переселил целый хутор ткачей. Распорядился наткать рулоны шелковой ткани. С оплатой не поскупился. Полученный шелк заставил раскроить и сшить на всё войско нижнее бельё. В сравнении со штанами и куртками, сшитыми из войлока и кожи, шелковая ткань оказалась намного прочнее. Не всякая стрела, особенно дальная, могла пробить. Иная, если и пробивала, то шёлк, растягиваясь, входил в тело вместе с наконечником. Легче было вытащить и рана быстрее затягивалась.

Перед тем как выступить многотысячным войском завоёвывать страны мира, заново отправил людей в сопредельный Китай. Распорядился доставить лекарей и знахарей, знающих травы, готовящих снадобы, умеющих проделывать операции и вправлять кости. С отвисающими хурджунами прикрепил их к обозам. Нукеры, ранее не носившие шёлковых одея-

ний, ощутили вьювь его неоценимую пользу. Угождая под копыта и мечи, благодаря лекарям и шелку, быстро вставали на ноги и возвращались в строй.

Наступила очередь искусных мастеров. В Каракорум не столько пришли ногами, сколько их примчали, иной раз не давая каснуться земли, ювелирных дел мастера из Персии, Руси, Кавказа и Крыма. Великий каган, рассыпав перед ними золото, проверил, смогут ли справиться со статуей Будды. Затем оценил свою копию из серебра. Работы были выполнены без сучка и задоринки. Одна лучше другой. Наконец остановил выбор на выходцах с Кавказа. Пришлась по душе серебряная вязь по золоту. То, чего он и ожидал увидеть...

Подыскивая место, предпочёл тесное ущелье Бурхан-Халдуна. После выдалбливания породы внутри горы образовался дворцовый замок. В нём-то и поселил всю общину бородатых ювелиров. Возле узкого входа, в который мог проникнуть бочком лишь один человек, поставил круглосуточный караул. Появится путник или пролетит птица — всё попадало в его поле зрения. Иногда навевывался сам под видом верховой прогулки и охоты на дичь.

Ко времени полнолуния, когда месяц округлился серебряной чашей, люди, трудившиеся в горе, оправдали надежду. Исполнили его задумку. Великолепный золотой саркофаг длиной в три и шириной в два размаха рук стоял перед ним. Открыв тяжелую крышку, установленную на пяти петлях, долго глядел вовнутрь. Придирчивым взглядом осмотрел все четыре угла саркофага. Великий каган, некогда обозревавший с высоты седла все четыре стороны света... Ужели дух его, парящий в поднебесье, нашел место последнего пристанища? Ну, будет, оставь!

Обратил внимание на строки, отчеканенные по обоим бокам саркофага. «Чингисхан Волею Небесного Тэнгри повелитель мира». Хвала провидению! «Коли потревожите золотой саркофаг, наступит конец света». В полутёмной пещере золото, тисненное серебром, отбрасывало загадочные блики. От этих безжизненных бликов веяло холодным дыханием суетности земного бытия. Он невольно поёжился. О, светозарная жизнь, пролетаешь и ты над моею сирой головушкой!

Великий каган эту свою великую тайну из всех современных ему сынов человеческих донёс до слуха лишь одного мудрейшего Кокочо-Цоса...

Да, тангуты были разбиты. Между тем закончились ли на том, как переменчивый ветер в непогоду, скрытые козни недругов? Всегда найдутся обиженные и ненавидящие его супостаты? Один из них — хан Кучук, отпрыск найманского хана Таяна. Призвав себе в союзники меркитского вождя Токтабека, не прекращает ерепениться. Сколотил войско. Говорят, задрал нос, получая огнемёты из Китая.

Меркиты — старые соперники, примирения быть не может. Подобрал удобный момент, судя по всему, пришло время ударить по ним одновременно. Под

прикрытием сумерек вызвал в ставку своих ноянов-воевод Субетая и Жебе. Спустя несколько дней оба тумена уже держали курс на Восток. Не обыденно и серо, а под торжественный треск барабанов и призывы сурн. Иногда, чтобы подавить настроение противника, такой метод тоже уместен. Он как бы давал понять тем самым, что с тобой воевать — что на прогулку сходить. Всего-то делов, прийти и взять тебя за шиворот. А мотивы ему известны.

В стан врага оба тумена ворвались с наскоку. Не дав опомниться, тут же обратили в бегство. Разворотили укрепления. Кишлаки сровняли с землёй. Вытоптали посевы и пастбища. Захватили людей и скот.

Голова Токтабека, не удержавшись на плечах, попала в дорожную сумку и выкатилась к нему под ноги.

Хан Кучук, скрутив лошадям хвосты, бежал без оглядки за Китайскую стену.

Не о том ли помышлял Великий каган? Не мешкая в Северную Цзинь отправил гонцов. Потребовал схватить, связать и передать ему хана Кучука. В противном случае... Последовал высокомерный ответ: «Если монголы — рыба, то мы — море. Куда деваться рыбе без моря?» Сказали, что хан Кучук «богоугодный наш сосед, и мы не можем согрешить, подняв на него руку...». И с каких это пор они стали верны узам дружбы и данному слову? Не получив внятного ответа от гонцов, снарядил нарочных всем четырём сыновьям. Находившиеся рядом сыновья Укитай и Толе прибыли незамедлительно. Из афганской земли поднялся Чагатай, с речных поим Урала и Волги двинулся в поход его первенец — Джучи. В лунном свете сверкало копье прославленного джалаирского тигра Мукилая. Тумены, текущие со всех концов света, затмевали поднятой пылью дневное светило.

На сей раз, оседлав белого боевого коня, во главе похода встал сам. Девятихвостую хоругвь с изображением волчьей головы доверил держать младшему сыну Толе. С идущими вослед был краток. «Ещё не высохли слезы отцов и дедов. Духи предков требуют мщения! В нас десница Тэнгри. Айда!»

Император Северного Цзинь не сидел сложа руки. На что же сетовал его прорицатель, созерцавший звезды ровно полвека назад? «В ближайшие времена в одной из северных стран появится роженица. В утробе её будет мальчик, держащий в кулаке сгусток крови. Если он появится на белый свет, то покорит полмира. Угроза Поднебесной исходит именно оттуда. Надо умерщвить, пока не открыл веки и не ступил на землю». Положим и так, но не гладить же чрево каждой привередливой бабы, возжелавшей зачать. По лику какого дитя, появившегося на свет, призовет гадать ведунов? И стал загребать жар чужими руками. Стравливал тангутов с маньчжурами, меркитов с монголами, наблюдая за театром со стороны. Смотрел, кто кому глаз выклюет, заигрывал с победителями. В итоге, четыре кочевых племени превратились в непримиримых врагов.

Гибель его отца Есукея пришла на тот период.

Великий каган миновал разорённую тангутскую землю. Придержал коня у Жёлтой реки. Бурное течение не позволяло переправиться с лошадей. Река клочкотала и пенилась, поднимая со дна желтый ил и глину. Чтобы не потерять время, он приказал применить способ, который использовал при переправе через Волгу. Что это был за способ? Огромная конница, сметая и травя всё на своём пути, сгрудилась у берега полноводной реки, отрезавшей их от русских княжеств. Лошади могли переплыть сами, деревянные арбы не утонут. Что делать с людьми в тяжелых доспехах? Уроженцы степей и гор мало смыслили в большой воде? Сразу камнем пойдут ко дну. Не вода, а разверзнутый зев.

Моментально находивший выход, казалось, из безвыходного положения, он огляделся. По берегам реки росли плотные заросли камыша и рогозы, тянулся густой тугайный лес. Дал команду рубить. Аккуратно собирать. Заставил подрезать хвосты и гривы лошадям. Всё срубленное уложить двойным плотным настом и прошить крепкой волосанной веревкой. Получился своего рода длинный и прочный плот. Край спустили в реку, и несколько десятков джигитов, держась за гривы сильных коней, мелькая головами в пучине, потянули его на противоположный берег. Таким образом, через водную преграду удалось переправиться целому войску. Впоследствии выражение русских князей, застигнутых врасплох: «Эти степняки, ну, сущие чертяки!..» — стало притчей во языцех...

Войско, оказавшееся посредством плотов-настилов на другом берегу Жёлтой реки, было готово к активным действиям. Началось кровопролитное сражение. Китайская армия, не владевшая столь искусно конем и оружием на скаку, дрогнула. Подобно многочисленной отаре овец, спасающейся от стаи волков, она спасалась бегством. Двум городам, стоящим на пути наступающих, был учинён настоящий Судный день. Главой города Чжунду он посадил джалаирского тигра Мукилая. Город-крепость Ляоян перешёл в распоряжение легендарного нояна Жебе. Воевода Субетай двинулся дальше покорять земли на Востоке, вплоть до Корейского полуострова.

В азарте победоносных баталий, сам ненароком получил ранение. Копьём задело мягкую голень. Не придавал значения. Под волчьеголовым развевающимся стягом, под праздничные звуки карная повернул домой...

Плывёт ли это золотая лодка, борясь с быстрым течением? И без весел. На одном конце её сидит дочь сановника с Сахарного озера. На другом — его неизбывная печаль, русская краса Ольга... Две дивные девы ведут меж собой потаенную беседу, неуловимо улыбаются. Посередине же сидит он! Как успел окатиться в лодке? Куда его переправляют? Стойте! Хочу сойти!.. Золотая лодка, не вникая желанию Великого кагана, уходила всё дальше, гонимая течением.

Пробудиться бы мне...

* * *

Где же тюркский баян-летописец? Еще многое надо поведать. Назиданий и наказов немало.

Я, Потрясатель Вселенной, хотел воздвигнуть на земле единое государство. Сколько сил поисчерпал на этом пути. Сколько жертв претерпел. Почитал священные писания. Не творил вреда человеку ради веры его. Не рубил склонённую голову. Не разрушал его города. Пусть пасет скот, выращивает сады, ловит зверье, думал я. Повернется ли у кого язык уличить меня в беспричинной жестокости? Может статься, я посеял среди вас семена благодетельства?

Не тёмные силы восторжествуют над миром, а благородный разум.

Восток — Книга мудрости. Проникнитесь ею. Не затем ли оградил от огня книги Отрара, оставив в назидание потомкам? Не равняйтесь на Запад. Он источает гибельный смрад. Нет прока от наук и механиков, если нет единства духа! Потому и пали...

Потомки мои, доколе гарцевать вам верхом на коне, прикрываясь моим приснопамятным именем?

Сказывают-де, тысячу тарпанов, разметав хвосты и гривы, несут очертя голову в тысячу окраин света...

В былые времена река Онон, бушуя волной, обглаживала берега. Кричали чайки, вырывая друг у друга из клюва рыбу. Цапли, вытягивая длинную шею, выуживали лягушек из водорослей. Ребятня штанами и исподним бельём выуживала мальков вдоль берега. Какая трава была! Кувыркаешься по ней или ходишь — чисто лебяжий пух!..

И когда он успел покинуть белую юрту? Сам по себе стоит на крутом яре. Наверное, заскучал по реке. Разве дальние пути-дороги позволяли ему повернуть назад голову? Беспокойное море жизни, поверху взволнованное, понизу бездонное, разве хотело отпускать из своих теснин? Привольно текущим годам отдал молодость. Сейчас, развевая на ветру медно-рыжую бороду, попал сюда. Должно быть, признала? Я всё тот же Темучин, ловивший мальков с берега. Называли сыном багатура Есукея. Он вскричал во весь голос. Неужели мир оглох? Или с губ его не срываются звуки? Почему ничего не шелхнётся? Лишь волны подбивали друг друга.

Что-то виднеется на том берегу? Кто-то во всём белом? Машет рукой. То ли к себе зовёт? Так это же мать его! Откуда она появилась? Пожелтели уж, поди, бесталанненькие кости? Неужто воскресла? Как сказал вещей Будда, между этим и тем миром всего лишь шаг. Действительно. Матушка, излучая ласку, словно хочет сказать ему: «Сын мой, не забывай Небесного Тэнгри...» Да, возможно ли это? Вся его жизнь прошла под покровительством верховного владыки. Бросал в ледяную воду, проверяя на выдержку. Бросал в огонь, проверяя на крепость. Гнул — не согнулся, ломал — не сломался. Одним взором решал судьбы мира, одним взглядом казнил и миловал. Он подался вперед: «Я сейчас доберусь до вас через реку». И слышит «Не спеши, сынок. Заверши сначала дела», что ли?

Заверши сначала дела!..

Взобраться бы на гребень горы и, грея спину под солнцем, узреть, умудрённым опытом, все четыре стороны света. Пробежаться бы мыслью по древу, бросив на чашу весов милость прожитых лет и надежды дней предстоящих. О, и как прежде сыграть бы в альчики, поставив на кон, ни много ни мало, судьбу земного жития!

Династии своего первенца Джучи он определил в наследство Алтай, широкие степи Сары-Арки и всего Дешт-и-кипчакского улуса, раздробленные, подобно коровьим почкам, русские княжества в придачу с Европой.

Хан Чагатай получил в свою империю народы Туркестана и Афганистана, страны Индостана, Пакистана, Персии и Кавказских хребтов.

Укетай стал единоправным властителем земель Восточно-Тюркского каганата, вбивавшего в себя территории Монголии, Джунгарии, Восточного Туркестана и Сибири.

Младший сын Толе стал правителем Китайской империи Цзинь, а также ханств найманов и тангутов.

Не обделены были также именитые его воеводиныя Субетай и Джебе. С завоеванных стран и земель им полагались первые поборы.

Наведаться к разнородцам на Японских островах, прогуляться на крепко подкованных конях до льдов Северного океана, неспешно обозреть величавое побережье Тихого — было делом недалекого будущего. Быть может, его жизнь не длиннее рукоятки нагайки. Тем не менее не рукоятка подгоняет под ним вороного. Сама толстая нагайка, плетенная из многих ремешков. Так не оставил ли он после себя наводящую страх нагайку? Не свистит ли она ныне у изголовья народов, точно ветряная мельница? Надобно ли тогда кручиниться? Шагнул-ка в реку!..

Проклятые видения сводят с ума. Опять противоборство? Оба тумана Джебе и Субетай приткнулись в горах Кавказа. Преклонили армян и тюрок. Подойдя к границе с Грузией, встретили отчаянное сопротивление. Упёрлись лоб в лоб на реке Терек. Грузинам подошли на помощь воинственные аланы и черкесы, подоспели лезгины. Придвинулись и многочисленные соседние кипчаки. Противостояние приняло ожесточённый характер. Горцы, родившиеся и выросшие в горах, зная каждый камень, не дают ступить шагу. Что делать? Гонца, загнавшего быстрых коней, он снарядил обратно, дав ему нужный совет. Результат не заставил ждать. Получив от его воевод щедрые подношения и подарки, кипчаки, снявшись в одну ночь, покинули майдан. Отступили к кочевьям на Волге. В скором времени горцы были разбиты. Позднее, неожиданно напав, починили и кипчаков. Винить им, кроме себя, некого. Иной раз простодушные, ровно дети. Иной же раз трудно превзойти их в кознях и лукавстве. Мастера перелицевывать белую шкуру на цветную. Непостоянство нрава сыграло и с ними злую шутку.

Вот оно, простодушие и вероломство, как если бы внутренняя и внешняя сторона одной ладони.

Правда ли, что его зять Тучагар напал на богатый персидский город? Истребляет, говорят, мастеровых и умельцев? О, злодей! Забыл, видать, ярлык Великого кагана? Кто осмелится нарушить его? Кто подвигнется на неслыханную дерзость? Ежели не брать в расчёт болванов от младших жён, то четверо его сыновей, рожденные старшей, внимают каждому сказанному им слову. Когда впервые, удостоенный духом предков, он возглавил войско, то потребовал, каким бы городом или страной они ни завладели, не трогать представителей различных искусств и ремесёл: философов и поэтов, летописцев и зодчих, ученых и оружейных мастеров. Напротив покровительствуйте и всячески их оберегайте. Они — рабы благонравия и Божьего призвания. Вместе с тем паршивую душу того, кто отступится от ярлыка, сам отошлю в преисподнюю. Ым-да... Травлю устроил!

Две вины уже не спасут. Персия целиком приняла его подданство. Народ в трудах праведных платит исправно дань. Не поднимает, сподобившись иным, то и дело смуту, не разжигает междоусобную рознь. Избивать мирных заново — преступление. За ним кроется толстокожее властолюбие и безмерная алчность. Что до покушения на людей искусств? Искусство умельцев — светлый луч, уходящий в завтрашний день. Погасить его не под силу не только какому-то зарвавшемуся зятю, а даже мне — Великому кагану. Поделом, гоните с воем и отрубите голову. Проживёт дочь и без мужа. Без разницы, поздно или рано оборвётся бесталанная жизнь? Туда и дорога. Царство небесное, сам напросился. Не умеющий твёрдо держать меч, сам и порежется.

Отец Есукей-багатур подковывал коня перед набегом. Маленький Темучин удивленно смотрел на изогнутую железную пластину. Что же тогда молвил отец, увидев в глазах его любопытство. «Сынок, подковы нужны, чтобы предохранять копыта. Не дают скользить по камням и по гладкому льду. Запомни, подковы твёрдо удерживают копыта. Копыта держат ноги, ноги — коня, конь — седло, а седло удерживает хозяина, сидящего на нём. Видишь, какая большая польза от маленькой подковы. А дальше, кумекай сам. Тигр детёнышам мясо не разжевывает. Будет разжевывать — не вырастут крепкими зубами». Краткой, но поучительной морали отца он придерживался всегда. И довёл до уразумения nasledников.

Ужели матушка ещё стоит на том берегу? Бурные воды Онона пропустят ли конного всадника? Где та золотая лодка? Подайте! Опустите брюхом на воду. Поплыву-ка к матушке, рассекая наискось волны. К утробе моей бесценной. Много лет назад мать спрятала его перед рассветом от набега тангутов, закрыв чапаном. Скрываясь в густых зарослях, они едва выжили. Оставшись рано вдовой, старалась не выказывать своей слабости. Не желая кому-то быть

обузой, не заглядывалась на чужих мужчин. Не подпускала близко и сорвавшихся с привязи прохожих...

Он сказал же: лодка, причём здесь золотой саркофаг? Где это видано, чтобы громадный сундук плыл по воде? Зачем его выставили наружу из горной теснины? Куда подевалась его неусыпная стража? Или мудрец Коко-Цос раскрыл всему люду его последнюю тайну? Уберите с дороги! С глаз долой!

Да, когда напали тангуты... Хоронились в густых зарослях. Посередине на опушке раскинулся величавый тополь. Один-одинёшенек. Тянет к небу руки-ветви, горделив. Заметив, что сын с интересом смотрит на дерево, мать рассказала ему сказку. Говорила тихо, почти шепотом. Которая-то была сказка-то? Вот не приходит на ум. Вся его жизнь превратилась, очевидно, в необычную сказку. Всего-то и не упомнишь.

Э, о тополе-исполине! На одной горе рос такой же величавый и гордый тополь, рассказывала мать. Рос сам по себе. На ветки его с гомоном и граем садились разные птицы. Вили гнезда, выхаживали птенцов. Тень от дерева была настолько большой, что в ней могло разместиться целое племя. Днём останавливались путники на отдых, некоторые оставались с ночевой. С каждой людской благодарностью ветви дерева поднимались всё выше и выше. Далеко разрослись и разбежались под землей его корни. И от этих корней, разбежавшихся по склонам и оврагам, поросла целая чащоба побегов и отпрысков. Однажды поднялась на земле кромешная буря. Следом примчался крутящийся смерч и яростно обрушился на тополь. Разбросал ветви, разметал листья. Покорись и склони перед нами голову, завывала завистливая буря. Слушай, что тебе говорят! Распугай птиц. Не подпускай прохожих. Иначе выворочу из земли и погублю, грозит разъяренный смерч.

Но величавый и гордый тополь не склонил головы. Не то чтобы не склонил, а и не стал смотреть в их сторону. Ну, а как повели себя, скажешь, выросшие на его корнях отпрыски и побеги? Переполошившись от страха, они просто пали ниц перед разбушевавшейся бурей и злым смерчем. Игнулись, и стелились, как по команде. Таким образом и спаслись. Ну, а тополь? Так и не склонив своей величавой и гордой головы, пал героем. Не мог унизиться перед врагом. А пошедшие от него побеги и отпрыски... Сгрудившись в кучу над изголовьем, стали хлестать его, приговаривая. О, дурак, стелился бы и кланялся, как мы, не распластался бы во весь рост. Пеняй-де, сам на себя.

Матушка... Куда же она пропала, сидевшая подле, нашептывая сказку? Величавый тополь, отпрыски... Буря со смерчем... Так это вовсе не сказка! На дне сознания вновь всколыхнулись сонмы видений. Грудь словно опалило горячими углями. К горлу подкатил и застрял ком. Его била крупная дрожь.

Чем это омыло его лицо? Очевидно, треклятый ком в горле распустился слезной ересью! Какая блажь! Плачет ли всемогущий каган, преклонивший к ногам половину Вселенной? Поди, разверзлась

пропасть души. Мочи нет сладить. Жжёт огнем лицо. Ко рту подступает прогорклый привкус. Какая горечь! Пожалуй, и уши заливает?! Теперь на его царственном лице, испещренном игрою морщин, наверное, застынут белые размывы соли. Неужели гаснет и солнечный луч? Чтобы ему не сиять, раскидывая во круг золотой, ласковый свет? Откройте мне путь! Расступитесь по обе стороны! Не уйду ли я навсегда?..

* * *

Где он — турецкий баян? Еще многое надо успеть. Назиданий осталось немало. Как ни стремись, ни конца им ни края.

Вот когда я покину...

Не кладите в мой склеп ни золота, ни серебра, не нужно алмазов и самоцветов. Саркофага одного довольно. Эти призрачные ценности будут ли также блистать и греть его нутро в извечном том мраке?

Оно и без того в поднебесном мире далеко прогремит моя слава. Народ сочинит легенды. Кто-то будет гордиться. Кто-то скажет — злодей-кровопиец. Равно дух мой не станет тому кручиниться. Аз есмь — одинокий всадник Вечного Синего Неба!

И могилу мою не ищите. Не дано вам её найти. Ну, коли найдете, то пробьёт и ваш час. Солнце взойдёт не там. Луна не сдвинется с места. Горы вздыбятся, океаны выплеснут из берегов... Не вызывайте к тленному, жёлтым мощам величайшего Бога войны! И без того на земле немало пролито крови. Посему и погрузил глубоко в тартары...

* * *

Куда же пропали кони-тарпаны, разметающие хвосты и гривы? Почему ползут на него из тысяч окраин бесчётные тысячи муравьиного народца? Подите прочь! Прочь от меня!

Дайте мне добраться до матушки на тот берег Онон-реки. Притомилась, меня дожидаясь. Поднесите золотой саркофаг. Поставьте пред очи мои! — хотел сказать он. Но — тщетно. Сонмы видений, озарённые закатным светом сознания, гасли и гасли, одни за другими...

— Погасла ярчайшая звезда. Скрылась от нас навеки, — молвил сидевший, точно живой Будда, мудрейший Коко-Цос, не отрывая глаз от неба.

— Какой удел нам уготован, о Великий каган? Ты был олицетворением добродетели. Горе-то какое неизбывное! На кого опустевших сирот оставил?..

— Чингисхан, рожденный с пригоршней крови, отошёл в мир иной! Радость-то какая несусветная! — будоражила весть уголки земли, куда могли донести её копыта неумолимых коней.

И кому только верить?!

* * *

Опустился полог ночи. Опечалит ли оно кого?..

АКТРИСА

Весь переполох происходил из-за гоголевской «Женитьбы».

Ведь недаром пьеса написана не просто чернилами, а густо замешанными на грешных помыслах и тоске холостяков... Казахский драмтеатр буквально бился в агонии, чтобы как-то благоустроить бедолагу, не устроенных когда-то самим Николаем Васильевичем. Правда, всей этой суете была и веская причина. Потому как из Министерства культуры поступило недвусмысленное указание поставить пьесу классика, а актрису, исполнившую роль Агафьи Тихоновны, незамедлительно представить к ордену Почета. И деваться, как говорится, было некуда!

Услышав эту новость, директор театра был настолько ошеломлен, что раза три порывался встать со своего кресла, но так и не смог. Он только сидел и рассеянно поглаживал свою белую, будто посеребрённую голову, без единой выбивающейся пряди.

Да и главный режиссер — эта докучливая каланча с птичьим носом, вдобавок ко всему, горлопанит под самое ухо: «Гени-аль-но!..»

— О, блаженный, чему ты радуешься? Это же тяжёлый спектакль, который здесь и в помине не ставился. Где взять костюмы? А декорации подходящие откуда взять?..

— Ничего-ничего, подберёте! Это вам не бублики печь — задание министерства! Орденом собираются наградить! — возбуждался главный режиссер, расстегивая пуговицы ярко-красного пиджака и, по обыкновению, становясь в ту высокую позу, с которой его непросто было опустить на землю.

— Ай, да ну тебя! — отмахивался в сердцах директор театра, машинально хватая, а затем кладя на место телефонную трубку.

— А есть ли у нас на эти роли подходящие люди?

— Да Агафья Тихоновна, Подколесицы, Яичницы в очередь становятся...

Директор театра выложил еще один, беспокоивший его, аргумент.

— Агафья Тихоновна в главной роли одна. То есть я хотел сказать, что её должна исполнять только одна актриса. Орден, как известно, тоже в одном экземпляре. Вот в чем и вся заковырка! Теперь женщины, и без того прожужжавшие мне все уши, что нет ролей, просто съедят друг друга. Почему же тебя не волнует эта сторона вопроса? Да и в каком возрасте эта самая Агафья, выбирающая себе жениха?

— Где-то под тридцать...

— У-ух! — простонал директор то ли в тоске, то ли в смятении, словно бы на нем одном держался груз всех печалей и капризов великовозрастных дев театра. — Допустим, главная роль достанется одной из молоденьких актрис. И вот она нацепит на грудь орден и будет щеголять. А как, думаешь, на это посмотрят её старшие подруги, которые отдали жизнь этой сцене? Признают ли, простят ли они её?

— Честь нам одна и орден один! — пытался урезонить его главный режиссер, ткнув птичьим носом в потолок и приосанившись.

— Да они мужиком еще могут поделиться, но орденом — ни за что! Терпение у труппы на пределе, весь театр поделился на враждующие группировки... Скажи уж лучше — попали мы под огонь, да перекрестный к тому же!

— Пусть делают, что хотят.

— Слушай, а что, если мы эту роль отдадим достаточно опытной и привлекательной Кызтуган?

Главный режиссер, опустив горделивый нос, с нескрываемым удивлением уставился в лицо директора.

— Тетушка-то наша шестой десяток разменяла. Красота, будем говорить, не первой свежести, да и фигурка оставляет желать... Конечно, я понимаю, к чему вы клоните. Однако, увы...

— Ну, грим наложите потолще! Кто там разберется?!

— Простите, но она опоздала. Галя, Таня, Даша и Маша — вот кто-то из них и будет играть главную роль. Которая попрытче, та пусть и берет. Так сказать, попытает счастье.

— И в кассе ни гроша! Когда утверждался бюджет, об этом спектакле и речи ведь не было.

— В таком случае давайте я поставлю Кызтуган на роль Феклы Ивановны.

— Ладно. Смотри сам.

Директор был прав, к тому времени актрисы, уже каким-то образом прослышавшие о судьбоносной новости, враз занедали Агафьей Тихоновной...

Но на проверку вышло, что Галя и имя самого Голая знала понаслышке. Таня не подозревала о существовании подобной пьесы. Даша в поисках сочинений великого писателя побежала в библиотеку. Маша чуть ли не взорвалась от восторга, узнав, что Агафья её ровесница и тоже подыскивает себе мужа. Великовозрастная Кызтуган, обделенная главной ролью, тут же слегла в больницу с высоким давлением...

И в самом деле, актрисы, пробовавшиеся на роль зрелой купеческой дочки, были под стать друг другу и ростом, и умом, и даже социальным положением. Симпатичные, озорные и ничем по жизни пока не обремененные. И все четверо просто уверены, что жениха-то найти можно, но как найти достойного их талантов... Изю дня в день девушки видели сны, которые были до удивления схожи: во всей своей ослепительной красе они всё скачут и скачут куда-то на белом коне в объятиях молодого господина...

Стоило начать распределение ролей, как коллектив театра тут же распался на три основные группы. Тайными ходами, озираясь по сторонам, они бочком проскальзывали в двери конспиративных гримерок, чтобы устроить собственное собрание.

Группу, поддерживавшую позицию директора, возглавила сама Кызтуган. Невозможно спокойно

лежать и болеть, когда в театре зашкаливает накал страстей! Поклявшись всем чем только можно, она насилиу вырвалась от врачей.

— Утвердили меня на роль этой сплетницы Феклы Ивановны, подбирающей на улице женихов для Агафьи. Большого позора, кажется, и нельзя придумать! Вы только представьте, какое это унижение для такой звезды, будем называть вещи своими именами, как я! Которая создала прекрасные сценические образы Царицы Томирис, Баян-сулу, Айгерим, Актоты! — досадовала Кызтуган, едва сдерживая подступающий к горлу ком. Несмотря на паутину мелких морщин, ее лицо еще сохраняло следы былой красоты. В конце концов не выдержав и покраснев до самых мочек ушей, она зарыдала, содрогаясь всем телом.

— Выпей, пожалуйста, воды и успокойся! — сказал актер с округлой плечиной на самой макушке размером в детскую ладонь. — Ты полностью права. Никакого уважения к старшему поколению. Честный труд вообще обесценен. Теперь из-за того, что какая-то козявка, только вчера переступившая порог театра, получит орден, мы все должны сбиться с ног?! Нет-нет! Этому не бывать!

— Умничка ты наш! Да, но весь этот сыр-бор исходит от нашего ловеласа главного режиссера, — снова заговорила Кызтуган, которую не так-то просто было успокоить. — Спесь его одолела окончательно. Ведь до чего дошло: все эти четыре молодые вертихвостки, утвержденные на одну роль Агафьи Тихоновны, превратились в его партнерш по любовным интригам! И поочередно обитают в его холостяцкой квартире...

В конечном итоге после подобных страстных обсуждений собравшиеся единогласно решили подготовить заявление по поводу четырех артисток и главного режиссера в Администрацию Президента и в структуру Комитета национальной безопасности.

В то же самое время в гримерной, расположенной в другом крыле театра, проходило другое собрание.

— Наш главный режиссер истинно творческая личность, — начинала с пылу с жару заведующая костюмерным цехом театра нестарая еще женщина по имени Алеся. — Между прочим, я свою трудовую биографию начинала актрисой театра и потому тоже кое-что смыслю, а раз так, то и говорю.

Взяв слово первой, она лишний раз пыталась утвердить свое положение в труппе. Впрочем, о том, что с таким малым ростом и крупной головой её брали только на роли комедийного плана, она, конечно, умолчала.

— Благодаря высокому чувству ответственности, — продолжала костюмерша, — он не стал выделять кого-то из вас, а всех четверых поставил на главную роль. И чья-то яркая звездочка вот-вот должна зачехлиться на небосводе театрального искусства. А все

остальные и не вздумайте ей завидовать! Лучше пожелайте ей удачи!

— Вашими бы устами да мёд пить, тетя Алеся, — радостно зашумели Галя, Таня, Даша и Маша, покачиваясь словно гибкие ивы у пруда, потому как в примерке не хватало стульев. — А как же тогда быть с Кызтуган? Она же Фёклу ненавидит пуще пареной репы и ни за какие коврижки не собирается уступать Агафью...

— Она же протеже самого директора театра. С его подачи повадилась на главные роли.

— Так и заявила, что орден будет ее!

— Уже проткнула дырку для ордена в своем белом бальном платье.

— О чём это говорит?! — категорично спросил актер с растопорщенными и лезущими в рот усами. — Надо срочно крапать жалобу! Подписываться не обязательно. Так сказать, от коллектива!

— В таком случае, не откладывая в долгий ящик, давайте будем искать елейного борзописца, — заметила проворная Алеся.

А в другом закутке театра, в небольшой, но уютной примерной внимание присутствующих прикомывал к себе Народный артист Арон Арысович.

— Безусловно, — говорил он с пафосом, — спектакль неминуемо ждет провал! Какая требуется сила, чтобы вытянуть мировую классику! Сколько пота надо пролить! А что мы наблюдаем? Мелкую возню! Директор театра и главный режиссер занимаются перетягиванием одеяла. Посмотришь на одного — горе, а не руководитель, другой — бездарный хвостун. Мало того, как племенной жеребец собирает вокруг себя табун кобылиц. И все кругом грызутся: давно бы перестреляли друг друга, да вот нечем.

— Искупитель ты наш, а что же мы теперь делать будем? — послышался из угла блеющий голосок.

— Будем ждать. Вот когда им вместо ордена прицепят на лацкан верблюжью колючку, вот тогда мы их обоих за шиворот и — вон из театра! Я сам лично зайду к министру культуры и раскрою ему глаза на весь этот бардак. Его юная любовница, что скрывать, родом из нашего аула. Так что министр нам, можно сказать, родным зятком приходится! — От последней фразы сморщенное, словно сжатый кулак, личико Арона Арысовича даже просветлело как раскрывшийся бутон.

Между тем послушаться приказа министерства никто не решился. Актеры, получившие роль, спешно выучили слова. Костюмы были сшиты. Декорации расставлены. И как бы высоко ни любила взлетать Кызтуган, она помнила, что падать всё равно придется на эту выдавшую виды сцену, а потому поневоле приступила к работе над ролью злополучной Фёклы Ивановны.

Таким образом, каждый входил в предписанный ему образ: Народный артист Арон Арысович стал Подколесиным, актер с округлой плешиной на самой макушке размером в детскую ладонь — Яични-

цей, а с растопорщенными и лезущими в рот усами — Жевакиным. Игравший былинных богатырей далекой старины, смуглый и плотный здоровяк преобразился в Анучкина и ходил понурый будто треклятый бобыль. Остальные были рады разобрать и эпизодные роли.

Когда же тексты были вызубрены и наступил момент сценического воплощения, куда-то улетучилась и твердость главного режиссера. Сложив втрое свое длинное сухопарое тело, он сидел в полумраке зрительного зала, по обыкновению задирая нос к потолку, но не сводя глаз с происходящего на подмостках действия. Но разве артисты — эти кудесники сцены — дадут посидеть спокойно?!

В первом же действии Кызтуган в роли сводницы Фёклы, вместо того, чтобы проворно шмыгать по закоулкам и обивать пороги домов в поисках жениха для купеческой дочки, манерничает и скучает, выказывая свое пренебрежение и превосходство. Попробуй-ка удержать себя в рамках! А приглашенный на смотрины невесты кичливый и флегматичный Подколесин в исполнении Арона Арысовича семенил походкой мелкого лавочника и заискивающее расшаркивается. Это же форменное издевательство над образом!

— Одни болваны! Кровь мою сосете по капельке! Чтобы после спектакля на глаза мне больше не попадались! — кричал, срываясь на фальцет, обычно ворковавший главный, и акустика просторного зала вторила его воплям. — Дух Гоголя пусть вас покарает!..

И при каждом громком крике главрежа открывалась дверь кабинета директора театра и показывалась белая, будто посеребрённая голова, без единой выбивающейся пряди.

Впрочем, все причуды, как из рога изобилия, посыпались в конце первого акта. В дом Агафьи Тихоновны, опережая всех, едва отдышавшись от быстрой ходьбы, явился Яичница. Явился и чуть ли не с порога, пытаясь сделать предложение богатой невесте, затараторил:

— Неприятнее всего, когда в такую погоду сидишь один. Женатому человеку совсем другое дело — не скучно...

Прodeкламировав эти слова, актер с округлой плешиной на самой макушке размером в детскую ладонь галантно предстал перед глазами Гали, играющей Агафью. И тут Галя, легко исполнявшая роль зашедшей девы, вдруг вспомнила, что именно этот эпизод произошел в её собственной жизни.

...Конечно, что там говорить, это был довольно красивый brunet. Изъян его состоял лишь в том, что имел он одну мимолетную примету — округлую плешину на самой макушке размером в детскую ладонь. Познакомились они на одной из вечеринок в год окончания учебы. Он ей крепко запал в душу. Бывает ли порой выбор у влюбленного человека? Стоило ему сказать: «День такой солнечный. Пойдем, погу-

ляем!» — она и пошла за ним... «Хорошо-то как, дождь моросит. Побродим по городу, зайдем в кафе...» — и она побежала без оглядки... Спихватилась, когда оказалась на третьем месяце. Но не впрок — жених оказался женатым. Ускользнул, аки пятки смазал ртутью... И вы посмотрите на этого пройдоху: плюнул в душу, вынудил сделать аборт, загубив невинное дитя, а теперь явился не запыхавшись... Прямо кроткая овечка!

— Тогда и получай! Вот тебе: за мою девичью честь, за мой неслыханный позор, подлый аферист! — закричала дурным голосом Агафья-Галя и, трясаясь в бешенстве, дала увесистую и звонкую затрещину Яичнице.

От неожиданности актер резко отпрянул назад и, перевалившись через стоявший позади стул, грохнулся на подмостки.

— Агафья, сучка ты эдакая! Почему выскочила за роль? — вопил в очередной раз главный режиссер, нервно теребя свои волосы. — Встань на свое место! Начинай, заново! Куда запропастился этот идиот ассистент? Давай, скорее ставь его на ноги, к чертовой матери!

— Я больше играть не буду... Да сдалась она мне, эта Агафья! — запричитала Галя и, сбросив со своих плеч шелковую накидку, заплакала. — Мочи моей нет! Отдай эту роль Тане!

Таня ждать себя не заставила. Бойко выскочила на сцену, подхватила скинутую на пол накидку и сразу же вошла в образ. Актриса настолько хорошо чувствовала роль, что, выразительно бросив реплику в адрес Яичницы, легко и непринужденно, словно дуновение ветерка, провела мягкой ладонью по его покрасневшему от пощечины лицу.

— Гениально! — воскликнул главный режиссер, поднимая в полутемном зале большой палец вверх.

Удачно начавшуюся игру испортил Жевакин. Балтазар Балтазарович взял, как говорится, с места в карьер и пламенно продекламировал:

— Вот в Сицилии!... Хотели ли бы вы, сударыня, иметь мужем человека, знакомого с морскими бурями?

От такой дерзости Таня вздрогнула. И услышав до боли знакомые слова, бросила испуганный взгляд на актера с растопорщенными и лезущими в рот усами, а затем воскликнув «Ах!..», точно ступив на горящие угли, отшатнулась назад.

Ах! Так это же он! Ишь, какие слова выучил!... Парень на вахтовую работу прибыл из Турции. И растопил её сердце как сливочное масло. Вдвоем они на славу провели время. Звал к себе на родину. Обещал следом жениться. Ее родители, живущие на селе, благословили их и строго-настрого напутствовали, а весь коллектив желал счастья... По прибытии купались в теплых водах Босфора и валялись на золотом песке. Бесцельно бродили. Всё было похоже на красиво начавшуюся сказку... Но в один из вечеров её возлюбленный побежал за длинной юб-

кой красотки-турчанки и бесследно исчез. Одна в чужой стране, лишившись всего, беспомощная, она с трудом вернулась обратно. И теперь вот, возникнув из ниоткуда, снова зовет её в морскую стихию... Ну, не бессовестный ли нахал!

— Видеть тебя не хочу! Ты променял меня на шлюху! Убирайся прочь! Сгинь! — выпалила она и захныкав, опустилась на корточки.

— Поголовно больные! По ним всем психиатр плачет! — бесновался главный режиссер, вырывая клоки волос с собственного темечка. — Ну, что ты мелешь, а? Это же — Жевакин! В любви он тебе признается впервые! И к твоим прежним кавалерам не имеет никакого отношения!

— Нет уж, хватит с меня! Сыта по горло! — сквозь слезы проронила Таня, чиркнув указательным пальцем по горлу и не объяснив, чем же, собственно, она так сыта, сбегала со сцены...

В тот злополучный день главный режиссер приложился к горькой.

Спустя дня три-четыре директор театра вынужден был пойти к нему на поклон. У изголовья кровати стояла наполовину пустая бутылка водки. Сам хозяин, как сраженный на поле брани боец, лежал ничком. Один глаз он открыл, но сказать что-то внятное был не в силах.

— Афишу спектакля уже развесили. Всех, кого надо, оповестили. Только четыре дня всего-навсего — и осталось. Ничего не готово... Ну, дорогой, подними голову, — умолял его присмиревший директор театра. — Грозится прийти и этот главный специалист министерства! Выручай уж как-нибудь! А я пойду сегодня проводить собрание. Посвищу нагайкой над их головами. Да и приглашу, наверное, того театрального критика. Пусть посмотрит. Авось, что посоветует. А ты уж приди утром и, не мешкая, приступай к репетициям.

— Не могу я их видеть всех!

— Эх, артистов пасти — всё одно, что курей... Начнешь их собирать, а они все врассыпную норуют... Мне и до пенсии, наверное, не дадут дотянуть. Чихвостят, ироды, на чем свет стоит. И министерство, и Гоголь... Ох, боюсь, загонят меня в самый гроб, — запричитал директор театра.

— Ночью приснился мне Николай Васильевич, — немного оживился главный режиссер.

— Ой-ёй-ёй! Что такое ты говоришь?! А какую весть передавал?

— Человек... Умеет держать тайну... Постоял постоял так в проеме, тяжело вздохнул и ушел...

— Незабвенный дух его тоже, должно быть, отягощен твоим состоянием. Да и артистами недоволен, видать.

В этот момент из входной двери наружу бесшумно выскочила притаившаяся в ванной комнате Даша. Вслед за ней в прихожей появилась Маша с пакетиком в руках, в котором лежала обычная бутылка и какая-то нехитрая закуска.

— Ба-а... Добродетельная фея, а ты что тут делаешь? А ну-ка, испарись, и чтобы я такого больше не видел! — беззлобно пожурил ее директор.

— Да, думала, может, чай поставить... Голова, наверное, болит у него. А я тут и лекарство принесла...

По приходу в свой кабинет директор театра собрал коллектив.

— Висим на волоске между быть или не быть, — нагоняя напряженность, объявил он. — У главного режиссера постельный режим, а вы творите кому что заблагорассудится. Из всех здесь присутствующих никто не годится на главную роль! Поголовно все скорбны головушками! Нервы уже никуда не годятся, чутье совсем потеряли... Черту между личной жизнью и сценой вообще перестали различать!

— Это же называется экспромтом!

Директор театра пробурчал взглядом заведующую костюмным цехом Алесю:

— Экспромт?! Тогда тащите на сцену всю бытовую грязь: как дома даете волю рукам и гоняете жен по углам или, как поскандалив с мужем, в отместку прогуливаетесь с другим... А сцена благородна! Побойтесь кощунствовать на ней! Сегодня я пригласил известного вам театрального критика, — продолжал он, показав на худощавого молодого человека со светло-рыжим хохолком на загривке. — Он неоднократно устаивал наши спектакли похвальными отзывами в средствах печати.

— «Женитьбу» я прочитал в студенческие годы. Сейчас, разумеется, немного подзабыл, — сказал молодой критик, тряхнув волосами. — Конечно, жениться необходимо. Но на ком? Вот проблема, которая мучает каждого нормального человека. Например, в Китае более пятидесяти миллионов молодых холостяков. И все они просто истомились в поисках своей второй половины...

— Ах-ах! — раздался кокетливый девичий голос. И следом:

— Ох! — другая не выдержала.

— Эка, жалость-то какая! — подытожила Алеся.

— Тихо-тихо! Давайте послушаем!

— В сущности, мне нравится «Ревизор» Гоголя, — продолжил свою прерванную речь приглашенный критик, опять тряхнув рыжим хохолком. — Должен отметить — перспективная вещица. Я сам руковожу городским кружком художественной самодеятельности. И сейчас мы как раз ставим «Ревизора». Я исполняю роль Хлестакова. А глава города играет городничего Сквозник-Дмухановского. За мои усердия он одним росчерком пера выделил мне трехкомнатную квартиру. Теперь, думаю, а не попросить ли у него «Лексус»?! Между прочим, они мою жену...

Он хотел было продолжить свое увлеченное выступление, но в тот момент громко хлопнула входная дверь, и внутрь решительно шагнула жена директора театра. В руках она держала конверт и лист белой бу-

маги. Цвет ее лица имел нездоровый зеленоватый оттенок. Смотреть на нее было жутковато.

— Сидеть всем на местах! — тоном, не терпящим возражений, отчеканила она, будто опасаясь, что кто-то вдруг испарится из кабинета. — Какая сволочь это намарала?

— Письмо, что ли?

— Подпись-то посмотрите!

— А что за письмо, можно поинтересоваться? — раздалась недоуменные голоса присутствующих.

— Сидите-сидите! — пророкотала женщина. — Сейчас я вас всех выведу на чистую воду! — И уткнувшись в лист бумаги, начала скороговоркой читать:

«Коллектив театра разлагается изнутри, процветает групповщина. Главная причина этого недуга в том, что директор театра отдает предпочтение одним и обделяет других. Наглядный тому пример — Кызтуган. Именно она исполняет все главные роли. В коллективе ей дали кличку «Кундекыз», то есть девушка на все случаи жизни. Побывав раз пять в замужестве, она и не собирается причалить... Её моральный облик просто не выдерживает никакой критики. На протяжении полутора десятков лет она крутит роман с директором театра. Как цепная дворняжка, никого к нему не подпускает. В частности, в кабинете директора стоит выдавший виды диван, на котором и распределяются все главные роли. Срединная часть дивана уже просела вовнутрь. И, кстати, образовавшееся углубление в точности совпадает с габаритами вышеназванной актрисы. Если кто-то сомневается, то создавайте специальную комиссию и проверяйте данный факт...».

Женщина с нездоровым цветом лица неожиданно резко прервала чтение и испытующим взглядом посмотрела на бледнеющую и краснеющую Кызтуган. Затем с видом человека, утерьявшего какую-то ценную вещь, женщина обошла актрису сзади, окинула ее пышные формы, а потом скользнула глазами по стоящему у стены дивану со вмятиной посредине...

— И в самом-то деле.

— Вот беда.

— А неплохо написано! — оживились артисты, перебивая друг друга, — ну, прямо как и есть. Тут уж позеленевшая женщина не стерпела. С криком «Ах! Потаскуха ты эдакая! Теперь мне всё ясно!» и откуда-то взявшейся кошачьей прытью она кинулась на Кызтуган, норовя расцарапать той физиономию. Кызтуган, спасаясь бегством, опрокинула стул, на котором сидела зазевавшаяся заведующая костюмным цехом Алеся. Алеся грохнулась, не успев, к счастью, учинить еще какой-нибудь погром, но забилась, правда, в нервном припадке.

— О, так это новая трактовка! А кто же автор? Комедия, что ли? Какое свежее воплощение образов. Великолечно! Просто звездопад какой-то! — восклицал обескураженный тетральным критик и

хватался за ручку с бумагой. — Отличный материал для статьи в газету. Прослаблю на весь мир!

В тот же день директора театра увезли в больницу с инфарктом.

Наутро следующего дня в театре появился главный режиссер, работа над спектаклем возобновилась.

Роль Агафьи Тихоновны была перепоручена Даше. Молодая актриса с самого начала старательно и без помарок воплощала на сцене зрелую купчиху, но в конце концов наступила на те же треклятые грабли. Иначе это и не назовешь. Стоило Народному артисту Арону Арысовичу, будучи на сцене Подколесным, подобострастно и проникновенно произнести: «О, какие у вас прелестные ручки!... Да, позвольте, сударыня, я хочу, чтобы сей же час было венчание», как снова вышло неладно. И этого оказалось достаточно...

— Пойти под венец с мужчиной, который в отцы мне годится? Да вы в своем уме? Что за изыскательство такое? Еще мой жених услышит, как я ему объясню?! Он и так обещал взять меня с ребенком! — возмутилась Даша и, наотрез отказавшись играть дальше, обиженная и оскорбленная, убежала с подмостков...

Спустя трое суток спектакль был все-таки поставлен.

Под толстым слоем грима помолодевшая Кызтуган блистала на сцене в роли Агафьи Тихоновны и, щеголяя нарядами, сводила с ума томными и игривыми взглядами женихов, прибывающих её сватать. Беспреданно кокетничая и переигрывая, она завораживала и собравшуюся в зале публику...

Что же касается Гали, то она, под таким же слоем грима заметно состарившись и погрузнев в нарядах свахи, хлопотала на сцене Феклой Ивановной. Таня довольствовалась ролью Арины Пантелеймоновны. Даше выпала роль Дуняши.

Не обошлось, конечно, и без накладок. Первая случилась в эпизоде, когда Подколесин, оставивший шляпу в доме невесты, должен был бежать, выпрыгнув из второго этажа. Однако Арон Арысович по ошибке сиганул на противоположную сторону... Упал в оркестровую яму! Повредил тазобедренную кость. Впрочем, главный специалист Министерства культуры, сидевший в первом ряду, услышав пронзительный вой, напоминавший завывание голодного волка, подпрыгнул от радости со своего места и, громко хлопая в ладоши, закричал: «Браво!.. Вот это да! Вот что значит Народный артист!..»

Оставшаяся без роли Маша тоже выкинула колленце: обозлившись на весь белый свет, взяла и выскочила замуж за пожилого профессора, давно уже ее опекавшего.

Таким образом, пьеса была удачно сыграна. Коллектив театра всю ночь напролет праздновал премьеру, крепко обнимаясь и слезно и смачно лобызая друг друга...

АМАЗОНКИ НАШЕГО АУЛА

Это были три обителю по-над кромкой моря. И три женщины зрелых лет. Безвозвратно утекли в город дети. В степь запропастилась скотина... А скотинки всего-то-навсего десять коров да мелкая животино.

В полуденное время на пороге, держа самовар, появилась Айман в своём крохотном белом платке на макушке, с которым она не расставалась. Следом Каргаш, не открывавшая обычно рта, не облизнув хотя бы разок обветренные губы. А за ней показалась Биби, смотревшая немного вбок из-за врождённого своего косоглазия.

— Яшур их прихвати, не пришли ещё? — произнесла Айман изменившимся от переживания голосом.

— Да пропади они пропадом! — коротко отозвалась Каргаш. — И к телятам уже не идут.

— Да чтоб их волки задрали! — поддержала Биби. — Состарят они нас раньше времени.

Можно подумать, что сейчас — молоденькие.

На дворе, как в раскалённой печи, в тени не присядешь. По кургузому взгорью и широкому долу, то обрываясь, то, временами, сливаясь, клубится густое марево. В хлеву неокрепшим мычанием подал голос телёнок. На крышу дома села иссиня-чёрная ворона. Вероятно, пекло вскипятило ей мозги окончательно. Она уныло каркнула.

— Быть добру, пенсия, возможно, придёт, — прокомментировала Айман.

Каргаш, взяв в руки топор, начинает готовить щепу. Биби принесла керосин и чиркнула спичкой. Из небольшого натрубника у самовара закурился дымок и потянул, наконец, за собой время, которое с раннего утра, цепляясь за землю, ну никак не хотело двигаться.

— Часом задремала. И сон видела, — сообщила Биби, посмотрев на обеих подруг, сразу наостривших уши. — Будто в нашу девичью пору...

— Вот-вот, другое тебе и не могло присниться...

— Может, от тоски?.. Ах, девоньки, какими мы тогда были!

Действительно, какими? Словно полная луна, всклень были полны надежд и мечтаний. В год окончания школы создавалась комсомольско-молодёжная бригада. Был брошен призыв. Зачастили уполномоченные. Воздух сотрясали пламенные речи.

— Вы олицетворяете молодую энергию нашей страны. Сегодня россияне приступили к стройке века — прокладке Байкало-Амурской магистрали. В свою очередь мы, жалея, как говорится, своих неокрепших птенцов от сибирских морозов, постановили оставить всех вас в родном ауле. Парни год-другой попасут совхозных коров. Ну, а девочки буквально отворят нам новые молочные берега. Честь и слава, ордена и медали — всё будет ваше! Ну, а потом, когда вдруг надумаете поступать в высшее учебное заведение, перед вами распахнутся любые двери!

Вас встретят с распростёртыми объятиями. Надо будет, мы сами лично вас сопроводим. Таково задание партии!

Какая юная душа устоит перед подобными словами. Все закивали головами. Дескать, ремесло знакомое, попробуем и мы взять в свои руки прадедовские укройки...

Айман, грезившая стать певуньей, смущённо спросила: «А вы слово даёте?..»

— Что за вопрос, голубушка?! Какое слово?

— Ну, что направите нас учиться...

— Как не дать!

Мечтавшая быть преподавателем Каргаш, покраснев, переспросила: «И поступить можете?»

— И поступить!

— Ладно, я согласна стать дояркой, но потом пойду на швею, — заключила Биби.

— Пойдёшь, конечно. Цель ясна, дерзайте — смело вперёд!

Парней, трудившихся пастухами, поочередно призвали в армию. Девчат, отворявших своими руками молочные реки да кисельные берега...

— ...Нет со вчерашнего! Быть может, караул их в загоне держит? — задумчиво произнесла Айман. — Бедняги боятся, что десяток коров их сенокосные уголья утопят.

— Ох, и задал головную боль нам этот однорукий!

— Напьемся чайку и снарядимся на поиски. Вот если и впрямь он запер, тогда берегись!..

...Из уполномоченных, дававших когда-то слово, кто-то взлетел — не достанешь, а кого-то поминай как звали. Что же оставалось им делать в окружении одних бурёнок? Первой сбежала замуж Айман. Правда, одно название, что сбежала. Обогнула домишки по задворкам и поселилась у молодого тракториста, живущего по соседству. Каргаш со своим сладким девичеством рассталась в кабине весёлого джигитаводовоза. А что Биби? Стоило в ауле появиться какому мужчине — она тут же: «Ой-бай! Он, кажется, хочет меня украсть... Надо держаться от него подальше». Так и заслужила имя старой девы.

— Вся беда в жене Али, — заявила Айман сверстницам после того, как вышли в дорогу на поиски пропавших коров. — С кровати зад с трудом подымает, а злая как мегера.

— Усилила эта, как муж устроился караульным, нос задрала. В прошлый раз на свадьбу разрядилась в шёлковое платье... То туда пройдёт перед носом, то сюда... Мол, видишь меня... Нервы мне изрядно подёргала!

— Ты лучше скажи о том, как прилюдно ей не терпелось узнать, сколько же у нас коров?

— Приревновала, видать.

— Культяпого своего, что ль? Может, к нашим коровам!

— Да нет, коровам нашим завидует!

— На той свадьбе и ты ведь поддела Али, неожиданно спросив, а достаточно ли будет публике его

однорукого благословения?!.. Я чуть не прыснула со смеху.

— Вынудили просто.

Оказывается ветреность, укоренившуюся в детстве, не выкорчевать и во взрослой жизни. Как-то к осени, пригласив гостей, Али зарезал жирного козла. Связал ему конечности, провёл разок-другой по точилу ножом и полоснул второпях по горлу злополучной животине, придерживая морду левой ладонью. И при этом большой палец просунул в зубы козла... Скотина — она ведь тоже жить хочет. В агонии зажевала ему палец.

— И козёл, и Али заблеяли одновременно. Мы сразу и не поняли, кто кого режет-то?! — подсмеиваются до сей поры соседи. — Палец раздуло. Видать, пошло заражение. И, в конце концов, пришлось руку ему ампутировать по самый локоть. Так и прозвали его Али-культяпый.

— А какой был здесь раньше совхоз! — воскликнула Каргаш в порыве ностальгии, облизнув разок обветренные губы. — Скота не счесть. Просторные пастбища, везде снующий, занятой народ...

— Где это видано, чтоб народную землю приобретали в частную собственность? Они говорят: мы купили! Я имею в виду новоиспечённых хозяев этой земли. Скажите на милость, у нас хоть что-нибудь осталось, что еще не выставлено на продажу? Нас, может быть, тоже кто-то оценил задарма, по себестоимости?

Слова задела Айман за живое.

— Ишь, развелось спекулянтов и торгашей! Скотину на такыре разводить нам прикажете? Все пастбища у них... Всё деликатесы им подавай... Аппетитные кусочки сами лопают, а косточки нам подбрасывают... Пусть теперь попробует этот сторожевой пёс удерживать наших коров. Сорву с лошади и заставлю петь по самому себе зауспокойную!

...Сказала как в воду глядела. Перевалив через два холма, они воочую увидели, что коров их держат в открытом деревянном загоне. Верхом на лошади, в измятой белеющей кепке, сидит караульный. Завидев грозную тройцу, лошадь под ним засучила ногами. Да и культяпка несуразно задергалась. Караульщик явно почувствовал приближение беды...

Вчера, когда тут был хозяин, эти десять коров, говорит, бродили по зелёной поросли. Сам он в тот момент отлучился домой на обеденный чай. Решил вздремнуть и опоздал немного. Вернувшись, чего только не услышал от хозяина по своему адресу. Оказывается, проклиная всё на свете, хозяин загнал животных в деревянную калду. Ворота двойной железной цепью обмотал, замок навесил. И ему в одну его руку кипу бумаг всучил...

Растерялся перед бабами не на шутку: втихую хотел дать дёру на своей лошадёнке, да не пускала треклятая мужская гордость. Но и торчать, ожидая пришибленных небом женщин, которых знал ещё парнем, он тоже не мог.

— Неужели он снова нацепил себе на грудь очередную орден? Даже издали сверкает! — удивилась Айман, приложив ко лбу руку. — Биби, ты помнишь год возвращения его из армии?

Как не помнить? Тогда он был худым как курай, перетянутый ремнём с пятиконечной звездой. Борты армейского кителя поблескивали, ослепляя прохожих. Послушать его, — дюжину подвигов совершил будучи солдатом.

— Зимой загорелась тайга в Сибири, — заливал он разинувшим рты девчатам-дояркам. — Так я с огнём воевал один. Целые сутки. Еле-еле потушил.

— Боже праведный! — жалели его девчата.

— Что хорошо — целый месяц потом шашлык ел. Во время пожара кабаны целыми косяками поджались. Лежали прямо готовенькие.

— Ну, а другие солдаты что?

— Они тогда границу охраняли. Этот орден мне генерал собственноручно передал, — продолжал он, тыча на большевский из значков указательным пальцем. — А этот... Привёз мне сам маршал за то, что я бандитов поймал, нарушавших границу.

— Ну, а другие солдаты, что?

— Собирали дрова после пожара. А вот этот...

Свои байки он мог до утра рассказывать. Некоторые из них, чтобы не услышали другие, шептал на ушко Биби.

Какой девушке не понравится храбрый защитник Родины?! Впрочем, пока девицы судили да рядили... он повёл под венец Уасилю из ближайшего аула.

Но разве удержать молодую за ситцевой занавеской?! Не остыли свадебные перипетии, а наша Уасиля, не промолвив ни слова мужу, прямоком двинулась в районный центр. Как оказалось, просить герою-мужу, не жалевшему души и тела для родного отечества, приличную должность. Квартиру опять же. Потребовала даже доплаты к зарплате. Тогда-то и раскрылась тайна её героя. Выходило, что в армию призывался — правда. Однако служил конюхом. Ордена же, нанизанные рядами, оказались просто значками, которые продаются в обычных ларьках...

— Посмотрите на него! Стоит, что пугало у ворот загона, — буркнула Биби рассерженно. — Выпускай коров!

— Не выйдет, — ответил охранник, отводя глаза.

— Ты с ума спятил?

— Хозяин приезжал, акт составил. С головы, говорит, по восемь тыщ... Всего платите восемьдесят тыщ тенге.

— Восемьдесят тысяч?

У Айман выпала палка, которую она держала.

— Вот тебе документ. Пажалыста...

Караульный потащил из кармана ворох бумаг, но вручить их не решился, отступив за деревянную ограду.

— Никак новый орден получил, наши тебе поздравления! — не выдержав, вклинилась в разговор доселе молчавшая Каргаш.

— Это — медаль!

— За лесной пожар опять получил?

— В честь двадцатилетия Независимости дали.

— И за какие такие заслуги! За то, что трёх женщин мучаешь?

— Давай, короче говори!

— И поговорим короче! Ты только не отступай, встань-ка поближе! — сказала Айман, улыбаясь и подступая к охраннику. — За медаль, положим, с нас причитается... — Балагурия, она в мановение ока ухватила под уздцы его лошадь. Невзирая на крики и беспомощно дергающуюся культяпку, стащила седока наземь. — Подай-ка аркан! — скомандовала. — Вяжи ему ноги!

— Допрыгался жеребчик. Пора уже тебя кастрировать!

— Натё, ключ! Только отпустите! За-бе-ри-те всё! — раздавался истошный крик Али, которого скрутили женщины в три погибели.

— Есть ножичек?

— Давай-ка сюда!

Лёжа на спине он отбивался, как мог, ногами. Отмахивался одной рукой. Распоролся рукав, разорвался воротник. Чудом вырвался. Испуганная лошадь куда-то ускакала. И он явственно ощутил, что ему несдобровать, попади он еще раз в руки к разъяренным бабам. Ощутил и прыгнул сломя голову в ближайшие заросли камыша. Биби вместе с Каргаш бросились вдогонку.

— Догоняй его, Биби! Держи его, Каргаш! — кричала следом Айман подбирая брошенный ключ от загона. — Не упusti! Не дай ему выбраться! Покуда я скотину на дорогу не выгоню!

— Оторваться бы! Обиду на мужиков на мне вымещают... Все вы такие! — хрипел Али, унося подальше ноги. — Только бы оторваться!

— Нырнул в камыш — как в воду канул. Мы только увидели, что какой-то заблудший волк, рыча, проскочил впереди, — рапортовали подруги наперебой, едва переводя дыхание. — Это ж надо бедолаге так испугаться!

С того самого дня караульный пропал. Искали всем народом. В камышовых зарослях обшарили каждый кустик. Не нашли. Назначали награду тому, кто принесёт хоть какую-то весть.

В итоге терпение Уасили, насылавшей проклятия по адресу буйной тройцы, что устроила облаву на её мужа, вконец иссякло. И она решила навестить их сама.

В этот час хозяйки трёх обитателей по-над кромкой моря, устроившись в тени, с наслаждением пили чай. А за чаем вприкуску и разговор — что закуска!

Вчера в предвечернее время на мелкую их скотину напал волк. Солнце клонилось к горизонту в сгущающихся цветах светло-розового заката. Овцы, завернувшись в овчарню, с шумом шархнулись обратно. Вооружившись вилами и лопатой, женщины тоже устремились на перехват, окликая на ходу со-

бак. Но серой масти волк с коротким хвостом и не собирался отступать. Схватил за загривок отбившегося от овец ягненка и закинул себе на хребет. Затем, рыча и озираясь на скачущих во всю прыть преследовательниц, исчез восвояси. Упёртый был волк.

— Левая передняя лапа была культяпой. В капкан, наверное, угодил, — заметила Айман, вытирая с лица большим, точно скатерть, полотенцем крупинки пота.

— Чем-то он напомнил того озлоблённого волка, на которого мы в камышах наткнулись, — заметила Каргаш.

— И глаза странные, — проронила Биби задумчиво. — Будто прошли насквозь.

— На кой чёрт вы тогда погнались за ним? — буркнула Айман, раздражаясь ни с того ни с сего.

— Сама же орала: не упусти, хватай!

— Травить не надо было...

— Может, в омут затянуло? Или в болоте увяз, злополучный!

— Он иногда мне снится, — молвила Биби, тяжело вздохнув. — Будто в ту нашу девичью пору...

Когда беседа приняла привычное русло, Айман, вдруг, указывая подбородком вперёд, недоуменно воскликнула:

— Кто это идёт к нам?! Никак Уасиля?

— Не может быть?

— Её только не хватало! — Каргаш резко поднялась с места, едва не опрокинув самовар, стоявший рядом с Биби. — Что ей здесь понадобилось?

Уасиля подошла, шелестя подолом широкой юбки. Подбоченясь и расставив ноги, встала пред ними — дебелая, голубоглазая, со слегка краснеющим носом. И отчетливо произнесла:

— Ну, что, стервятницы, сидите?!

— Чего бы не сидеть, куда лететь-то?

— Неужто сгонишь с насиженного местечка?

— Скажи лучше, по какому делу явилась?

— Пришла сказать, что вы мужа моего сгубили и спрятали! От вас всего можно ждать. Чёрная зависть вам житья не давала, потому как Али был на коне и при деле. Вы его куда-то и упрятали!

— А может, сразу и убили? — рассердилась Айман, и крохотный белый платок задвигался на её макушке.

— Завидовать было нечему! — урезонила Каргаш, не открывавшая обычно рта, не облизнув разок обветренные губы.

— Не сама ли благами пользовалась?! — поддела косоглазая Биби.

— Найдите его, как хотите! Угробили всех мужиков, беспутные! Откуда вам знать чью-то цену?!

— Ты говори да не заговаривайся! — перебила Айман, не собираясь давать ей спуска. — Забыла, как почти каждый божий день устраивала Али домашние баталии! Если мой умер, то своей смертью. Думаешь, верхом заездила? Проучить тебя некому! Погоди, вот

внук закончит учёбу. Повылупаешь тогда бестыжие зенки!

— Ну и закончит твой внук. Будет поезда гонять, а мне что с того? Билет не прокомпостирует, что ль? Фу! Как будто мне куда приспичило ездить.

— Это не мы тебе завидуем, а ты нам! Каверзная твоя душонка! — парировала Каргаш, муж которой когда-то ушёл к молодухе. Потом помолчала и, не найдя других слов, лягнула: — Когда у моей красульки началась течка, ты быка своего пожалела. «Не дам быка, на, выкуси!» — вопила на весь аул и дулю показывала. Вот, скажи, неправда?

— Да на ваши течки бугаёв не напасешься!

Каргаш вскочила с места и ринулась на Уасилю. Айман и Биби, хватая её за подол, насилу удержали на месте...

Караульного же так никто больше и не видел. Искали тщетно. Все поймы излазили. Нет, как нет.

Будто джинн унёс. Будто земля поглотила.

Говорят, один странный волк, культяпый на левую лапу, приходит иногда под окно Уасили и до самого рассвета воет: «У-у-у...»

ГОСТИНЦЫ ИЗ КИТАЯ

После предвечерней молитвы прогремели первым громом грозовые тучи, перерезав пуповину наступившей весны. Аул, наконец-то высвободив исхудалую шею из холодного хомута зимы, ликовал, подставляясь под светлый моросящий дождь: «Эх, благодать-то, какая!» — уже увязывая с ней свои новые надежды.

Даже полуголодная домашняя скотина, идущая с выпаса, медленно ступая, не спешила втиснуться в загон, пропахший залежалым зимним навозом.

В это время Базаркуль приступала доить свою чёрную бурёнку, упругими струями вспенивая молоко, а Умирбай, с палкой в руке, не подпускал молодого телёнка.

— Эй, муженек, слышал, о чем говорят? Вернулся Такай, ездивший проводить своих родственников за границей. Полный хурджун гостинцев и всякой всячины привез, — обращается к нему жена, дергая коровьи соски. Розовошекая и крепкая женщина, не обращая внимания на теленка, продолжала доить. Струя молока звучно билась о дно и края ведра «сыр-сыр», а телёнок тем временем нетерпеливо вертелся. — Слышала от соседки. Бедняжка на чело-века стала похожа.

Умирбай, словно очнувшись, стал озираясь: то на жену, сидящую на корточках, то на покорно раскоряченную чёрную корову, то на беспокойного пятнистого теленка.

— И-и, да отгони ты его! Смотри-ка, какая упорная, все внимание к своему теленку, не хочет молоко давать. Словно всё выдоят. Ладно, соси свою мать!

Среднего роста, смуглый, с топорщащимися усами и горбатым носом, не чувствуя ни рук, ни ног, он будто слился с вечерними сумерками.

Базаркуль, будто вспомнив что-то, резко встала.

— Прибыли когда-то, сбежав из Китая, заеденные вшами. А теперь, глядите-ка, начинают нагнать.

И вечерние сумерки, и злые слова жены, казалось, только усиливали молчаливое оцепенение мужа. Он не обратил внимания ни на Базаркуль, которая, со стуком хлопнув калиткой, скрылась в доме, ни на телёнка, тыкающего мордочкой вымя и пускающего пену. «Такай вернулся» — только одна эта фраза звучала в недрах его ушей и не давала покоя. Разрозненные мысли не оставили его и за дастарханом.

— Господи, люди уже по горло сыты дешёвыми вещами из Китая, — не унималась и за ужином его симпатичная жена, на лице которой стали только появляться первые морщинки. Она вскипала и без угольев вместе с медным самоваром, стоящим рядом.

— Вид у тебя почему неважный?

— Да так... Ничего особенного...

— Только что звонили дочь и зять из Астаны, говорят, приедем. Ерлан, мол, твердит, что соскучился по деду с бабушкой. Мой ангелочек — быть данью на твоём пути! Утром эту яловую овцу на пастбище не выпускай. Пусть отведают свежего бульона.

Только было начала стихать говорливая Базаркуль, как, скрипнув, открылась входная дверь и в дом шагнул Такай. С шумом бросив у порога объёмный узел, церемонно, растягивая приветствие, поздоровался.

— Боже, ты посмотри на него! Щёки румяные, прямо помолодел. Видно, хорошо тебя там умасили?

— Давай, женге, разогревай снова чай. И маслом намастили, и подарков насовали, что там спрашивать!

Умирбай растерянно пропустил младшего по возрасту соседа на почётное место, а сам, не вставая, отодвинулся ближе к печи.

— Скажи ещё, что их собаки морду воротят от сливочного масла, — насмешливо пошутила Базаркуль, беря в руки заварной фарфоровый чайник.

— Живы ли, здоровы ли родичи наши? — спросил Умирбай, немного погодя.

— Ой, дядя, и стар, и млад, все шлют пламенный привет. Там уже не те времена. Нету, как раньше, бояков. Живут в ногу со временем.

Глаза Умирбая опечалились, и их снова покрыла невидимая завеса. Шутки и спор молодого деверя и жены едва-едва касались его слуха.

Когда остались одни, жена дотронулась до него:

— На, попробуй, примерь. Говорят же, что с паршивой овцы хоть шерсти клок. Передала твоя жена, та, что осталась в Китае...

Схватив какую-то блестящую шёлковую ткань голубого отлива: «Какая красивая!» — изумлялась: —

Вот ещё прислала и этот крохотный магнитофон, как детская ладонь. Э, обездоленная, что ей остаётся?!

Чёрная дублёнка, мягкая как плюш и отлично сшитая, сидела на нём как влитая. Она оказалась длиннополой, до лодыжек. По телу пробежало тепло.

— Тебе не идёт! — заявила тем не менее Базаркуль. — Разве пожилому человеку к лицу такая одежда? Говорят, в Астане трескучие морозы. Отдай нашему зятю! Посмотри, какой удачливый. А ткань давай отдадим дочери. Пусть обрадуется и сошьёт себе платье. А как же Ерланчик обрадуется, когда увидит магнитофон! Ладно, муженёк, давай спать. Утром скот на выпас пораньше отправим. — Базаркуль, с неожиданно приподнятым настроением, покачивая бедрами, как в первое время супружества, стала стелить постель. Даже белые свежие простыни вынула. И так же играючи, втиснула в шкаф дублёнку и свёрнутый отрез материи.

Хотя время перевалило далеко за полночь, веки Умирбая никак не хотели склеиваться. Лежавшая рядом молодая женщина, с первыми морщинками на смазливом лице, откатилась к стене, переворачиваясь с боку на бок, и мирно посапывала. Как всегда, до самого утра, как выброшенный на берег желтобрюхий сазан, так и будет отбиваться, то от себя, то от покрывала.

— У нашей женге есть два выдающихся свойства: сон у неё крепче камня, а речь горше яда, — шутит за глаза сосед Такай.

Как же он мог уснуть, если его мысли бродили на китайской стороне, хотя тело покоилось на этой постели. Назойливые мысли, стоит им только взобраться на своего конька... Подняли пыль на одном пригорке, а скачут уже к другому...

Его родители перебрались за границу в те годы, когда белые бежали, а красные гнали за ними. Остановившись в Кульдже, жили по тем временам достаточно сытно и спокойно.

Будучи единственным сыном, он рос избалованным. Китайцев рядом почти не было. Это уже потом, переселив из внутреннего Китая неженатых мужчин и незамужних девушек, Пекин за один день заполнил ими пустующие земли.

Те не могли прижиться на первых порах. Собирались вечерами у оврага, вглядываясь в ту сторону, откуда прибыли, плакали сообща. Местные казахи, собравшись, чтобы поглазеть на то, как китайцы жарили на костре и ели мышей, поднимали их на смех. Кто знал, что эти жалкие люди, как только переменяются времена и нагрянут война и смута, изменившись вмиг, возьмутся за оружие, составив войсковые отряды?

Взял в жёны девушку, сосватанную отцом. Не успело остыть ложе молодожёнов, как его дядя Оспан взбудоражил все четыре стороны света. Протестовал и против тесных оков старой власти, а затем уже и против гоминдановского режима.

— Кто считает себя патриотом и радуется за народ, пусть сядет на коней! А кто не может, того затопчут красные пятки китайцев! — бросил свой клич Оспан.

Мать ни за что не желала отпускать Умирбай. Но никакими уловками не смогла противостоять напору и неумолимости отца.

— Иди, будь с ними! — сказал аксакал, пронизывая взглядом. — Доверься Всевышнему: Душа — поручка твоя, а жизнь — доля твоя. Оспан — герой народа, а цель народа — свобода! Мы не святее этих ценностей. Иди!

— В своем ли ты уме? Единственного сына отправляешь на войну! Он изнежен, к тому же боязлив. Хочешь, чтобы как клещ был нанизан на копье врага? Хочешь, чтобы погиб, упав с лошади, когда за ним погонятся китайцы? Невестка наша тоже на сносях. Дяде Оспану нечего терять: он пожил, повидал белый свет. Не может успокоиться, пока не купит за верблюдицу раздоры чужих козлов! — вдруг разошлась мать, женщина кроткая и тихая.

— Молчать! — осек её отец.

С тех пор, обосновавшись в горах, ходил по камням. Взяв в руки оружие, направлял его против врага, был в гуще грозных событий.

— Проклятье, раньше их солдаты не могли даже скакать верхом на коне, пока не вцепятся сзади в какого-нибудь казаха. Уже на рысях эти слабоногие китайцы не могли удержаться и падали с лошадей как болванчики. Куда им равняться с истинным верховым казахом, который, как тигр, питается мясом! Сплошь травоядные! — громогласно восклицал батыр Оспан. — Нападайте на врага с кличем! Пусть душа его содрогнется!

Не признавший Советы и восставший против Китайского режима гордый воин не смог избежать вражеских пуль. Застигнутый врасплох, он с честью принял свою смерть.

Не могли вошедшие в силу и власть гоминдановцы оставить их в покое. Лишенных командира, их преследовали повсюду, пока не загнали, словно в овечьи стойла, в тюрьмы Кульджи.

Теперь те, кто ел, поджаривая на огне, мышей, стали недосыгаемы. Живой твари не осталось вокруг. Чудом остался, и еле выполз из этого ада на четвереньках.

Через год дверь в жизнь открыл и его младший сын...

Когда каждый из них ещё пугался собственных ушей, Советы, проявив благосклонность, открыли границу. И хлынули горячие новости: разрешено возвратиться тем, кто страстно желает вернуться на историческую родину. Началась суматоха. Из уст в уста передавались самые невероятные сообщения.

— Радость-то какая: говорят, граница открыта на целый год!

— Нет-нет, всего лишь на месяц.

— Поговаривают, что Советы примут только тогда, когда допросят и мужчин и женщин поодиночке.

— Китайцы обещали сосчитать даже вшей на нашем нижнем белье и оставить их у себя.

Народ гудел.

Умирбай спешно отправил Асемай и двоих сыновей к родственникам жены, живших в предгорьях Алтая. Слышал, что те тоже, собрав свои пожитки, сидят как на иголках, ожидая переключки. Сам же, попрощавшись с прахом родителей, решил пойти напрямик к воротам пограничного пропускного пункта. По расчётам, пока придут его семья и родственники жены, он сумеет занять очередь на пограничном пункте, узнает все условия перехода границы.

Молва гласила, будто на границе люди сами решают, в каких местах им жить, а, если семья и родные не попали в общий список, то разбрасывают по разным местам и что потом можно потеряться.

Когда Умирбай прибыл на взмыленном коне, ворота границы, которые были открыты всего три дня, уже закрылись. Это был тот момент, когда обе стороны собирались возводить пограничные посты. Он рванул вперёд, расталкивая толпы людей, давивших друг друга.

— Видели, как вчера твои родственники перешли на ту сторону, — сказали ему.

— Найманы все прошли целиком.

— Сегодня дошла очередь и до албанов¹, — судачили в толпе.

Стало быть, семья уже там. Настроение его поднялось. Взяв с собой сбрую, попрощался с конём, погладив его по холке. С трепетом ступил на обетованную землю своих предков...

Много лет подряд терзает его бессонница... Вот и на этот раз мысли не дают покоя, грызут его как голодные волки. Умирбай, не выдержав, встал. Прикурив сигарету. Миловидная женщина, лицо которой уже прорезают морщинки, мерно дышала рядом в объятьях сладкого сна.

Горький дым сигареты обжигал нутро, но давал успокоение. Попытался найти пепельницу. Пальцы зацепились за магнитофон, размером с детскую ладонь. Прилёг и снова накрылся одеялом. А потом на ошупь нажал на магнитофоне кнопку величиной с беличий глаз... О, создатель, тут же заговорила его Асемай, которая потерялась в те далекие сумбузные годы. Звуки её голоса раньше напоминали звучание свирели, когда вошла она в дом молодой невесткой.

Выходя смущенно из-за тканевой перегородки для молодоженов, смуглая и красивая, с двумя длинными косами, по традиции наливала чай свёкру и свекрови. Казалось, что все вокруг озарялось, когда она, почтительно опустив взор, улыбалась своими ямочками на щеках. Говорила немного надтреснутым голосом:

¹ Найманы, албаны — казахские племена.

— Низкий поклон вам и приветствие, Умеке!¹... Это я — Асемай, волей Всевышнего соединённая с вами супружескими узами.

Тело его пронзили тысячи иголок. Сердце готово было выскочить из груди, он задыхался. Магнитофонная кассета крутилась неумолимо.

— Вы не забыли нас? Детям сказала, что пусть хотя бы слова мои дойдут до вас. Что поделатъ, видно, на роду у нас так было написано. Когда мы впопыхах добрались с Алтая, пропускной пункт уже наглухо закрыли, чтобы больше не открывать. Вы, не оглядываясь назад, успели перейти границу вместе со всеми. Я предчувствовала это, и всю дорогу подергивалось левое веко...

Его опять накрыло волной старых воспоминаний. Потеряв самого себя, растворяясь в светлом мираже, идёт куда-то. В памяти возник какой-то слабый отблеск, и чудом ожили звуки во время столпотворения у пограничного поста.

Когда, сбившись с ног, искал жену, двух тонкошеих воронят и родственников, перешедших, как говорили, вчера вместе со всей толпой, услышал приказ начальника пограничного поста с китайской стороны:

— Пусть Умирбай, если душа его еще жива, явится сюда!

Слышавшие эту весть близкие соседи и дальние родственники стали наперебой судачить.

— Я так и знал, что возникнут подобные неурядицы!

— Что ты имеешь в виду? Наверное, хотят уточнить состав семьи.

— Думаешь, ради Асемай и двоих малышей вновь откроют пропускной пункт?

— Не ходи! Вышел указ, чтобы тех, кто был рядом с батыром Оспаном, не пропускать на Советскую сторону.

— Говорят: «Кто проскочил незамеченным, теперь хотят вызвать обманом и запереть в тюрьму Кульджи».

— Сказали, чтобы «руки и ноги заковать в цепи и кандалы, а языки отрезать под корень».

— Не признавайся, Умирбай. Не переживай: «Жена — в пути, а дети — в поясице...»

— Когда мы решили, что наконец-то ступили на родную землю, нам навстречу вышли одни пьяные мародёры.

— Кругом одни проныры и жулики, требуют, чтобы им отдали деньги и жун-жун². «Ой-бай, куда мы попали?» — возмущались женщины и старухи.

Пока собирался с рассеянными и без того скудными мыслями, подошёл подтянутый русский офицер и погнал его перед собой...

— Позже слышала, что женились вы на одной из красавиц Советов. Хорошо, если за пазухой у неё уютно. Мы же, злосчастные, живя воспоминаниями преж-

них лет, так и состарились. Видимо, в тот момент, когда вы обновили ложе, видела я один предрассветный сон. Во сне, о Боже, вы стали таким побелевшим и покрасивевшим. Взяв за руку свою невесту и отдалившись от нас, исполняете вдвоем танец «Черный иноходец». Пробудилась от рыданий... Говорю то одно, то другое... Передала вам дублёрку. Какое теперь осталось здоровье, носите, пожалуйста, Умеке...

Хотел прервать раздирающий душу монолог, но дрожащими пальцами не мог отыскать эту кнопку с беличий глаз...

Прослышала, значит. Раздавленный и заблудший, наконец-то нашёл он приют в доме Базаркуль, у которой уже была дочь от первого брака. Базаркуль моложе его на двенадцать лет. Так она больше и не родила. Она содержит магазин в ауле, а сам он работает почтальоном, все-таки возраст...

— Умеке, досада и обида не дают покоя, требуют высказаться, Умеке. По возвращении написала заявление и просьбу о воссоединении с супругом. А так как нас соединили религиозным обрядом, откуда же было взяться свидетельству о браке?! Начальник пограничного пункта оказался порядочным человеком. Сказал, если муж подтвердит, что вы соединены супружескими узами...

Всё его тело пробирала дрожь, словно в лихорадке, и он вновь и вновь прикуривал сигарету. Синий дым, закрубившись, закрыл пеленой глаза.

Да, подтянутый в струночку русский офицер, как под конвоем повел его впереди себя. Допрос был коротким.

— Это правда, что у вас есть жена? — спросил круглый, как колобок, китаец.

— Нет. Какая ещё жена? И Оспана батыра никогда в жизни не встречал, — отвечал он.

— А дети есть?

— Никого не знаю. Против властей не воевал, — отвечал он удручённо.

— Выходит, вы одиночка?

— Да...

— Умеке, скажи вы тогда «да, осталась Асемай с двумя сыновьями! Отпустите их!» — Нас вот-вот собирались пропустить. Мы же сидели в соседней комнате и слышали весь ход вашего допроса. Почему же вы от нас отказались, как вы могли принести нас в жертву?! Вы же были мягкосердечны...»

Умирбай, не сдержав рыданий, повалился в постель. С головой ушел под одеяло. Слезы горячими ручейками обжигали лицо. Голос в крохотном магнитофончике утих, и перед ним возник образ Асемай. Такой же, как тогда, когда она впервые переступила порог их дома, — чистое смуглое лицо и густые тёмные волосы, ямочки на щеках... Её чуть-чуть надтреснувший голос, смягчившись, вдруг зазвучал по-прежнему словно свирель.

— После этого нас поселили в приграничном ауле. Зимой присматривали за скотом, летом косили сено. Замерзая на морозе, сгорая под солнцем, подняла ваших

¹ Умеке — почтительно-ласкательное имя Умирбая.

² Жун-жун — казахское название китайской водки.

двоих сыновей. Умеке, я никому не давала их в обиду: не смахнули их крылом и не склевали их клювом. В прежние годы косили мы сено в Кульсае, оба наших сорванца, поднявшись на гору, долго высматривали вас по ту сторону границы. Если видели кого-то идущего с той стороны чуть ли не взлетали от радости, думая, что это возвращается их отец. Я тоже, вслед за ними, верила, что Умеке нас не забыл, и начинала напевать. Помните, мы молодыми, играли в «Аксуек» и катались на качелях «Алтыбакан», и тогда при лунном свете все вместе пели про «Гусиного птенца»? Помните?

*Милый край, где кочует родной аул,
Где копыта коней поднимают гул.
Пробудил ты в сердце навечно огонь!
Где любимой держал я в ладони ладонь.
Е-ей, лихой удалец-молодец,
Ты покинул гнездо, как гусиный птенец!..*

Неужели эта песня, которую мы пели хором с двумя сиротинушками, не долетала до вашего слуха, Умеке?..

Откинув душившее его одеяло, он завопил истошным голосом, достигавшим, казалось, всех закоулков света:

— Асемай!.. Живьем ты меня зарываешь!.. Деточки вы мои... Детки! Простите несчастного! Простите отца вашего!

Лежавшая рядом молодая, белолицая жена, с наметившимися морщинками, бормоча во сне, отвернулась лицом к стене:

— Бестолковщина! Доиграешься до Лебединой песни! Куда тычешься?!

Ночная тьма рассеивалась, прячась по углам комнаты. Приподнимался полог рассвета.

2006 г.

ЗЕРКАЛО

Старинное, — оно было свидетелем былого времени. Я имею в виду зеркало. Пяти пядей в высоту и чуть уже в ширину. Обрамлённое ценным деревом. Что-то неуловимо тёплое было и в его потемневшем от возраста, словно подёрнутом серебряной чернью, зеркальном ободке.

И что за чудеса — гвоздь в стене на месте, никто не прикасался, а зеркало само по себе возьми и грохнись на пол. Старик Саурбай со своим семейством умиротворённо потягивал утренний чай. От неожиданного грохота и звона все вздрогнули. Большое, закруглённое по углам зеркало, обрамлённое красным деревом, лежало расколотым на кусочки.

Дом заливало солнечным светом. Всё семейство, вскочившее с мест, уставилось на осколки. И в каж-

дом отколовшемся кусочке, игравшем в лучах солнца, отражался облик каждого члена семьи — в отдельности.

В осколке, что побольше, стоял Саурбай с торчащей сиво-бурой бородой. Взгляд потухший, полный тревоги.

В осколке рядом — его старуха Мугульсын. Волосы на висках выбились, на голове кружочек платка.

Двум сыновьям, снохе и душеньке семьи — единственной дочке достались по собственному персональному кусочку отражения.

Саурбай, тяжело вздохнув, присвистнул.

— Вот напасть-то! — пробурчала старуха, усматривавшая во всём недобрую примету. И стала собирать разлетевшиеся зеркальные осколки. Остальные даже и не придали этому значения.

Бизнес в наши дни — словно не прирученная к табуну кобылица. Вовремя не заарканишь, ускачет куда подальше, и останется потом только локти кусать.

— Старый обалдуй, всё из-за тебя. Опять бы чего не накликал! Только вроде бы сбежали подальше от аульных сплетен. Думала, наконец-то хоть здесь ушам своим найдём покой. Да куда там, снова какая-нибудь беда прицепится, — задирала мужа Мугульсын.

— Болтай-болтай, да меру знай! Благодаря мне, кажись, живёшь и нужды не знаешь.

— О, пустомеля, вот именно — благодаря тебе мы имели счастье не раз прославиться. Людям в глаза было стыдно смотреть. Муллой ему стать захотелось...

Что правда, то уж правда...

На войне чью-то кровь проливал. В мирной жизни на кого-то смотрел презрительно или вырабатывал командный голос. Грехов накопилось, наверное... Все мы одним миром мазаны... Отмоюсь, очищусь, выполню долг свой. Если Бог пожелает, то простить меня ему будет нетрудно, думал старик, водружая на голову громадный тюбан. Припомнил одну из подзабытых сур, которую незабвенный отец вливал в его ещё несмышлённые уши. Этой суры даже по времени вполне хватало, чтобы обернуть покойного в белый саван и отправить в последний путь.

Говорят, устами муллы вещает сам Всевышний.

— Не голос, а просто бальзам на нашу душу, — нахваливали самодеятельного муллу аулчане.

Кто знает, может, так бы и добывал впредь свой хлеб насущный, если бы не грянул гром среди ясного неба.

...Он уже в очередной раз завершал свою заупокойную молитву, как какой-то огненно-рыжий тип, в толстых окулярах, сползших почти на самый кончик носа, истошно завопил, точно ему горящая головешка попала в штаны:

— Ва, достопочтенные! Гореть бороде его синим пламенем! Что несёт вам этот невежа? Бедный народ, ты идёшь в оный мир не отпетым!..

Стало тихо, как после грозы. Намедни говорили, что из далёкой Алматы приехал один родственничек покойного по материнской линии. Это он и оказался. Ай, то-то сидел смурной и подозрительный. И на сердце с утра как-то беспокойно было, видать, чувствовало, что неладное случится. Этот огненно-рыжий тип, говорят, слыл редким сутягой: в вопросах шариата не давал проходу и самому главному муфтию.

Потом-то и выяснилось, что загадочная сура, доставшаяся от отца по наследству, называлась «Ат-Талак». И предназначалась для совершения обряда развода супружеской четы, погрязшей в склоках и изменах, посыпавшей голову пеплом, позабывшей веру и тихий уют очага. Словом, влип! Как ни руби хвосты, а — попался. Осрамился, век не отмыться. А народ разве образумишь?! Зашелестели языками, аки камыш на болоте:

— А ведь я подозревал, что здесь что-то не так!

— Он, бывало, запнётся, а потом и чешет дальше по-казахски.

— Вот и покойный во сне наведывается. Мучается душа, видать, в преисподней-то...

Воробыным шажком пришлось уносить ноги, пока доморощенные правдолюбцы не надумали учинить над ним расправу. Накликав лиха на свою вольную головешку, к тюрбану с тех пор он больше не приближался.

— Старый дуралей, осрамился на весь аул и в Астану сбежал, — забухтела было Мугульсын по вьёвшейся привычке, но помешал неожиданно появившийся на обед старший сын Жайдос, всё время сутулящийся из-за своей долговязости, инфантильный недотепа с носом, напоминающим сизоватую картошку. Если бы не жена его Валя, взявшая в аренду магазин, он бы давно пошёл по миру. Попроворнее из сыновей считался непоседа Байдос. Светловолосый и словоохотливый, несмотря на лёгкую шепелявость, он был спецом по устройству «тендеров» для строительной бригады старшего брата. Безнадежное дело мог превратить в заманчивый проект. Без труда подбирал ключи к партнёрам и потому — угодный начальству. Даже по обычаю «саркыта» — права младшего на долю — он не упускал своего с наваристого стола компаньонов.

Единственная их дочь Жангулим жила как у бога за пазухой, и в писаной ее красе не было ни капли изъяна. К тому же студентка третьего курса...

Злополучная весть застигла всех в полдень: Жангулим совершила наезд. Спешила в урочище Боровое. На дороге сбила молодого парня. Легко сказать сбила: переломы руки и ноги, повреждение позвоночника. Поместили в реанимацию... Вчера, улучив удобный момент, Саурбай пошёл на поклон. Пал в ноги враждебно настроенным родственникам парня. Умолял как мог, слезою омочил свою сивую бороду.

— Буду ставить на ноги за границей. Слышал, обойдется чуть ли не в сто тысяч зелёных... Оплатите

эту сумму? Что проку оттого, что посадят девочку? Если да, чёрт с вами — прошу, — сказал отец парня. Славным оказался человеком.

Жангулим сидела в изоляторе временного содержания. Шло следствие. Саурбай, взвинченный до предела, собрал всё своё семейство.

— Жайдос, в душу твою мать, найди деньги! — кричал он, рассекая кулаком воздух.

— Бизнес же у меня накроется! Не выложу заранее двадцати процентов начальству, тендера не видать как своих ушей.

— В этот раз отступи. Пусть катятся все к черту!

— Потом сидеть на голодном пайке? Зависнуть опять прикажешь?

— А магазин ваш на что?

— Да он себя еле покрывает.

— Единственную мою доченьку заточать в глухую темницу... Да лучше б я вас и не рожала на свет! — заголосила Мугульсын, тут же хватаясь за увесистую скалку.

Молчавший до этого времени Байдос, буравя глазами старшего брата, зашепелявил:

— Ща-щас, разберёмся! У тебя же лежало бабло, брат? Глянь, на щ-щету, я же видел!..

— А вдруг налоговики нагрянут? И вообще, ты когда научишься со мной считаться, а?

— Вот именно! И я о том же. Живёшь за чужой счёт, и никакой благодарности! — вклинилась в ссору сноха, и лицо её тоже приобрело слегка синеватый оттенок, а глаза обесцветились.

— Ты шоль меня обеспечиваешь? Не много ль на себя берешь?! Ты ва-ащ-ще сама натуральная аферистка! Постоянно тыришь выручку в магазине и несёшь своим ненасытным родственничкам. Шо, скажешь, не так?

— Ой-бай! Лучше уж меня продайте! Сдайте вон на базар, ох-ох! — застонала Мугульсын, опершись о скалку и плюхнувшись без сил на диван. — А всё твоя греховодность! Беда так и кружит коршуном — не знаешь, когда тебя клонет. Была, кажись, пенсия скоплена. Так нет же, надумал родословие своё отпечатать. Всё обещал: продадим за хорошую цену. Разживёмся!.. Как же, разжились. Кому нужна твоя убогая родословная? Насилу угомонился, когда уже всё сжег! Не так, что ли?

Что правда, то уж правда...

Было дело. После того как поприще священнослужителя потеряло в его глазах всякую привлекательность, понял он, что сидеть сиднем — ничего не высидишь, надо чем-то заняться. Словно озерную гладь, развернул перед собой лист чистой бумаги. И наверху крупными буквами, напоминавшими рога горных архаров, начертал: «РОДОСЛОВИЕ». Затем подчеркнул жирной линией.

«...В период достопамятного Анракайского сражения мой прадед Карабатыр командовал правым флангом войска прославленного хана Абулхайра, — написал он, озираясь почему-то по сторонам. —

А доблестного Кенесары в решающий час поддержал мой прадед Дарабатыр во главе отборной тысячи. Что касается предводителей народного восстания Исатая и Махамбета, то они и шагу ступить не могли без мудрого совета вершителя правосудия, моего последующего предка Жанабатыра... Так что мы тоже не лыком шиты. И есть на то документ...»

Насчёт документа он думал недолго и всё же решил оставить.

Районная типография отпечатала книжечку форматом с телячий язык. Читал её весь аул скопом, спотыкаясь на оборотах — читал и стоя, и падая. Особо активные единокоренцы, перетолковав изложенные обстоятельства, собирались даже снарядить экспедицию по местам походов столь достославных предков. И всё шло, как подобает. Если не учитывать маленькие казусы, происходившие в выступлениях перед учащимися одной-двух школ, когда он путался в годах жизни и в именах своих предков...

В один из обычных дней из Астаны, как снег на голову, прибыл пухленький, словно колобок, молодой учёный. Он не скрывал своего восхищения генеалогией Саурбая, которую сплошь украшали могучие багатуры и степенные степные судьи-бии.

— Планируем включить в «Новейшую историю». Поставим в один ряд с величайшими представителями народа. Напишем достойную биографию, воссоздадим достоверные портреты, — тараторил не унимаясь молодой человек.

— А от кого ты обо мне узнал? — уточнял Саурбай, не на шутку переволновавшись и немного струхнув.

— Вашу родословную мне представил один мой студент. Парень оказался из ваших мест. Вы, кстати, в ней заявляете, что у вас и документы имеются. Просто великолепно! Почту за честь поддержать их в своих руках, многуважаемый.

— Э-э, ну, понимаешь, тот же хан или багатур не в одиночку же промышляли на своих врагов, я так думаю... Наши пропахшие потом и опалённые солнцем старички, мабуть, тоже где-нибудь с боку пристраивались с пикой...

Пространный ответ определённо озадачил молодого учёного.

— Тем не менее должны быть какие-то захоронения, где покоятся останки Карабатыра, Дарабатыра и Жанабатыра!

— Всё подчистую высушило солнцем и развеяло ветром.

— На крайний случай, может быть, место...

— И оно тоже исчезло!

— Как это всё-таки досадно... А впрочем, существовали ли на самом деле ваши предки, указанные в родословной? Или же...

— Конечно, собирательный образ ведь, — нашёл старик, не помня, откуда подобрал эту умную фразу. — Эх, голубчик ты мой! И хороший человек —

бугорок земли, и плохой человек — тоже бугорок. На кой тебе копать!

Старуха его, копошась на дне старого деревянного сундука, никак не могла найти хомутовую цыганскую иголку. И, желая освободить мужа от назойливого типа, сунула ему в руку какую-то попавшуюся ей треугольную бумажку, побитую по краям молюю.

Когда же пухленький, как колобок, молодой учёный прочитал: «Дороже золота, весомей серебра, о Мугульсын, красавица моя!..» — то брови его медленно поползли вверх.

— А, чтоб те сгинуть! — процедил старик, протыкая свою старуху острым как шило взглядом. — А-а, так это то письмо, помнишь, я тебе впопыхах черкнул, когда мы бежали из-под Сталинграда!

То ли от изнуряющей июльской жары, то ли от передержанного кумыса скарёдной хозяйки молодой слепопыт вдруг в беспамятстве сполз на пол, перевернулся и покатился, точно колобок, поджав под себя и руки, и ноги...

— Ой-бай! Лучше уж меня продайте! Сдайте меня вон на базар, ой-ой! Заодно тащите и этого старого козла за бороду. Продайте в рабство. Пусть сгинет со своей родословной!..

— ...Говоришь, ташу для своих родичей. Да ты сам отъявленный жулик и есть! Забираешь у Жайдоса двадцать процентов якобы для начальства. На самом деле отдаёшь-то десять. Думаешь, я ничего не знаю и не вижу! А ну-ка, вытаскивай из кармана! Не всё тебе пичкать в лифчик своей зазнобушке!

— Что слышат мои уши?! — забухтел, взбудораженный словами жены Жайдос, выпрямляясь во весь свой несуразный рост. И картошка его носа стала почти сизой.

— Так он с детских лет был уличным бандюгой! Мы с ним в параллельных классах учились, — бросила Валя, опасливо придвинувшись к мужу. — Записался как деловой в «Тимуровскую команду»: стал переводить слепого старикашку через дорогу, а тут, глядь, машина выросла... Сам успел отпрыгнуть, а того задавило. Ещё тогда его надо было определить, куда следует. Сгнобить в колонии...

— Эх, мать твою!...

— Ох, отца твоего!...

Подобную перепалку не закончить дракой было бы преступлением.

Байдос с отцом на одной боевой позиции, а другие, трое, объединившись, укрепились на противоположной. В ход пошло всё: посуда гремела и звенела, башмаки летали, ваза в осколки, скалка поскакала... В разгар сражения со стуком распахнулась входная дверь.

На пороге, вместо Жангулим и писаной её красы, в которой не было ни капли изъяна, покачивалась худосочная и изможденная тень.

— Не грызитесь почем зря! Я сама оплатила по своим счетам... Выхожу замуж за того парня... Бывайте!

И всё оцепенело: упрямая борода старика была в хваткой руке его старухи, тоже переметнувшейся во вражеский стан, как это чаще всего и бывает. Растрёпанная, словно у бодливой козы, чёлка невестки Вали в пятерне забияки Байдоса. А нога Жайдоса, размахнувшаяся на врага, бесцельно зависла в воздухе...

Стоп! Кадр!

* * *

Старинное — оно было свидетелем былого времени. Недосказанным был и свет его. Я имею в виду зеркало. Соберётся ли оно наново, нет ли?! Только Аллах и знает...

ЗЛАТО ЗАРЫТОГО КЛАДА

Ермеку Аманишаеву — с уважением

Видимые издалека, словно мираж изматывающие, до предгорий и горных отрогов которых не дойти, не добежать, — это и есть величественные Мугаджарские горы.

Летом их вершины ласково орошают дожди, зимой покрывает пушистый снег, погружая в глубокий сон этого тихого, но могучего богатыря — Мугаджары. Само время здесь выглядит утомлённым. Очевидцы всякой всячины, повидавшие то, чего не видывал никто, горы как будто разверзаются изнутри от безысходности, бессилия и устало вздыхают.

Иногда же вздрогнут и прохрипят:

— Где потеха наших бывших буйств вокруг красавицы и воительницы Кызданай¹? Сваренные в котле чести мужи, выбивавшие подковами своих коней искры, пропали давно и безвозвратно. Коль были мы очевидцами тех времён, то к чему нам травы или пустошь дней нынешних? Как говорится, что бы и как бы ни пелось — всё есть бренность и ложь. И вправду так.

Ставшая для многих ушей сказанием, слава и доблесть которой, соперничая, не уступали друг другу, резня за Кызданай началась меж скал и подножий Мугаджар, а вырвалась и на предгорные равнины, а затем и на простор степных миражей.

В этих предгорьях, со стороны восхода солнца, плечом к плечу, расположились три невзрачных дома. Похоже, не найдя другого пристанища, кроме как у подошвы гор, построены они в пору разрухи, когда уста, словно жало, выплёскивают яд, а руки упрямо тащат в ад.

Из крайнего дома в платке, завязанном так, что он напоминает сидящую чайку, вышла смуглая старуха. На давно увядшем, но сохраняющем мудрость

и опыт лице, отпечаток самих гор. Поискав взглядом, воскликнула:

— Кутаяк, ко мне! Кутаяк!

В это же время со двора соседнего дома раздался передразнивающий голос мужчины:

— Кутаяк, ко мне! Кутаяк!

— Прекрати, бестолочь! Говорила же тебе — сведёшь с ума собаку.

Потерявшая привлекательность, но сохранившая мудрость и опыт, смуглая старуха беззлобно отчитывает своего тоже старого, но всё же помоложе неё, соседа. Она может перешучиваться с ним до бесконечности.

— Посмотрите на его дурь! Довёл до околения супругу, доставшуюся, говорят, ему ещё девицей. Сыт, одет, обут — вот и бесится с жиру.

— Кутаяк!

Сидевший в тени у дома высокий светлицы и черноусый парень усмехнулся: «Сведёшь с ума собаку». Как можно свести с ума единственную в округе собаку с единственной кличкой? У неё и ума-то отродясь не было, не с чего и сводить.

Это внук той старухи, с которой любил перешучиваться моложавый старик. Вчера он заходил к ним в дом.

— Оу, потомок Котибара², что нового в твоём городе? — спросил он, как обычно, покашливая. — Да и мы живы, здоровы. Помогает, видать, сам Всевышний. И сумасбродная старуха, и я, безмозглый старик, и эта живущая рядом старая горбуныя, — живём все, не тужим, не даём развалиться трём очагам.

— Ух ты, заметил, как возгордился, когда заговорил о горбунье?! — сострила старуха, вытягивая шерстяную нить, вытекающую из её стремительного веретена.

Тщедушный старик с тонкой журавлиной шеёй долго не мог унять кашель, усилившийся после слов бабки, а потом потихоньку примолк.

— Твои родители хоть знают, что тебя исключили из училища и ты толкаешь тачку на базаре?

Задав этот вопрос, бабка пододвинулась к внуку, сжав веретено в руках, добавила без перехода:

— Пёс этот стал бродягой. Даже морду не воротит в сторону помоев. Пусть только попадётся мне на глаза...

— Не знают, я не говорил...

— Пропадите все пропадом, проклятые!

Давно потерявшая привлекательность, но сохранившая опыт и мудрость, смуглая старуха вложила оптом в это проклятье всю свою злость и на педагогов, думающих только о мздоимстве во время сессий, и на сына с невесткой, удравших в город добывать хлеб насущный.

— Они в Актобе! А учёба моя в Алматы. Тачку толкаю на Зелёном базаре. Откуда им это знать?.. — В голосе внука появилось уныние.

¹ Кызданай — в казахской мифологии: девушка-воительница, возлюбленная батыра Торемурата.

² Котибара — батыр, герой казахского эпоса.

Отрывисто покашливая, подошёл и старик.

— Приснился мне сегодня, перед рассветом, сон. Бог мой, даже трудно сказать, что это сон. Чистая явь!

— Рассказывай, растолкуем его...

Тот взглянул на старуху весьма неодобрительно.

— Как говорили в старину: «Не толкуйте к ночи сон». И ещё говорили: нельзя давать его растолковывать ни женщинам, ни родичам жены, ни зятю.

Бабка саркастически засмеялась и выпятила нижнюю губу.

— Расскажи вот об этом потомку Котеке¹.

— Я весь внимание, дядя.

— Это сон из времён давних буйств вокруг красавицы и воительницы Кызданай. Твой прадед богат, царствие ему небесное, святой и кристальный человек, восседая на своём аргамеке тёмно-рыжей масти, обвешанный пятью видами оружия, подсказал ко мне и воскликнул громовым голосом: «Эй, Тамшубай, что за лежбище ты тут устроил?! Похоже на то, что от нас уводят Кызданай. Вставай на бой, встань на битву! Моё плечо поражено стрелой. Если туркмены догадаются об этом, то всем нам несдобровать. Поддержав меня со всех сторон, как молнии и гром падите на головы врагов!» Смотрю, а кровь, из его левого рукава заливает гриву скакуна... Слава Господу, что мы ещё в детстве застали твоего прадеда, помним его густую бороду и мощь, яркий огонь в его неумолимо острых глазах.

— Что было потом, дядя?

— С криком и шумом, в одном лишь нижнем белье выскочил я из дома и стал искать свою клячу. Собачий скот, разве она даст найти себя в такую минуту!

— Неужели он так глуп, чтобы призывать тебя на бой? Я говорю о своём свекре-богаче... Свят, свят, надо же, без задней мысли разбудил во мне шайтана, чуть-чуть не затронула невзначай его святость, — обронила бабка.

Глаза у рослого парня с густыми усами загорелись:

— Что было потом, дядя?

— Смотрю, на равнинной местности у подножья горной гряды идёт кровавая сеча. Дикие воинские кличи. Пыль, покрывшая очи солнца и лик земли, ржанье коней и стоны воинов... Проснулся от страха.

Потерявшая привлекательность, но сохранившая мудрость и опыт, смуглая старуха продолжала вытягивать шерстяную нить, вытекающую из её стремительного веретена.

— Да... было это... Царствие небесное тому, кому стоило лишь взглянуть на небо, как у него в зубах оказывалась птица. В свои восемьдесят лет, подвергшись конфискации, был сослан в края, где выживают лишь собачьи упряжки. От него остался только один след-послед: твой дед Удербай, который пропал без вести под Сталинградом, а от того лишь твой

отец Жеткерген, что еле-еле породил тебя на свет, женившись только на старости лет. А от Жеткергена родился ты. Сплошь одиночества от одиночеств. Рождены от обречённости и сосватаны лишь по разу.

От сосчитываемых пяти пальцев на её руке не погнутому остался лишь мизинец.

— А куда подевались десять старших сестёр Удербая?

— Да выбрось ты из головы своей сосновой всех ветроподобных девиц и женщин! Они не могут быть ветвями родословной. Весь этот народ гол, как степной дол: ни числа в степях, ни следа в песках...

Как только речь коснулась пропавшего без вести супруга её Удербая, лик бабки зардел, а веретено закрутилось так стремительно, что запестрело в глазах.

Жадный до шуток сосед не удержался и на этот раз:

— Говорят, всех без вести пропавших наших солдат прибрали к рукам горячие вдовы-немки. Если и жив, то, наверное, лопочет там: «Айн фрау, цвай фрау, драй фрау».

— Типун тебе на язык! Разве не сообщал нам Бакберген, что попали они под бомбардировку, после которой и пропал Удербай?

Бабка, похоже, безжалостно отправила деда светлоголица, черноусого парня под бомбы, чтоб только не ревновать к горячим немкам-вдовам. Сосед не скрывал своего удовольствия от того, что сумел-таки достать каргу своим колким языком.

— А что ты скажешь на то, что якобы исчезнувший на войне Куспан вдруг нашёлся в Америке? Разве это не так?

— Пусть. Женился — так женился. Хоть краем глаза увидеть бы, как эти востроносые немки трясут перед ним своими телесами.

— Ну, допустим, увидела...

— Взяла бы, скрутила и заставила работать по дому...

— Эх, тётушка ты моя ненаглядная, до чего у тебя душа благородная.

У соседа покраснели глаза, и он заспешил к себе домой.

— Бабушка! — обратился Алмат, дождавшись, когда остались наедине. — Правда ли, что мой богатый прадед перед тем, как его сослали в края, где выживают лишь собачьи упряжки, закопал где-то золотой слиток величиной с конскую голову? Правда или нет?

Старуха порвала от неожиданности скручиваемую шерстяную нить.

— Да нет... легенда это... Шерстью верблюжонка оказалась, пропади она пропадом...

— Бабушка, зачем скрываете тайну, о которой знают даже девушки-цыганки в Алматы...

— Что?!

— Да, нагадали они мне по ладони...

— И что, описали тебе облик моего свёкра-богача?

¹ Котеке — уважительное от Котибар.

Алмат громко расхохотался.

— Откуда им знать! Девушка-цыганка, уставившись на мою ладонь, наказала запомнить каждое её слово. Утверждала, что прадед мой, будучи богатым человеком, перед дальней и последней дорогой зарыл в землю своё золото. Мол, коль поищешь, то и обрящешь.

— Да что ты говоришь?!

— Как только услышал это гадание, так сразу и выбросил свою тачку. Признавайся, бабушка, где клад зарыт? Буду искать.

— Небось, рассказала, что бабка твоя приблизительно знает, где это сокровище?

— Да, конечно...

— Проклятье! Проклятые вы все!

Девушка-цыганка, красавица в красно-зелёном пёстром платье до пят, покачивая своим гибким станом, талией-тростинкой и бесноватыми бёдрами, не сказала, конечно: «Алмат, твоя бабка знает всё». Но намекнула. И не стала скрывать, что в случае обнаружения золота могут появиться опасность и риск.

— Некогда и твой отец, взяв в руки лопату и лом, пытался перерыть всю степь... Пока я не запретила ему. — По бабкиному лику поползли красные пятна: обычное явление, когда она сильно волнуется.

— Если это золото осталось от моего прадеда, то хозяин его теперь — я. Да, я самый!

Да пребудет душа его в раю, его прадед, заранее предвидя гонку друг за другом красных и белых, по всей видимости, закопал слиток злата величиной с конскую голову именно у подножья Мугаджарских гор. И место это намёком указал сыну Удербая, единственному его отпечатку на белом свете, выросшему среди десятирех сестёр.

Её супруг характером был мягче овцы. На рассвете, за день до отправки на фронт, он, словно стеснясь своих слов, шептал: «Если плод в твоём чреве окажется мужского рода, то после рождения нареки его именем Жеткерген. Завещанная ему моим отцом доля закопана под корнями единственной сосны, растущей у подножья гор. Будь осторожна на язык! Как бы мы ни бегали от молвы о баснословном нашем наследстве, видать, всё же не сможем избежать слухов». Как будто знал, что не возвратится живым.

Слава Господу нашему, она в зубах, словно волчица, донесла его единственного сына до самой зрелости. Мучилась, но вырастила.

С трудом, но женила. Чтобы не пропал милостивый след свёкра. А тот взял да и помешался на мыслях о закопанном золоте. Не давал матери покоя.

— Думаешь, жалел меня? Видел бы, как он, даже во времена Советов талдыча, что обязательно найдёт своё зарытое богатство, дробил камни, поднимая пыль до небес. Не думал, что, найди он клад, «краснопогонники» погнали бы его впереди себя, да ещё и со свистом. И потом, не зря же утверждали жившие до нас люди, что там, где зарыто золото, обяза-

тельно водятся черти и демоны. «Стерегут сокровища змеиные скопища» — не нами замечено.

Чувствуя и зная всё это, разве могла она послать под крутой яр единственного воронёнка Удербая? — теперь уже сама с собой размышляла старуха. А тут эта какая-то проклятая цыганка разожгла огонь под подмётками внука.

— Внучек мой, мы хоть и небогаты, но не пухли же от голода и без этого злата... Выбрось из головы эту блажь... — Не успела завершить мысль, как глаза высокорослого и черноусого парня дико заблестели. Успела заметить — они как две капли воды похожи на вспыхнувший от поднесённого фитиля огонь в очах её незабвенного свёкра, о котором не уставал вспоминать жадный до перепалок престарелый сосед.

Так и быть, решила навсегда потерявшая цвет, но сохранившая мудрость и опыт старуха, нисколько не удивившись овладевшей ею дерзости: «К чему скрывать богатство предков от их потомка? Не запускает же он руку в сокровищницу чужих — пока берёт у своих. Пусть откопает казну, оставленную ему по наследству. Найдёт — заберёт. Не найдёт... Лишь бы обида не осталась в его душе. Не перепрятала же я клад, чтобы отдать его другим родичам! Так и быть, рискну-ка!..»

...Алмат, взяв в руки лопату и лом, подошёл к одинокой сосне, цеплявшейся за подножья гор, по утренней прохладе. Сосна уже состарилась. Растресканные ветви её высохли; ствол, который не влез бы свободно даже в объёты двоих, начал крениться в сторону запада. В заостряющейся кверху кроне мелькнула и тут же исчезла белка, проворно вильнув пушистым хвостом. Хотя стояли погожие майские дни, но непохоже, чтобы старое дерево способно ещё хотя бы раз породить молодую поросль. Голое, бесплодное существо. Вонзил лопату в землю — она с хрустом перерубила высохший корень.

— Слиток величиной с конскую голову, — прошептал, не в силах удержать норовистый стук копыт в своём сердце. — Попался бы ты мне в руки!.. Купил бы квартиру в самом центре Алматы... Холил бы и лелеял свою бабушку... Да разобрался бы и с теми преподавателями, кто, не успев раскрыть рот, тут же требует мзду... Уже не просил бы, а требовал их растреклятый диплом! И родителям бы купил, подобрал квартиру со всеми удобствами. Потом... у подножья этих Мугаджарских гор воздвиг бы памятник в честь сгоревших на углях любви храброму Торемурату и славной красавице и воительнице Кызданай. Поднял бы на постамент вставшего на дыбы скакуна тёмно-рыжей масти. Поддерживая под руки, снова воссадил бы на него, обвешанного пятью видами оружия своего прадеда-богача. Залил бы уши всем, кто явится к ним на поклон, рапсодией-кюем Курмангазы «Торе мурат». У людей разрывались бы сердца. Вот! Вот что можно сотворить с помощью слитка величиной с конскую голову!

Когда время перевалило за полдень, а он всё ещё копал и копал, появился Тамшыбай, обозначив свой приход привычным кашлем.

— Да пребудет с тобой сила, потомок Котеке-на! — пожелал он, глядя на парня и прищулив один глаз.

Не зря говаривали: «У хитреца одно око всегда с прищуром», — подумал про себя юнец.

— Чем же провинилась одинокая сосна? Перерыл всё вокруг неё...

— Нужны корни. Целебны они.

— Значит, моя тётушка решила растирать поясницу сосновым отваром. Пра-виль-но, верно, — бормотал, сдвинув набекрень старую шляпу. Видно, что не верит словам парня. — А я вот вышел искать свою клячу. Собачий скот, разве он даст найти себя?

Держа в руках узду, ушёл, покачивая головой.

Когда яма стала глубиной по пояс, запыхавшись, приковыляла к юноше горбунья с мешком в руках.

— Э, да ты, милоч, оказывается, учишься в городе на землекопа! Видать, послали на практику? — воткнула в него своё ядовитое жало. Бесцветные глаза её пронзали холодом.

— Да нет же, тётушка... Решил приготовить целебный отвар.

— Мне тоже накапаешь потом немного. Вот, вышла собирать кизяк. Непутёвые, нет, что ли, у них задних проходов? Ни одной достойной внимания коровьей лепёшки...

Когда солнце стало спускаться с зенита, лопата наткнулась на какой-то мягкий предмет. Упав на колени, стал разгребать землю обеими руками. Показалась обветшавшая кошма. Видать, была некогда светлого окраса. Пробыв долго в сырой земле, покрылась тёмными пятнами. Сердце Алматы подпрыгнуло до гортани, а сам он ошалел от возбуждения. С дрожью в руках вынес этот увесистый комоч из ямы. Воровато оглядываясь по сторонам, не заметил никого живого, кроме пролетающей вдалеке вороны. Да вот ещё белка, которая не смела даже приблизиться, а теперь же — посмотри! — виляя хитрым хвостом, осмелела так, что лезет вплотную. Прочь! Сгинь! Эта казна оставлена не твоими предками!

Стал в возбуждении разворачивать ветхую кошму. Попался на глаза Коран с пожелтевшими и полусгнившими страницами. Видно, что обложка некогда была обтянута кожей. Но сейчас и она в никудышнем состоянии, вся в дырках и трещинах. Выбросив книгу, снова накинута на свёрток.

Бог мой, наконец-то, вот, вот оно — золото! Правда, не такое уж тяжёлое. Слиток по форме напоминал гусиное яйцо. Оно ярко блеснуло на солнце, словно обрадованное тем, что наконец-то увидело свет. Повернул слиток другим боком, заметил: на нём выгравированы какие-то знаки. Они оказались цифрами: четыре девятки, стройно выстроенные в единый ряд. Юноша недовольно проворчал про себя: «Надо же, придумали легенду о слитке величи-

ной с конскую голову... И всего-то? Но тем не менее чистой пробы червонное золото!»

Из безобразно разрытой ямы раздался шипящий свист. Резко повернулся на звук. Приподняв пёструю голову и покачивая ею, немигающими пристальными глазами смотрела на него кобра. Раздвоенный язык её дрожал, исторгая угрозу.

— Эй, Алмат! — прошипела кобра. — Оставь золото в покое! Семьдесят лет не смыкая глаз сторожила его, оно — моё!

Как ни испугался, но всё-таки пришёл в себя. Хотя ещё и дрожали колени, успел вскочить на ноги. Встретился с нею взглядом.

— Оно моего прадеда-богача! — взвизгнул. — Разве кто-то поручал тебе сторожить его?!

Прихватив слиток, ринулся на степной простор. Вослед ему раздавалось леденящее душу шипение.

Не успело золото блеснуть на солнце ещё раз, как Алмата окружили пять-шесть танцующих див. Звонко смеясь, тянули к нему руки, хватали со всех сторон.

— Страшились Корана, не смели даже подступить к слитку. Столько ждали тебя, заждались! Отдай нам сокровище, юноша-красавчик. Пойдём с нами! Будем вместе веселиться и резвиться.

«Демонические девы, сущие сирены, сбивавшие с толку самого Одиссея!» — успел подумать Алмат. — Но до чего же прекрасны, чертовки! А их смех, ослабляющий суставы? Ни в какое сравнение с ними не идут даже самые красивые алматинки.

Не успел моргнуть глазом, как откуда-то выплыла цыганка, гадавшая по его ладони на Зелёном базаре. Красавица в красно-зелёном пёстром платье длиной до пят, покачивая своим гибким станом, талией-тростинкой и бесноватыми бёдрами, устроила настоящую схватку с пятью-шестью демоническими дивами: таская их за волосы, била ногами, кричала в бешеном иступлении...

— Алматик, поделись! Половина клада моя! Будь моим мужем! Тогда всё станет моим!

Смотри, какой аппетит! Сила у неё неимоверная, пусть сначала осилит эту кобру, которая, хоть и ползком, но уже почти настигла его.

В борьбе со злыми силами и не заметил, как оказался на просторе, на месте, овеянном славой буйств вокруг красавицы и воительницы Кызданай. Грянул гром, на который отозвалось эхо Мугаджарских гор. В воздухе раздался громкий перестук копыт. Заржали кони, прокатились вопли воинов.

Да это же Торемурат! Скакал на сивом скакуне, спасая свою возлюбленную и отбиваясь от туркмен. Осыпал их ударами сабли направо и налево. Сражается один. А где же красавица и воительница Кызданай? Отчего опаздывают оторванные отряды отважных казахов? Почему нет его прадеда со стрелой, попавшей в плечо?

Взгляд Алмата застлала пелена видений, правый глаз выкатился из орбиты, изо рта потоком потекла белая пена.

— Ни граммом не поделюсь! — кричал, прижав золото к груди. — Никому из вас не отдам его!

А это ещё кто рвётся к нему? Эй, что здесь делает этот тщедушный старик с журавлиной шеей — Тамшыбай?

— Мы хотя и дальние, но родственники. Укрывались одним одеялом. Слышал легенду о кладе, но не мог обнаружить его сам. Отдай, — кричал он, пытаясь на кляче настичь его.

— Отломи и мне кусочек, щедрый малый! Использую для исцеления своего недуга. Соседи тоже имеют право на свою долю! — визжала горбунья, нагоняя его и уставившись в душу бесцветными и холодными глазами.

Отшвырнул и её вместе с мешком собранного ею кизяка.

Сошедши с ума и вырвавшись на простор, бежал что есть мочи. За ним гнались шипящая кобра, демонические девы, девушка-цыганка, Тамшыбай, горбунья. Грызлись между собой, как свора собак. Рвали друг на друге одежду, волосы, но так и не могли настичь его.

Впереди возник отблеск небытия. Промелькнула светлая шёлковая вуаль, из-за которой выплыл его прадед-богач. Густая борода, физическая мощь — всё было точно таким, каким описывали очевидцы. Но пращура что-то беспокоило. Было неясно, шёл он или летел, но каким-то образом преградил дорогу юноше.

— Родной мой, раскрой глаза! Этот проклятый блестящий металл не давал покоя и мне. Он же и довёл меня до кончины. Избавься немедленно! Отдай его этим ненасытным существам!

У Алмата, правый глаз которого выкатился из орбиты, а изо рта потоком пузырилась белая пена, уже не было сил узнать своего предка. Подумал, что этот старец и есть вождь-аксакал всех дьявольских сил.

— А-а, теперь сам явился? Не смогли справиться со мной твои посланцы! Хочешь одурачить? Покажу тебе ад!

— Я же предок твой!

— Сгинь! Нет у меня предков! Никого у меня нет!

— Есть на белом свете нечто ценнее золота...

— Что ценнее?

— Честь, достоинство, довольство малым...

— Чувь собачья!

Ринувшись к предку, схватил за густую бороду. Дёрнув, повалил старца на землю. Сжав кадык, стал душить, воссев на его груди.

— Не сходи с ума, родной! — Густая борода предка, освободившаяся от хватки Алмата, колыхалась на ветру. Пращур со страхом уставился на парня, усевшегося на него, как ангел смерти на своего коня. Хотел промолвить ещё что-то, но не успел. Размахнувшись, правнук изо всей силы ударил его золотым слитком, похожим на гусиное яйцо, прямо в лоб.

— Вот тебе!

Возглас, прорвавший глухоту, прокатился по долине и, взобравшись на вершины гор, исчез.

— И ты меня тоже убил, родной мой!..

Видимые издалека, словно мираж изматывающие всех, кто пытается взобраться хотя бы на их предгорья, — это и есть Мугаджарские горы. Их Величество и Их Высочество.

Кажется, что это кроткие горы, вершины которых, балуясь, как дети, летом поливают дожди, а зимой покрывают снега. Кажется, что они погружены в глубокий сон. Что они до крайности устали, как устало и само время. Очевидцы всякой всячины, насквозь проеденные тем самым временем, распротёрлись, лежат, раскинувшись под тяжким своим бременем...

КАРТА НОБЕЛЯ

Три трактора-великана медленно ползут в одной упряжке, взрыхлив на четверть аршина застывший бесплодный солончак. Уходящая верхом в небо ажурная нефтяная вышка, стянутая сцепом стальных тросов толщиной с шею племенного быка, словно парит по-над землей. Июль, поддавая жару, над самой головой растапливает солнце. Умаявшийся от жажды жаворонок подставляет раскрытый, точно крохотные шипчики, клювик горячему суховею. Не найдя утешения, вспархивает, кружится волчком и, наконец, садится на самую макушку плавно движущегося сооружения.

Показалась стайка тонких, словно шелковый платок, облаков, но спасаясь от рычания трёх железных чудищ, поспешила удалиться подальше. Если в шестипалый ров, пробороздивший пустынную местность, угодят ягнята и козлята, то им из него и не выбраться без посторонней помощи. А вот вышка, влекомая тремя великанами, покачивая верхушкой в поднебесье, движется будто легко. Возможно, основание её установлено на колёсную платформу.

С наступлением вечерней прохлады навстречу механизированному цугу вышел подросток. В руках у него было закоптелое ведёрко с помятым боком. К одному из ушек приторочена красная веревочка в четверть пяди.

«Лексус», мчавшийся, поднимая пыль, по степной, накатанной, как доска, дороге, резко притормозил. Толстый, холеный мужчина, со слоистым, точно девичье одеяло на сундучке, подбородком, копошась в ширинке, быстро отбежал в сторонку. Видимо, крепко прижало! Голос подал ехавший рядом с ним смуглолицый, с серповидным носом.

— Эй, пацан, — спросил он мальчишку. — Что ты здесь ищешь?

— Хочу взять земного масла на растопку.

— Земное масло твоё — это нефть, что ли?

— Да.

— А оно где-то здесь выходит? — заинтересовался толстый мужчина, заканчивая с ширинкой и оглядываясь назад.

— Да, тут у подножия солончака.

— Молодец, вырастешь — большим нефтяником будешь!

Руки у толстяка полные, но пальцы были короткие. Мальчик разглядел и куций ноготок на большом пальце.

— До Доссора далеко ещё?

— Минуете пару холмов и увидите.

— Погнали. Говорю же: старая карта не подведёт.

Достигнув восточной стороны посёлка Доссор, ажурная вышка встала. Три трактора-великана, сбросив сцеп стальных тросов, толщиной с шею племенного быка, и заглушив моторы, сгрудились поодаль. Вслед за «лексусом», немного поотстав, прибыло и три одинаковых вагончика цвета хаки.

Очистилась земля, поросшая колючкой и осотом, на возвышенном, лобном месте засияла вывеска «Dossoroil». Жители аула, встречая с выпаса скот, тогда только и заметили, что по соседству с ними, в мгновение ока, обустроилась какая-то иностранная компания.

Прибывшим издалека, должно быть, показалось неудобным сразу же расположиться на отдых, и они, решив несколько сгладить ситуацию, стали бегло представляться настороженным доссорским аборигенам. Оказалось, тот, со слоистым, точно девичье одеяло на сундучке, подбородком, был господин Джонсон. Руководитель компании. Смуглолицего, с серповидным носом, он представил партнёром. Парень с белесой волосатой грудью, заросший до самых бакенбард, назвался супервайзером. С чужаками приехала и старушка, сильно припадавшая на одну ногу. Ввалившиеся пуговки её голубых глаз были грустными. Однако в них что-то поблёскивало, как на дне колодца в пустыне. Остальные, с десятков мужчин, как-то и не задержались в памяти аулчан. Больше всех их заинтересовала хромоногая старуха.

— Повариха, наверное, — сказала женщина, придерживая верблюжонка.

— Бросьте, что они, с голоду приехали помирать?.. Она и казан-то с места не сдвинет.

— Чья-то мать, скорей всего. Оставить не на кого. Бедняжка и припёрлась...

Оказалось, что хромая старуха — известная в Америке учёный. Великолепный знаток ящериц. Прослышала, что в казахстанских песках обитает доселе неизвестный науке вид. Говорят, длинная ящерица, с поразительно ветвистыми усами. Если она её отыщет, то вот оно — открытие, которое всколыхнёт мир. Это, мол, основная цель, ради которой госпожа Милли и прилепилась к нефтяной компании.

— Ой-хой! Наш верблюжий староста Нагим целыми днями рыщет по пескам, считая ящериц, — со-

общали аульные говоруны, забавляя господина Джонсона своим нелепым английским. — Коли на то пошло, то давайте объединим усилия двух ученых. Старуха его померла, он вдовец.

Услышав это, госпожа Милли чрезвычайно разволновалась, будто уже почти сделала открытие, которого ждала всю жизнь. Обняла краснощёкого крепкого старика, расправила обвисшие подковой усы и — расцеловала прямо в уста...

На следующий день прибыла казахская официальная сторона. Подписали бумаги, скрепили их печатями и обещаниями соблюдения интересов... На площади размахом с конный ипподром в скором времени было намечено возведение грандиозного комплекса, от которого на все четыре стороны света протянутся линии нефтепроводов. Таким образом, отсюда забурлит родник чёрного золота. Хозяевам останется аж десять процентов произведённой нефти, остальное пойдет за рубеж.

И десять процентов рабочей силы составят местные кадры. Вот она — сделка века! Вот что поднимает достояние, возвышает престиж страны! Гордость переполняла грудь. И хозяйева, принеся в жертву бедного верблюда, устроили обильный банкет.

Джонсон же недаром приволок сюда подпирающую верхушкой небо ажурную нефтевышку. До этого и в Африканской сторонке он пенку снимал. Бурил и в Бангладеш. Разведовал недра Колумбии. Намечал и в Кувейте поработать — тоже во благо Кувейта... Но внезапно планы нарушились. И нарушил их его смуглолицый, с серповидным носом партнёр. Есть ли такая выгода, которую бы не учуял кривой его нос?

— Архивариус Шведской компании — мой давний приятель, — сказал он в один из обычных вечеров, опуская лёд в виски.

— Что из того?

— Он поведал мне одну тайну.

— Я — весь внимание!

— У него спрятана карта, которая начертана Нобелем собственноручно.

— Не может быть!

— Точно! Но хранится в большом секрете.

— Что просит?

— Не забегай вперед. До начала русской революции Нобель, как известно, добывал нефть в местечке Доссор. Потом русские оттуда его выкурили.

— Короче!

— По словам архивариуса, нефть тогда черпали из земли ведрами, бочками отвозили в Гурьев. Затем по Каспийскому морю...

— Чёрт с ним, с морем! Скажи, в чём суть!

— Нобель уже тогда проводил исследования.

— Ну и...

— Он утверждал, что в Доссоре на глубине семи — четырнадцати тысяч метров залегают гигантские запасы, которых бы хватило миру на ближайшие лет сто.

— Верится с трудом! Почему же тогда не освоили русские?

— Освоить хотели. Однако бур хоть и прошёл солевые пласты, но застрял на отметке в пять тысяч метров. Ну, они и прикрыли до лучших дней. А потом и сами, видать, запамятавали.

— Кабы нам карту эту заполучить!

— Попробовать достать копию — можно.

— А сколько архивариусу?

— Десять миллионов американских.

— Многовато!

— Многовато для бизнесмена, который завтра будет править миром?

Смуглолицый, с серповидным носом, резво вскочил с места.

— Славное семейство Рокфеллеров ждёт моей весточки. В таком случае...

— Погоди ты, господин хороший!..

* * *

Великолепный знаток ящериц, принимая старика Нагима за ровню, держалась с ним по-свойски. Прежде усов ящерицы измерила рост знатного верблюдовода. Попыталась описать антропологию его рук и ног. Тянула за ухо. Осматривала язык. Пока он ожидал, какое же место её заинтересует далее, она, к чести своей, остановилась.

— И сколько тебе лет? — спросила она.

— Семьдесят восемь!

— Не может быть!

— Это почему же?

— Такого здоровья не бывает даже у людей в цивилизованных странах. А тут — абориген!

— Не могу знать.

— Что же вы едите?

— Мясо, сметана да молоко...

— А овощи, витамины?..

— Их кушает верблюд. А мы едим его мясо. Какой же витамин ещё нужен?

— Просто поразительное варварство!

— А что случилось с вашей ногой? — в свою очередь, говорят, заинтересовался Нагим.

— Сухожилие стянуло. Нервные волокна спутаны. Лечения не существует. Сам профессор Фридман оказался беспомощен...

* * *

— ...Погоди ты. Господин хороший!.. Архивариус твой может засвидетельствовать подлинность карты?

— Безусловно!

— В таком случае, будем переводить ему из получаемой прибыли.

— Не годится. Деньги должны упасть в офшоры авансом.

— Ну да ладно, так и быть!

— Не пройдет и часа как копия карты будет в ваших руках.

С наступлением вечерней прохлады Джонсон прибыл в котловину, где, по слухам, выкачивал нефть сам Нобель. Останки старинной деревянной вышки, пропитанной мазутом, глубоко осели в топкую трясину. Сверху один каркас. Неподальку сиротливо торчит и строение, оставленное русскими. Грунтовая вода подточила его, покосила набок. Потускнела изъеденная солнцем надпись на жестяном листе: «Коммунизм победит!» Гвоздь выскочил, и лозунг поскрипывал на ветру.

Джонсон прослышал, что в годы Второй мировой доссорскую нефть заливали в танки без переработки. Проверил её в лаборатории. Качество — отменное. Да... Постепенно он, в роли владельца крупнейшего в мире месторождения, сможет сбивать мировую цену на нефть! Понизит её до самого дна. И тогда, компании-конкуренты, не имеющие подобных запасов, начнут опрокидываться. Станут банкротами. Схватив их за горло, он мало-помалу начнёт отпускать цену на чёрное золото. На рынке спрос на нефть с малым содержанием парафина подскочит сам по себе. Толстосумы всего света прибегут к нему, будут на коленях умолять, подобострастно верещать: «Отче ты наш, дай нам немного смазки для ржавеющих наших заводов! Купюры тебе зелёные? — вот они, бери! Желаете золотом — оно твоё! Лишь окажи нам милость, хозяин...». Трах! Пух-Пах!

Какие приятные мысли! Кажется, сам горизонт с его серовато-голубоватой дымкой начинает растворяться в радужных просторах...

* * *

Слава Создателю, в Доссоре тоже есть своя какая-никакая мафия. В ночное время суток может пограбить, днём — пошерстить карманы прохожих и приезжих, опять же — контролирует подати с базара. Иной раз и чья-то мелкая, заблудшая животина может ароматно побулькивать в общем казанке... И всему этому заводилой один коротыш-казах, с шеей, будто вросшей в плечи. Если верить его словам, «зону не топтал». Но с малолетства рос рядом с цехом по забою животных. С той поры и у самого кровь попортилась.

И этот коротыш с шеей, будто вросшей в плечи, собрал вокруг себя с десятков членов местной шайки-лейки.

— Вот пёсье отродье, совсем нух потеряли! — взревел он, топнув ногой. — Знаете, что творят эти иностранцы, понаехавшие сюда качать нефть?

— Да чо-то толкутся возле вышки.

— Три вагончика у них.

— Нью-Доссор, какой-то тут строить хотят.

— Во, бля... — взвился коротыш. — А моя бывшая краля — Айжан, прислуживает им теперь шеф-поваром!

— Да слышали...

— Мои поздравления!

Ляпнувший последнюю фразу словоохотливый парнишка с бельмом на глазу тут же получил пинок ботинком

— Так эта сучка теперь перед супервайзером хвостом виляет — во-первых. Во-вторых, погнала туда и пристроила девять местных девок, слонявшихся в поселке без дела.

— А чо они там делают?

— Днём варят-парят, а по ночам... Это и есть, в-третьих!

— Слышь, сходяк в полночь, — отрезал коротыш, с шеей, будто вросшей в плечи. — Проверим их потенцуху! Держите хвост пистолетом!

Опрокинулся серебряный ковш полумесяца, предоставляя ночной выпас многочисленным звёздам. Автофургон, набитый «членами мафии», подъехал и остановился рядом с тремя отошедшими ко сну вагончиками. Супервайзер, услышав ночных гостей, открыл дверь. Из-под мышки здорового ребенка с белесой волосатой грудью, заросшего до самих бакенбард, белея нижней сорочкой, высунулась голова Айжан.

— Чего надо?

— Она моя жена. Давай её сюда!

— Глаза б мои тебя не видели, наглец! — заговорила голова из подмышки. — Исчезни, я сказала!

— Давай сюда, тебе сказано! — потребовал коротыш, с шеей, будто вросшей в плечи, и ухватился за то, что мог. — Перед кем выступаешь, а?

— Крис — мой муж. Не трогай его за волос на груди! — закричала Айжан, отбив руку. — Я вышла за него!

В ту минуту переполох, вызванный полуночной братией, взбудоражил и другие вагончики, в которых устроились девять иностранцев с девятью местными девицами, скучавшими в посёлке без работы. Доморошенная мафия вопила, что девок заберет, потому как «дармовых баб здесь нет...».

— Так самолюбие ваше где? — спрашивал девиц словоохотливый парнишка с бельмом на глазу, молчавший после пинка ботинком.

— Заработай и имей собственную женку, кто тебе что скажет?!

— А где ваша совесть?

— Размажь её по своей долбаной голове!

— Шалавы! Навар поделите с нами, поняли!

В тот момент, когда уже побитые мафиози поочередно выскакивали из вагончиков, несладко приходилось и их главарю-коротышке. Он приземлился на песчаную почву навзничь. Верхом на нем восседал супервайзер. Бедолага орал во все горло и поносил всех матом. Но после каждого ядерного слова его бывшая ненаглядная Айжан, мелькая белой ночной сорочкой, засыпала ему в рот горсть песка. А песок-то, будь он неладен, разве когда-нибудь кончается?..

* * *

Верблюдовод Нагим был сама простота. Как-то, сидя за дастарханом, в день жертвоприношения рас-

смешил всех присутствующих: «Всякое видел на своём веку, но она — первая женщина, поцеловавшая меня прямо в рот, — смаковал он не без удовольствия. — Что ни говори, порода иностранная! Боялся, что какая-нибудь проказа вылезет на губах. Ох, и шустрая оказалась!» — восхищался старина, уморив всех от хохота.

— Ногу ей поправишь — и дело с концом.

— Поправит, даром, что не профессор.

— Готовая хозяйка будет. Разве что глаза голубые да слова заводные, — подначивали его друзья-старожили.

Однажды вечером, собирая верблюдов, он завернул на вышку. Парни заняты своим делом. В тени вагончика притулилась грустная госпожа Милли. Начал жестами расспрашивать. Оказалось, разболелась нога, не давала шагу ступить.

Тогда краснощёкий крепкий старик поднялся с места и, пригладив изогнутые подковой усы, подошёл к лежавшему на коленях верблюду. Перочинным ножом срезал толстый пучок лохматой шерсти. Попросил девчат-поварих как следует прокипятить это добро в солёной воде. Затем, подождав, пока шерсть немного остынет, обмотал ногу свернувшейся калачиком госпожи Милли, невзирая на её вопли и недоумение, а сверху ещё и хорошенько забинтовал.

Аллаху нетрудно смилостивиться над человеком. Назавтра пуговицы глаз госпожи Милли засияли словно лампадки. Мало того, что прошла боль, сухожилие, которое стянулось и высохло тридцать лет назад, размякло и стало подавать признаки жизни.

И Милли стала просто бредить стариком Нагимом! На поиски верблюдовода срочно снарядили легковую машину. А после она уже не отставала от Нагима ни на шаг. Спустя семь дней забросила палку и приятно озадачила сим фактом жителей вагончиков.

Возле своих компаньонов она теперь долго не задержалась. В один из дней, когда появившийся у вагончика Нагим, уединённо живший возле колодца, собрался восвояси, она пошла за ним вослед. Потом хвалилась: «Пила козье сырое молоко. Отличные целебные свойства. Раньше на своем лице насчитывала тридцать две морщины. Сейчас осталось только шесть...» В следующую встречу с соотечественниками сообщала: «О, сафари! Пробовала настоящие сливки — вот вам и калории...», — и восхищалась, помолодевшая и душой, и телом...

На вопросы своих спутников: «Как же наука? Как же ящерица с поразительно ветвистыми усами?» — отвечала: — «Нашла! Я нашла то, что искала всю мою жизнь!»

Кто знает, что имела в виду?..

Устрашившись громады стратегии Джонсона, некоторые зарубежные партнёры, угодничая и заискивая, вошли в состав учредителей под пять-семь процентов. Миллиарды долларов, схороненные в

чреве банков, разверзлись, как хляби небесные. Завершалось возведение грандиозного комплекса на площади размахом с конный ипподром. Чёрные трубы, пугающие одним своим жерлом, грозя поглотить все четыре стороны света, день изо дня, наперегонки, наращивали своё гигантское тулово. Бурильная установка подпирала небо нефтевышки, прибуksированной тремя тракторами-великанами, день и ночь всё глубже и глубже вгрызался в земную твердь...

— Миновали границу пяти тысяч метров, — тела по миру восторженная новость.

— Достигли шести тысяч метров, — ласкала радужная молва слух каждого.

— Покорили межевой рубеж семи тысяч! — какой замечательный информационный повод для торжества.

— На глубине восьми тысяч ожидали фонтан нефти. И грандиозный комплекс, и гигантские трубы, распростёршие на все четыре стороны света свои объятия, неусыпно ждали того часа, когда станут свидетелями и участниками великого свершения.

— Миновали девять тысяч метров. Пошла грунтовая каша, — тревожное сообщение нагнетало страх на партнёров, вложивших большие деньги.

— Копайте!

— Глубже!

— Бурите!.. — Истошный голос был готов пробуравить не только землю, но чуть не взорвал само небо.

— Погрузились на глубину четырнадцати тысяч метров. Нет даже влажного грунта. В недрах земли осталось пять алмазных наконечников. Каждый в миллион долларов. Достать их не представляется возможным, — траурная весть моментально облетела весь земной шар.

Джонсон и его смуглолицый, с серповидным носом напарник, перепуганные до смерти, услышали, что в Доссоре проживает знаменитый ясновидец. Он может погадать на камешках, раскрыть тайну, которая только одному ему и ведома. Приспели к нему до заутрени. Совершив омовение, ясновидец склонился в благоверном намазе. Пришельцы тоже рухнули ниц.

Благородного склада, в белой чалме, тот даже и не спросил, зачем они пожаловали. Посидел молча, перебирая длинную бороду, как гласит молва, и сказал:

— Вы заложили свою душу дьяволу, дети мои... Заслужили кары нашей Матери-Земли. Возврата в прошлое нет. Отправляйтесь лучше воссоединиться с тем, с чем и пожаловали...

Жаворонок, подставляя свой маленький, точно крохотные шипчики, клювик горячему суховету, и по сей день пускает трели на макушку ажурной вышки. И, говорят, мимо неё, с закоптелым помятым ведёрком, паренёк всё по-прежнему ходит за земным маслом...

КОРОТАЯ ПУТЬ

Пора сенокоса и оперения пока ещё желторотых птенцов. Краснокрылый жирный кузнечик, подпрыгнув аж на расстояние шага, плюхнулся в траву и притих. Одинокое, словно беличий хвостик, облачко, подгоняемое ласковым ветерком, блуждало по утреннему небу, а когда солнце поднялось в зенит, убежало на край горизонта. Несмотря на то, что наступил август, раскаленная июльская сковорода лета еще дышит жаром.

Тень Мынжылкы, стоявшего в ожидании попутки на просёлочной дороге, укоротилась настолько, что спряталась под его ногами. Принарядившись как жених, он вышел из дома поздним утром. Солнце припекло виски, во рту появился привкус кислоты. Смуглое лицо его припухло. Попутного транспорта, мчащегося наперегонки с пылью, сколько он ни тянул шею, не было.

«Если на то пошло, пойти, что ли, пешком? За два часа?» — расстроено подумал он, глядя на свои ботинки. Районный центр, до которого можно, как говорится, подать рукой, расплывался, словно слабый мираж, убегая от взора. Дорогу, понукая гнедого, запряженного в арбу, нагруженную свежескошенным сеном, пересекал старец Зайырлы. Жалобный скрип колёс, соскучившихся по смазке, его ничуть не беспокоил. Нахлобучив на глаза черный колпак, дедок беззаботно дремал.

«К зиме готовится, хотя место его уже давно у тёплого домашнего очага», — подумал незадачливый Мынжылкы, провожая глазами арбу, поднявшую за собой не машинную, легкую пыль. Хотел было громко поздороваться, но передумал. От неожиданности тощий старикан мог грохнуться с воза.

Зазевался и не заметил, как двое пешеходов, обгоняя друг друга, уже приблизились к нему на расстояние метания камня. Присмотревшись к этой спешащей паре, Мынжылкы слегка вздрогнул. Вроде бы не багряный закат, чтобы появлялись ведьмы, но тогда кто же эта странная женщина, будто только свалившаяся с Луны?! Над ней, целым куполом юрты, возвышался огромный зонт. Ступала решительно, поддевая коленями длинное и пёстрое, в красных и зеленых цветочках платье. Несмотря на то, что шагала на шпильках уверенно, лодыжки её ног были выдвинуты, как у беговых лошадей, слегка наружу.

— Деверёк, привет! — поздоровалась, приближаясь. Голос был неприятно пронзителен, как высокие звуки у деки свирели.

— Хорошо стоишь — как вкопанный кол!

Когда отклонила назад свой огромный зонт, он отметил её разрумяненную, тонкую кожу лица, и еще объемные, словно сундук, ягодицы. Глаза её, будто огниво, высекали искры. То вспыхнут, то погаснут каким-то магическим светом. От неожиданности, не найдя, что сказать, он только кивнул в ответ головой.

— Эй, дед! — просвистел звук свирели, не давая прийти в себя. — Кто не ещё сдох, тому — дохлую рыбу, как говорят. Шагай быстрее!

Старик, похожий на сухую корягу, расторопно остановился рядом с ними. Коротко поздоровались.

— Счастливого пути, сынок! — сказал старик, надувая от одышки щёки и тряся пучком бородки, прилипшей к его подбородку, как пугливый воробей.

— Вот собрался в Ганюшкино...

— Идём, и никак не можем дойти! Чтоб ему пусто было, — процедила молодка, глядя в сторону районного центра, который, казалось, плавая в мираже, перекочевал ещё дальше. — Ни одной машины, да чтоб колеса их оказались на их крыше.

— Да, Алла, хорошо, что ты это знаешь... — сказал утомлённый старик.

— Он слышит только, когда ему шепчешь, — подсказала женщина, покрутив зонтиком.

— От громкого голоса в ушах звенит, — промолвил дед, приходя в себя. — Скоротаем этот путь вместе, сынок? — Он потыкал палкой землю.

Из дома, стоящего на краю аула, появилась с чайником в руке Нагима, раскинув веером подол платья, присела по малой нужде и высматривает прохожих из-за редких цветов белой колючки. Эта взбалмошная девка однажды, когда пожилой сосед совершал утренний намаз, так напугала своим: «Здравствуйте, дядя!» — что тот так и упал ничком от неожиданности. Она и на этот раз не сдержалась, выкрикнула из-за кустов:

— Ну, прям цыгане, что ли? Не могут они сидеть на одном месте!

Наспех вскочила, схватив одной рукой чайник, а второй придерживая скрученный пояс шаровар со шнурком, и забежала за сарай для скота.

По-видимому, увлекшись видом этих двух разных существ, каблукки Мынжылкы начали сами приподниматься.

— Пойдёмте, аксакал!

Зонтик-шатёр, раскачиваясь, поплыл вперёд.

— Беседа сокращает путь, говорят.

— Да, в этом ты прав, дитя моё, — сказал старик и поправил на голове узорчатую, стертую по краям тибетейку. — Рассказать есть о чем, только с какого конца начинать?

— Сами знаете.

— Начну тогда с ближнего, — сказал он, повысив голос. — Не думал брать новую старуху...

Шатёр всколыхнулся.

— Какая я тебе старуха?! Молодая женщина! Многие мои ровесницы до сих пор сидят девками на выданье.

— Единственный сын у меня. В детстве щечки были пухленькие. Был султаном среди джигитов. Что делать?! Взял в жены городскую, не подчинилась она и забрала его с собой. Теперь ни слуху ни духу.

Опираясь на палку, старается идти быстрее.

— После смерти матери и дочь долго не засиделась. Ухватила за первого встречного. Зять оказал-

ся бездельником и пьяницей. До обеда в себе, а после обеда — всё. Как только выпьет горькой водички, так никому не дает покоя. «Возьму к себе. Буду уважать как отца. Только отдай дом», — твердит и твердит мне. Его замыслы мне понятны. Но я этим посулам не поддаюсь. А дочь... Нарожала детей, словно высыпав из подола, осталась с мужем. Стало быть, в доме из восьми комнат коротаю век один... И не предполагал жениться, — продолжал старик, раскачивая при ходьбе единственную медаль на сером пиджаке. — Но этой весной, когда прилетели птицы, поехал в сторону Бозана, к родственникам в гости. Наверное, так было суждено: познакомились за дастарханом, она там тоже была одна.

— Скажите лучше: повезло с добычей.

Пугливый воробушек на подбородке старика запорхал и успокоился.

— Да, лежал на почетном месте. Из одного крафика течёт холодная вода, из другого — кипяток. Какая благодать!

— Ну, завел старое... Согласна — твоя заслуга! — Высокий звук свирели постепенно пошел на убыль.

— Да, Алла, хорошо, что ты это знаешь!

Мынжылкы, не понимая, какая же связь существует между Аллахом и этой женщиной, стал, кажется, догадываться, в чем тайна этого изменчивого голоса.

Вдоль и поперек проселочной дороги, стрекоча и расстилая свои крылья по земле, бегала одинокая сорока, но, потом, так и не дождавшись, видимо, напарника, быстро улетела прочь.

Только пройдя половину пути, когда солнце ушло с верхней точки, женщина, обернувшись назад, предложила:

— Иди сюда, деверь, под тень моего зонта.

Мынжылкы посмотрел на старика: лицо его по-прежнему было румяным, но ноги уже стали заплетаться. Да разве можно поспеть за рысью еще сравнительно молодой женщины?! Ноздри старого сузились, и ему как будто не хватало воздуха.

— Иди, иди! Волосы длинные, а мысли короткие. Эх, без башни нынешняя молодёжь...

Найдя пристанище под зонтом, как под куполом, заметил, что возраст её был неразличим. Лицо было нежным и тонким, но толстые, упругие ноги и ягодницы, от каждого шага на шпильках, утопающих в земле, вздрагивают, как круп капризной лошади.

— В Ганюшкино дома стоят дорого? — В глазах женщины играют искорки. Притягивая собеседника: то возгораются, то гаснут.

— Наверное...

— Э, да ты, деверь, один из тех несмышленишей...

— Наверное...

— Я это заметила по тому, как ты сразу нашел общий язык с этим старым быком, вместо того чтобы встать со мной рядом.

— Да, Алла, хорошо, что это знаешь! — послышалось сзади.

— Этот дед говорит, что у него есть дом под голубой крышей? Коли выгодно продадим, то... Вернемся.

— Дед радуется, что нашёл себе молодую спутницу жизни...

— Что, считаешь лишней прохладную тень над твоей головой? Не думай, что, не найдя себе мужа, я останусь в одиночестве.

Круп резвой лошадки снова пробрала дрожь.

— Расскажите что-нибудь интересное из своей жизни... Что-то незабываемое, что осталось в памяти, тётушка, — попросил Мынжылкы, явно уходя от темы.

— Осталось ли что-либо важное в моей памяти? Всё рассеялось, как видения в предутреннем сне. Смеялись, звеня колокольчиками. Грустила и тосковала... И вдруг глянула: жизнь-то, вот она, вот. Видишь? — Между указательным и средним пальцем высунулся красный ноготь. — Счастье, говорите?... Беда... Просто слова...

— По-оф! Пу-ух! — сделал губами джигит, выпускающая громко воздух, словно вспучившийся верблюд, обьевавшийся сухого камыша.

— Ладно. Плакала однажды, разрывая сердце. Только один раз. Послушай про это, деверь, — сказала женщина, переводя дыхание.

— Я весь внимание.

— Было это в пору моей юности. Я ведь росла, как трава на обочине дороги. Покойный отец, поехав на базар в Астрахань, привёз голубой отрез на платье. Он нужен был мне позарез: в то время мода была на такой материал...

— Потом?..

— Не нашлось хорошего портного... На краешке ткани красной нитью старательно вышила имя: «Алиман».

— Потом?

— Что ты заладил «потом» да «потом»? Приехала наша сватья в гости, мать моя взяла да и отдала драгоценный отрез мой ей в качестве подарка.

— Тогда и разрыдалась?

— Нет. Не тогда, а когда через несколько лет этот отрез снова ко мне вернулся.

— Надо же!

— Вот именно. Однажды, с какой-то целью, была в Южном Казахстане. Один из знакомых всучил мне отрез, чтобы сшила я себе платье. Развернула я ткань за оба конца, придерживая в середине зубами, а на краешке — уже выцветшая надпись: «Алиман». Вот тут-то я и разревелась... Отрез, кочуя по рукам, полинял и давно уж вышел из моды... Возможно, как и я сама.

Дома райцентра, плывшие на горизонте, наконец-то твёрдо опустились на землю. Как на плацу, ровными рядами выстроились зелёные деревья.

На проезжую часть выскочила худая чёрная сучка. Рысившая за ней цепочка огрызавшихся кавалеров никак, видимо, не могла поделить её между собой.

— Вот невежды... Ни малейшего понятия о субординации.

Глаза женщины, цепляя за душу, то зажигаются, то гаснут. Обрывающийся слабый голос позади то слышен им, то не нет.

— Да, Алла, хорошо, что ты это знаешь!

Пора сенокоса и оперения желторотых птенцов. Лишь постоянно таинство вечно кочующих степных миражей...

2005 г.

МОНА ЛИЗА

Элегия

Стою у знаменитых стен Ла-Скала, под крышей которого свили гнёзда голоса великих. Прославленный театр с не менее великим интересом рассматривает люд, прибывающий со всех концов света. Восхищаются каждым его камнем. Любознательные японцы, пыльные испанцы... Прямо в центре площади высится и смотрит вниз серая каменная статуя. Окладистая борода, худое лицо, отягощенный мыслью гениальный художник. «Леонардо да Винчи!», «Какое величие!» — звучит в толпе, ринувшейся теперь на противоположную сторону.

Не могу сдвинуться с места. Меня охватывает какое-то необъяснимое чувство. «Всё-таки встретились», — говорю про себя. И в эту фразу вместились и прошлая обида, и горечь сожаления, от которых остались одни тлеющие угольки.

Несмотря ни на что, я хотел заглянуть в его глаза. Такого не могло быть вообще. Словно разочарован во всем сущем. Я тоже потерял надежду.

От дуновения морского бриза повеяло дыханием осени. Здесь ещё не опали листья.

— Идёмте, сфотографируемся.

— Память на всю жизнь!

— Полковник, мы слышали, что и вы в своё время увлекались рисованием?

Мои спутники-туристы тщетно пытаются меня растормошить.

Почему-то кольнуло сердце. На толпу, хлынувшую на площадь, смотреть не хотелось. Повернулся спиной. Статуя Леонардо да Винчи отдалялась все дальше и дальше. Когда дошел до улицы Санта Марии, начал задыхаться. Как будто, судорожно задрожав, оборвалась одна тоненькая нить души. Покачиваясь и едва сделав ещё несколько шагов, присел.

— Сеньор, вам нужна помощь? — растворяются в воздухе голоса.

Издали смутно возникает видение Моны Лизы. Симпатичное лицо, длинные льющие волосы, светло-карие глаза, грудь величиной с голову пяти-

летнего дитяти... Прежняя таинственная улыбка. Или, может быть, даже ирония. На глаза мои навернулись слезы. Подняв высоко к небу, машет мне белой ручкой. Мимикой и жестами зовет к себе. «Прочь от меня, не хочу видеть тебя, Мона Лиза! Встретилась желанной, а принесла лишь страдания... Да нет, подожди, какая там Мона Лиза? — это же Моншак. Настоящая... Откуда она здесь?»

— Сеньор, вам худо...

Какие-то прохожие поддерживают меня под локти.

Перед моими глазами плывут видения. Исчезают и возобновляются вновь. Улыбаясь, тянет ко мне руки Моншак. Такая же высокая и стройная, с кудрявыми волосами, красивым прямым носом... Лицо, источающее свет. Удивленный взгляд... Может, хочет с собою забрать в аул? Неужели, как и раньше, ещё надеется, бедняжка?..

В то время я был студентом второго курса. Будущий художник. Да ещё какой! Краски, которые я наносил на холст, так и переливались, словно расправленные перья фазана под солнечными лучами. Кто только не заглядывался на них!

Я же был воодушевлён одним Леонардо. И всеми силами стремился познать секреты его руки... Его Мона воистину околдовывала меня. Сочетание света и тепла, тени в портрете этой красавицы, её таинственность... Днями и ночами я впитывал ее глазами и не мог насмотреться.

Потому что моя Моншак была тоже красива. Ухаживая за престарелой матерью, осталась жить в ауле. Работала в школе лаборанткой. Может быть, тот разговор в тихую летнюю ночь, жаркие объятия до сих пор в меня вселяют силы и не дают упасть? Да не может быть, а так, именно так!

Вокруг тогда не было ни души. Только я и она. Мы вдвоём шли по берегу речки. Спокойно кивали головками камышовые заросли. Сияли звёзды. Мессяц на небе раскачивался на своих качелях.

Она прислонила голову к моему плечу. Оказалось, безмолвно плакала. Я сразу понял, что она намеревается мне сказать.

— Там так много всего интересного. Ты изменишься. Говорят, что городские девушки в мини очень изобретательны. Ни одна из них...

— Ты — моя любовь! Единственная, — сказал я на это, обняв её за талию. — Закончу учёбу, стану известным художником. Поженимся и будем жить в городе.

— Как неграмотная, необразованная девушка станет суженой известного художника? Ты будешь много ездить по разным странам, видаться со знаменитостями. И я буду обузой тебе...

— Не говори такого больше! — горячился я. — Сначала напишу твой портрет. Твою душевную чистоту, красоту твою и даже внутренний свет твой высвобожу на этом холсте. Прямо как портрет Моны Лизы, — совсем терял я голову. — Даже лучше её. Ещё прекраснее!

— Продолжай, — понемногу успокаиваясь, отзывалась она более твердым голосом.

— Вот моя Моншак, объявлю я на весь мир!

— Я верю, — сказала она, опуская колени на мягкую зелёную траву на берегу. — Что ж, верю... Только отца твоего стесняюсь. А к матери твоей всегда захожу, здороваюсь с ней...

Её губы были так сладки. Мягкие кудри щекотали мою шею, то и дело возбуждая меня. Слабо веющий ветер притих. Только жаворонок вдаль убаюкивал гнёздышко своим чудным пением. И тогда я вспомнил слова своей матери:

— Вы учились в одном классе. Она золотая. Ухаживает за больной матерью. Росла без внимания отца. Сынок, приведи её в наш дом невесткой!

Зелень, расстеленная вдоль берега, мягка, словно шёлковое одеяло. Облокотившись, легли на траву. Наверху горели звёзды. Так много было там небесных светил...

Тону в видениях давно ушедших дней. Да ведь это я... Как молод был я тогда! Тесная студенческая комната. Одинокaя кровать. А над нею, на стене, висит Мона Лиза. Отпустив до плеч волосы, пристально рассматриваю скрытную улыбку итальянской красавицы. Чары её затягивают в свои глубины, но всё же тайны не раскрывают.

— Благослови, — воздев широко ладони, взывал я к великому художнику, чей автопортрет висел напротив. И в надежде смотрел на его бородатое лицо. — Хоть я и не левша, как ты... Но я обещал своей Моншак. У меня большое будущее.

На фоне слабого света лик старика как будто преображается. Потом прищуривается, кривя губы...

Комната заполнена эскизами. Нет-нет, но среди них нет той, которую я люблю. Её захватывающий смех, её распущенные кудри, нежно щекочущие шею, красивый нос... Совсем другие. Чужой образ. Холодная красота. Нет, на эскизах совсем не то. Она — иная, взлелеянная в просторах степи.

— Всё равно добыю, найду, — яростно закликаю сам себя. — Красота и робкость, сдержанность и чистота — в какие это краски заточено? Какими кистями вызволить? Такой портрет не руками — он сердцем творится...

В то беспокойное для меня время из аула и приехала мать. В последнем письме на скорую руку написал ей, что собираемся в Москву, на один год. Там нам будут преподавать маститые учителя... Вот и приехала, тоже наспех, с набитым провизией мешком для меня.

— Отец с утра до вечера на работе. Всё совсем некогда. И больной желудок начал его беспокоить, — приговаривала она.

На её светлом лице виден был след переживаний. Она немногословна, но убедительна.

— А это ещё кто? — спросила, уезжая, и показала на Мону Лизу.

— Твоя будущая невестка. Говорит, свёкру и све-крови буду разливать чай, — сказал я, шутя.

Пошутил. Мать, где стояла, там и села, словно подкошенная. Я опаздывал на лекцию. Всему произошедшему значения не придавал. А после мы всем курсом отправились в далёкое путешествие.

Моя наивная мама! Оказывается, с горьким чувством на душе вернулась тогда в аул...

Что это? Неужели и на улицах Милана можно увидеть дерущихся? Ой-бай, да ведь это пышногрудая Мона Лиза! Чуть отойдёт и опять рвётся в драку. Вся кипит от злобы. Да и Моншак от битвы не бежит. Её светлое лицо теперь сурово. Глаза искрятся ненавистью. Женщины остервенело таскают друг друга за волосы. Пинают в грудь.

— Ты — плутовка! — кричит Моншак, не сдаваясь.

— А ты — дикарка! — вопит ей в ответ запыхавшаяся Мона Лиза.

Кто это так быстро несется как сивый мерин? Может, у них такая «скорая помощь»? Да разнимите же их! А то еще навредит Моншак...

Да, моя наивная мать. Оказывается, всерьёз и сильно переживая, пришла к отцу. Разливая ему чай, сначала горько расплакалась. А после, заметив, как гневно содрогается борода её строгого старика, притихла.

— Говори! — сказал тогда отец, отодвигая пиалу вместе со скатертью. — Что ещё натворил избалованный сын?

— Твой единственный, ниспосланный тебе на старость... Фотографию чужой девушки повесил над своею кроватью.

— Ну, повесил, и что?

— Днём и ночью, словно его заговорили, всё смотрит на неё умоляющими глазами.

— Повзрослел, значит, для случки. Мы тоже в его годы...

— Не придуривайся на старости лет.

— Ладно, ну и что потом?..

— Невеста вроде постарше его. Если в людях знаю толк, она не казашка. И очень уж полная. Похоже, что уже беременна. Ай-й, Моншак-жан! Как же я теперь в глаза ей посмотрю?

На сей раз отец даже забыл произнести послетрапезное благословление. Сидел в раздумье, уткнувшись взглядом в сторону окна. День ветреный. Лихой ветер, поднимая сухую пыль, так и хлестал мелким песком по стёклам.

— Этот одержимый мальчик передал, что хочет жениться. Где наши сваты, на холмах Крыма или в низинах Казани, этого я не знаю. Но откуда бы они ни были, свататься к ним поедете вы, — сказал отец, пригласив своих трех родственников под водительством Киякбая. — Сам парень напоследок на Москву подался. Видать, стыдно ему. Если в какой-нибудь день, неровен час, нагрянет, будьте в готовности.

Родственники, как почетные гости, отведав голову барана, вышли из дома раскрасневшими и до-

вольными, балагурия и настроившись на приезд неведомых сватов.

Этот разговор неспешно, как это бывает в аулах, дошел до слуха всех жителей: стучался в двери, заходил в дома, после чего вылетал из окон. Так и бродил приложением к повседневным будничным заботам.

Шесть месяцев, ничего не подозревая, я внимал устам учёных светил. Потом пришло письмо от Моншак: «Теперь можешь не рисовать мой портрет! Я всё знаю. Поздравляю с невестой. Зачем тебе такая несчастная бедолага, как я...»

Слова, вместились на половинке тетрадного листа, разбежались перед глазами, словно муравьи. У меня закипали слёзы.

«Наверное, чьи-то сплетни. Не может быть, — думал я в сердцах. — Не может быть!»

Возвратившись вскоре из Москвы, узнал, что она очень переживала, но по воле судьбы вышла замуж. После чего для меня в этом мире всё потеряло смысл, всё стало пустым. Я рыдал и катался по полу...

Потом разбросал и разлил краски... Переломал, состриг кисти. Сорвал портрет Моны Лизы, висевший над моей кроватью, и выбежал во двор. Там, словно сумасшедший, остановил какого-то нищего старика и всунул Мону Лизу ему под мышку. Расцеловал и облил его слезами. После чего взмолился:

— Выручи, освободи меня от этого портрета! — умолял я его. — Пусть будет проклято это ремесло!

Постой, а ведь у того нищего, уличного старика такая же густая борода, такой же худошавый, суровый лик... И всё глазами в землю упирался. Он тоже был разочарован этим миром. И тоже осень стояла на дворе. Прохладный ветерок дул с моря. И листья ещё не опали...

Кто же это был?

Виденье Моны Лизы и Моншак, таскающих друг друга за волосы, исчезло. Кто же из них взял верх? Ясное дело. Как можно противостоять чудотворной красоте?

Но как же мягка была зеленая трава, растущая на побережье, словно расстеленное шёлковое одеяло. Как же было приятно, облокотившись, прилечь на него. И как ярко горели звёзды. Их было неисчислимое множество!

— У него инфаркт, — доносятся голоса людей в белых халатах, суетящихся вокруг.

Меня обступали сплошные видения. Или воспоминания. Не отпускали из своих крепких объятий.

Да, так и сбежал я тогда из аула. Хотелось убежать в такую даль, где иссякает само пёсье дыхание. В конце концов, всю свою злобу выместил на своих отросших волосах. Больше ни на что сил не хватило. Побрив голову налысо, уехал служить в армию. Так и поглотили меня бескрайние леса Сибири. И до сих пор не отпускают.

Через тридцать лет, когда приехал на похороны матери... Вечерней порой, словно общипанный, сто-

ял у окраины аула. На темной лошадке проезжал верховой. Позади медленно шла женщина. В руке ведро, в котором плещется молоко. Плечи опущены. Я сразу её узнал. Это была она — Моншак. Слышал, что муж у неё пастух, сама — доярка. Не поднимая глаз от земли, краем губ тихо произнесла:

— Прими нашу скорбь по кончине матери, пусть душа её будет в покое...

В каждом её слове чувствовалось волнение. Муж, не сходя с лошади, кисло ухмыльнулся. Затем своим беззубым ртом что-то пытался прошамкать. Я его не расслышал. Всё мое внимание было приковано к Моншаку. Красивые кудри её поредели. Виски покрыла седина. Она будто стала ниже ростом. Угас тот свет в обличье. В пространстве маячило до боли знакомое, потерянное и измученное существо.

— Будь счастлива под этим небезоблачным синим небом! — прошептал я. — А я уж как-нибудь...

Пешая и верховой удалялись. Лопатки Моншак вздрагивали. Ведь она и плакала всегда безмолвно...

Везут на «скорой» в клинику, будоража и распугивая прохожих, спасают от назойливых видений и воспоминаний...

Прощай, Мона Лиза, — роковая мечта!

Прости меня, Моншак!

ОТВЕРЖЕННЫЙ МИР

Ночь. Пугающая душу своей мглой чёрная ночь. За тихли машины на улице. Не может уgomониться только молодёжь, танцующая под грохочущую музыку в ресторане «Тянь-Шань», да изредка огромную комнату на миг освещает отсвет легковушек, хозяева которых то ли страдают бессонницей, то ли наслаждаются праздником обманчивой жизни.

Вдова академика Саламатина глубоко вздохнула, не от тяжести невесомого пухового атласного одеяла, а от навалившихся мыслей. Повернувшись на правый бок, провела рукой по постели, где раньше лежал муж. Не теплится. Усталое тело её даже под одеялом разом покрылось гусиной кожей, дрожь пошла по нему.

Каждый раз, глядя постель супруга, переполнялась внутри каким-то жгучим чувством, которое занозой задерживалось в сердце.

Желая уловить эти свои ощущения, стала длинными пальцами расчёсывать коротко стриженные волосы: густые, завитые, как шерсть молодого ягненка. Закрыв глаза, погладила лоб полной ладонью, нащупала две углубившиеся морщины. А вот ещё около глаз, в которых угас огонь молодости. Здесь их больше, но они пока ещё слабенькие... А что, если, уподобляясь знаменитым певицам, растянув кожу, сделать пластическую операцию? Кремами-пудрами, увы, ведь уже не обойдёшься.

Все эти глупые думы, конечно, от подавленного настроения. Да разве любитесь кто-то вдовым лицом? Она и сама как будто боится сполна обрести его. Даже за бровями перестала ухаживать. В былые времена, не отрываясь от зеркала, щипцами, согнутыми посередине и чем-то похожими на стрекозу, она выдёргивала волосинки безжалостно, клочками, пока не превращала брови в полумесяцы, предвестники вновь нарождающейся в апреле луны.

— Милая моя, сколько знаю тебя, всё ты выдёргиваешь их. Кончатся брови, что тогда будешь выщипывать? — замечал академик Саламатин, блестя плешью, давно расставшейся с волосами. Затем на его красивом породистом лице заулыбались бы не глаза, а сразу — линзы очков. И смех, охватывая горстью сухопарое тело, долго тряс бы его...

Сорок лет назад, в пору, когда она цвела как тростник, встретилаcь с аспирантом Саламатиним. Слово ошипанных куриц, попавших на торговый прилавок, резал он лежавшие в институтском морге трупы, тут же откладывал окровавленные хирургические инструменты, хватался за бумагу и ручку, что-то мурлыкал себе под нос, чего не понимал не только его руководитель, но и он сам. Трудолюбивое, не от мира сего существо, прижившееся в морге: он приходил сюда первым и уходил последним. Его бледность казалась тут вполне естественной и только украшала его же худобу.

А по-настоящему познакомились на вечеринке. Дивная молодость! Целовались возле каждого кустика, у каждого дерева. К весне критическая масса поцелуев обернулась тем, что, завязав на голове белый платок, стала она законной супругой в маленькой квартирке своего возлюбленного, где, кроме постели, пары ложек, чашки и чайника, ничего не было.

Брак единственной дочери с аспирантом-босюком вызвал в доме родителей переполох и возмущение. Отсутствие свата и сваты, кто стал бы совместно с ними клясться в вечной верности, стелил бы под них, под своих дорогих гостей, свежую постель, преподносил им голову барана и его тазовую кость, также огорчило её отца и мать. Покойный отец, хотя и втыкал трость в землю, а ус в небо, со временем, правда, смягчился. В качестве приданого выделил тёмно-красной масти корову. Затем её, мычащую, зарезали для банкета в честь защиты кандидатской диссертации мужа, которой её родители тоже втайне гордились...

Промчалась полицейская машина с красной мигалкой, похожей на петушиный гребень, взбудоражив тишину ночной улицы. Алматы заполонил ракет. «Наверное, кого-то преследуют», — подумала вдова, очнувшись от воспоминаний...

Интересной была и тема диссертации Саламатина. «Человек — потомок обезьяны». Исследование проводилось на стыке биологии и медицины. Не было никого, кто бы стал опровергать или осуждать ставшую привычной для слуха теории Дарвина. По аспиранту же, люди и нынешние обезьяны не явля-

ются близкими родственниками. Смыкались лишь дальними корнями. Наши прямые предки — лишь одна из их ветвей. То ли все вымерли, лазая по деревьям, то ли поголовно погибли, сорвавшись с какой-то горы. Саламатин той поры был очень доволен тем, что эти далёкие пращуры, тем не менее, оставили таких вот разумных отпрысков.

— Бред!.. А куда денешь прародителя Адама? Получается, страдания праматери Хауа, зачавшей на льду и родившей, вынашивая девять месяцев, не стоят твоих, питающихся своим помётом, вихляющихся обезьян? — спрашивал отец, от возмущения поперхнувшись собственной слюной. — Все совершенство мира дело рук Аллаха! Задумал поднять руку на творения всемогущего Творца? Праматерь Хауа из ребра Адама... Иногда и я не прочь посоветоваться со своим ребром. Имею в виду, с женой. Да, оказывается, впасть в маразм легко даже учёному...

Остроплечий Саламатин не смел перечить напористым речам тестя. Но его молчание ещё больше распяляло душу упрямого старика.

— Ну-ка, расскажи, как произошла жизнь на земле?

— Из невидимых обычному глазу одноклеточных микроорганизмов.

— Тыфу! — Слыша подобные слова от зятя, отец чуть ли не подлетал со стула. Он начинал шарить руками вокруг себя: не найдётся ли чего, чем запустить в греховного зятя-аспиранта, и только хватал руками воздух. — Что ты сказал?

— Одноклеточное...

— Да пропади ты со своей клеткой вместе! Едрит твою... Эй, глупец, ответь мне, как из невидимой глазу козюльки вымахали слоны и динозавры? Что, как в рот воды набрал, челюсти свело, что ли? На, вот, держи ком земли, раз так уверен, и попробуй сделать мне горы!

— Но ведь много миллионов лет шла эволюция...

— Да хоть революция, чёрт бы ее побрал! Ну, подождет твой миллион лет...

— Вот сидел бы, дурью не маясь, — защищала теща. — Совсем уж заморочил голову парню.

— От обезьяны — человек... А может, наоборот: от человека — обезьяна? Это всё же как-то понятнее, — не унимался старик.

— А, возможно, и так, вот чем лучше обезьяны твой ровесник Койшыбай? — не давала ему спуску жена.

— И ты, старуха, туда же, в профессора, на ровном месте! Смотрю, пупки ваши сильно уж привязаны к обезьяне, ну что ж, отдаю ей всех вас скопом... Блаженные!

Глядя на озадаченного мужа, хмуро сидящего на стуле, и наблюдая за перепалкой родителей, она, единственная и избалованная, безудержно начинала смеяться...

Теперь одна, в своей вдовьей постели, снова перевернулась на другой бок. На кончиках несомкну-

тых ресниц появилась влага. Послышались крикливые песни молодёжи, расходившейся после «Тянь-Шаня». Наверное, пьяны, и юноши, и девушки?! И так ежедневно. Снова невольно прислушалась. Оказывается, за слова из песни приняла нецензурную брань. Поливают с головы до ног. Матерятся на казахском и русском вперемежку. Что ж, выровняли оба языка. Вот негодник! Видать, переучился... Визжит и плачет девушка, а парень бранится. Чёрт с ними! Пусть разбираются сами ...

...Перед защитой кандидатской один из научных руководителей Саламатина, прилетевший из Москвы, распорядился: «Любой ценой надо найти живую обезьяну, резать её и освежевать по органам, исследовать легкие и печень. От этого будет зависеть заключение». Привёз с собой огромный тесак. Аспирант, и так измотанный суетой, чуть было не потерял сознание на улицах Алматы. Боже, этим тесаком можно порешить и двугорбого верблюда. Но где поймать в это время живую обезьяну?

Вконец издёрганному аспиранту кто-то из товарищей дал совет. Послушавшись, он с утра до вечера болтался у зоопарка. Наконец нашёл совсем состарившуюся, со слезящимися глазами и отвислой челюстью, умирающую гориллу. Вежливо поинтересовавшись, узнал, что цена ей несколько тысяч. А дальше директор, напустив на себя важность, и слушать его не хотел. Едва удалось зазвать в гости. Ублажая национальной кухней, унижаясь, еле-еле, но заполучил доходягу. Погрузив в «Скорую помощь», принесли гориллу в жертву на благо науки. Позже коллеги смеялись над ним.

— Ой-бай! Обезьяна Саламатина, не выдержав мук от потомков, разразилась матом на казахском языке. И вправду оказалась нашим предком!

— Нет-нет, то была не обезьяна, а какой-то спившийся бродяга, — шутил другой.

Смешки смешками, но целеустремлённый сирота вскоре уже приступил к докторской. Видать, московский руководитель вдохновил его!

Хоть первоначально и возмущалась, что не суждено им, мол, отдыхать как людям, но внутренне была не против. Разве не лучше быть женой доктора наук, чем супругой кандидата?!

— А тема твоя опять обезьяна?

— Да. Их высочество обезьяна.

— Пустишь парочку под нож и докторская готова.

— Нет, на этот раз не буду резать. Буду исследовать процесс превращения в человека.

— Дело, считай, в шляпе, — говорит жена пока еще кандидата. — Та горилла была родственницей казахов. Теперь шимпанзе можешь отдать грузинам!

Благодаря обезьяне защитил диссертацию, а благодаря диссертации получил квартиру в самом центре столицы. Повесил на потолок чешскую люстру, под этой же люстрой стал добираться и до защиты докторской. Немного отшлифовав известное положение Фридриха Энгельса, выведенное им по-

путно в ходе поисков призрака коммунизма, пришёл к тому же итогу: «Труд создал из обезьяны человека». Разве может оказаться камень на пути исследователя, если он единомышленник гения? Толще стали линзы его очков, но ухватился-таки он за лакомый кусочек. Высокое положение по мановению руки обернулось цветущей фазендой у подножия гор. И легковая машина небесного цвета тоже как с неба упала... У худосочного Саламатина появилось брюшко, с каждым повышением в должности он всё более валяжно откидывался в уютных креслах.

Слава его разошлась по всему миру. Стали говорить, что сам великий знаток обезьяньего рода Дарвин с того света благословил ученика, портреты которого крупным планом стали печататься на страницах зарубежной прессы...

Время давно перевалило за полночь. Воспоминания, останавливаясь на эпизодах разных лет, стремительно бегут, не давая возможности их зафиксировать. Пропали всё!.. Решив вздремнуть, с головой ушла под одеяло. Но разве уснешь, просто закрыв глаза?! Беспокойные мысли непрерывно лезут и под атласное одеяло.

По улице, пронзительно заголосив, словно жеребец во время гона, промчалась «Скорая помощь». Наверное, вырвав кого-то из пасти смерти, увозит в лоно жизни. До чего же резок этот звук, зараза...

Став академиком, съездил на шесть месяцев в Африку. После этого стал томиться, словно в него вселился сам дьявол. Дьявол, наверное, вообще имеет облик гориллы. Как же не дьявол! — Учёный с мировым именем, не находил себе места ни днем ни ночью. Схватил и выбросил из окна мраморную статуэтку обезьяны, высоко поднимающей на руках человеческое дитя. Собрал все свои толстенные опусы, над каждой страницей которых когда-то корпел, теряя последнее зрение, и сжёг все на даче.

— Смотри-ка, даже не горят! Сплошная ложь разве в огне не горит?! Другое дело истина... — бормотал он, подбрасывая в небо пепел: — Отправляю в полёт идеи своей жизни!

Она молча страдала, думая, что муж сошёл с ума.

Позже, на всемирной научной конференции в Рио-де-Жанейро, он выступил с покаянием:

— В составе человеческой крови я обнаружил новый элемент. Его нет не только у обезьян, но и у всех живых организмов на земле. Словом, человек не произошёл от обезьяны. Дарвинизм — ложная ненаучная теория. Ведёт нас по неверному пути...

Это был фурор. Печальный фурор.

Разве могли остаться безразличными лысые академики, получившие за счёт обезьяны массу чинов и регалий? — все они вскочили с мест. Начали шуметь на девятости девяти языках. Рвались к нему на трибуну — взять за грудки.

— Эй, спятивший академик, из какого, потвоему, семени произошёл род человеческий?

— Что за бред здесь несёшь? Да будут прокляты твои старания!

— Пусть уничтожит тебя святость Дарвина и обезьян!

— Где твои грешные доводы!

— Ишь, стоит как ни в чём не бывало. Вышвырните его вон за шиворот!

— Человек привнесён из космоса, — произнёс невозмутимо Саламатин, тыча пальцем в небо. — По-моему, те, кого мы называем гуманоидами, не кто иные, как инопланетяне. Человечество для них лишь орудие опыта. В Солнечной системе, на других планетах и в звёздных скоплениях существуют высокоразвитые и сознательные существа. Мы среди них — самые примитивные. Поэтому-то до сих пор считаем себя потомками обезьян.

— Авторами нашего сознания являются эти чудовищные гуманоиды, да?

— Неслыханная наглость! — Злобные выкрики, казалось, разрушат великолепный зал.

— Именно так. К сожалению, мы и есть неудачный опыт, — ответил учёный, крепко ухватив трибуну обеими руками. — Потому что в наш мозг случайно попал злокачественный комок. Его имя — злодейство! Наши создатели сильно огорчились тому... Дайте мне три-четыре года срока. Докажу своё научное открытие, покажу, как выжженное тавро на шкуре жеребца.

Перепуганные учёные тут же, поставив вопрос на голосование и единогласно проголосовав за резюме: «Все мы — потомки обезьян!» — разбили тем самым в пух и прах зарвавшегося академика.

Сразу по возвращении в Алматы, субъект, потрясший мир, уважаемый учёный, был освобождён от должности директора научно-исследовательского института. Завистники зашептали:

— Дожив до возраста пророка, превратился в бродягу. Ничего не было бы, если б ходил молча.

Запершись в четырёх стенах высоченного дома, сидел и тосковал. Затем, надев на голову тюбетейку, взяв в руки трость из слоновой кости, шёл на улицу искать единомышленников. Составив список, собирал подписи. В городе с населением более миллиона человек собрал только семь подписей — никто не осмеливался поднять руку на Дарвина. И отчаялся. А ближе к весне сказал:

— До чего же длинна эта жизнь! Тянется, как тонкая кишка, не заканчивается.

И ушёл, опечаленный, из дома. И пропал, как испарился, без следа. Кто-то утверждал, что видел его на вершине Кок-Тюбе, кто-то убеждал, что заметил, как он, сев на летающую тарелку, взмыл в небеса. Слухов много. Самого нет.

Весной следующего года жена отметила годовщину. На поминки академика, вначале утверждавшего, что мы потомки обезьян, а затем страстно убеждавшего, что все мы — небесные существа, и

тем самым вконец запутавшего этот отверженный мир, народ шел нескончаемым потоком. Многие пришли не от сострадания и тоски, а для того чтобы поблагодарить смерть (если это, конечно, правда) за осуществление давно вынашиваемой ими, но так легко осуществившейся мечты.

...Мало-помалу улеглись горькие мысли, уснула и сама тосковавшая вдова. В этот момент висевший на стене портрет, чудесно оживая, стал превращаться в пропавшего Саламатина. Беззвучно ступая на цыпочках, Саламатин приблизился и, слегка раскрыв атласное одеяло, улёгся рядом с супругой.

— Прогрог, — шепнул он.

— Кто ты?

— Небесный посланник, раб Божий, послушник Мухаммеда, покровитель Шадиара...

— А кто мы?

— Вы — никто!

Проснувшись в ужасе от постороннего голоса, вдова заозиралась по сторонам, крепко прижимая к себе подушку. Саламатин, блеснув линзами очков, быстро отступил и, оказавшись у стены, снова растворился в бездушном портрете.

Боже милостивый! — задыхаясь, она бросилась к окну. Нервно одернула шторы... Наступал рассвет. Моросил мелкий дождь. Неужто надолго затянуло?!

1996 г.

ОТГОЛОСКИ

Поразительно правильной формы жёлто-золотистое солнце торжественно сияло на небосводе, излучая окружающему жизнеутверждающий смысл.

Ласковый ветерок приятно обдавал своим свежим и тёплым дыханием. Не отличимые друг от друга, словно близняшки, два домика под шиферной кровлей, притулившись поодаль надворные постройки с хлевом и кладовыми, чернеющая за околицей пашня — вся округа безотчётно окунулась в самозабвенное наслаждение весенней благодатью, снизошедшей на землю ароматным веянием цветущего мая.

Тошная чёрная сука с ребрами наперечёт едва дождалась, пока на её счастье кто-то навалил в миску объедков, и теперь остервенело бросилась набивать брюхо, то голодно клацая зубами, то шумно лакая. Оказавшаяся тут как тут чёрная ворона, держась на безопасном расстоянии, принялась вышагивать круги, норовя заморочить псину и урвать себе кусок поувесистей. От каждого вороньего «кар-р» глаза собаки выкатывались из орбит, шерсть на загривке вздымалась, из глотки слышался рык, но язык продолжал неумолимо вычищать содержимое миски.

Со скотного двора доносится мычанье коров. Как по партитуре: одна «запевает», другая подхватывает.

Скрипуче отворив входную дверь, на крыльцо дома вышел старик — весь жухлый, тонкий и тёмный, точно иссушенный зноем хребет курая. Запахнув полы одежды и комкая их гармошкой пониже пупка, спустился по ступенькам. Потом опасливо огляделся по сторонам и разгневанно заявил, незаметно для себя переходя на шёпот:

— Я на них в суд подам! Я их призову к ответу!..

Каждое божье утро начиналось для него с того, что первым делом он шёл проведать единственного в хозяйстве серого, с залысиной, быка, которого за буйный нрав и изрядно скопившиеся провинности пришлось запереть в самом дальнем, одиночном загоне. Старик выгреб ошметки неохотно стравленной быком прошлогодней соломы и подбросил в ясли свежескошенного сочного тростника. Набрал ведро воды и напоил быка с рук. Чтобы животное поменьше пачкалась, основательно вычистил пол от мочи и навоза.

Громадный бугай, обычным состоянием которого было бесноваться и размахивать коромыслом страшных рогов, угрожая всему окружающему, в присутствии старика становился олицетворением вселенской кротости. В нём словно пробуждалась память о несмышлёном телячьем детстве: так нежно тыкался он в старика мокрыми ноздрями, глаза начинали лучиться бесхитростным и мечтательным, как в юности, туманным влажным взором. Отчего же поспешил Создатель, обделив эти живые существа даром речи?

— Белолобый мальчуган! Мой славный мышонок! — удручённо вздохнул старик, глядя бугая по холке. — А давай-ка мы с тобой споём. Что-то тяжело у меня на душе. Как говорится, помирать — так с музыкой! Ну что, споём, мой касатик?..

С этими словами старик затянул навзрыд голосом таким дребезжащим и сиплым, каким свистит в зимней пустоши надломленная выюгой пустая дудка курая.

Нынче я сирота, нынче ты сирота.

До чего же горька ты, сиротская доля...

Зашедшись в плаче подобно потерявшей телёнка корове, старик повис на быке, обняв его за рога. Перепуганные доносившимися из хлева жуткими воплями, примчались Алма и Марзия — две его снохи, за годы замужества ставшие подругами не разлей вода. Затравленный вид старика растрогал невесток до слёз.

— Добрый свёкрушка, хватит вам убиваться. Бог с ним, с бугаём. Пойдёмте в дом, — срывающимся голосом произнесла Алма.

— Стоит ли так истязать себя из-за пустяков? — подхватила Марзия.

...В самом деле, это сейчас он — немощный старик, а ведь когда-то появился на этот свет вовсе не для того, чтобы мыкать горе и терпеть унижения. На какие только вершины не карабкался, какие крепости не брал и какие высоты не стремился одолеть в годы юности, когда был твёрд, напорист и искрист, как кремь?.. С началом войны не раз обивал он пороги призывных пунктов, просясь добровольцем на фронт, но по малости лет его то и дело отправляли домой. Война близилась к завершению, когда, наконец-то смиловившись над ним, судьба подарила возможность принять участие в самых последних сражениях.

Вернувшись обратно, с упоением пересказывал свои ратные истории:

— ...Призвав на подмогу духи предков, я лавиной ринулся на врага. Завидев меня, фашисты кричали в панике: «Ахтунг! Смотрите: Аншибай идёт! Спасайся, кто может!» А потом с воплями «Ойбай! Ахтунг!» бросались от меня наутёк, как коровы от слепня.

В этих рассказах он всегда действовал почему-то в одиночку, но всенепременно — «лавиной»...

Что в байках было правдой, а что враньём — как говорится, одному Богу известно. На груди у него сверкала одна-единственная медаль, которую он время от времени поглаживал, будто никак не мог налюбоваться.

И ещё рассказывали, что в родном ауле он появился в трофейном одеянии — нацепив суконную шинель немецкого офицера поверх немецких же солдатских сапог... Что ж, не зря говорится: молодозелено.

За этот нелепый маскарад сверстники поднимали его на смех и долго дразнили:

— Слушай, да ты никак мародёрствовал, шастая по лесам и грабя неприбранные трупы?.. — лыбились одни.

— Наш доблестный Аншибай, видать, не терял времени даром и успел породниться с фашистами. А те вон как раздели его — с иголки, словно он им сват или кум!.. — хохотали в спину другие.

Впрочем, Аншибаю не пришлось долго почивать на лаврах советского солдата-победителя. Вместе с другими подставил свои плечи под тяготы послевоенного восстановления. День-деньской пропадал на колхозных огородах, без усталости размахивая мотыгой. От зари до зари скакал в седле и надрывал глотку, выпасая своенравные табуны. Спал урывками и жил при стаде, восполняя и умножая общественные поголовья коров и овец. Труды не пропали: несколько лет кряду удавалось ему получать самый высокий приплод, выбился в уверенные передовики.

И вот наступил день, когда он собственными глазами увидел Кремль. Возвратясь с почётом из Москвы, бахвалился:

— Сам Хрущёв, горячо пожимая мне руку, сказал: «О твоих боевых подвигах я хорошо слышан. А теперь ты прославился доблестью и в созидатель-

ном, мирном труде. Молодчина! Орёл! На вот, получи за это...»

На этом месте Никита Сергеевич якобы начал суетливо шарить по своим карманам. Но, увы, Золотой звезды Героя Соцтруда для Аншибая там не нашлось — он успел раздать, раззява, другим делегатам...

Так закончилась московская эпопея Аншибая, из которой он вернулся, прижимая к груди Почётную грамоту размером с детскую пеленку.

Эх, героическое было время!

— Ата, пойдёте же наконец. Хватит плакать, это не к добру. И куда же запропастились мужья наши — Жанабай и Балабай?.. — С трудом разомкнув руки свёкра, намертво сцепленные вокруг шеи бугая, две снохи повели старика домой, бережно придерживая его под локти.

...Перед глазами братьев Жанабая и Балабая, пристроившихся в тени на послеобеденный сон, тоже проплывало множество картин прожитого и пережитого. Впрочем, и для них этот сон был не более чем призрачным видением о безвозвратно ушедшем времени, недостижимом как горячий жеребец, безоглядно умчавшийся за кромку горизонта, едва лишь почуяв малейшую слабинку в поводьях...

Всё началось с того, что крепкий колхоз, как казалось, данный людям от начала и до скончания времён, был в одночасье распушен, а всё его имущество — разумеется, под весьма благовидными лозунгами — подверглось дележу, что называется, в нарезку. Помнится, в детстве старшие рассказывали на ночь сказку, начинавшуюся словами: «Как-то раз поссорились две амбарные мыши, не сумев поделить имущество одного бая...» Так вот именно эту сказку сделали былью воротили той самой прихватизации.

Началось нашествие мышей-несунов, которые, обнаглев, стали носиться стаями среди бела дня. Тащили что ни попадя — не в дверь, так в щель. Жанабай с Балабаем терпеливо надеялись на достойную долю: ведь немалую лепту внесли и они в общее достояние, годами горбятась то при скоте, то на строительстве. Фиг с маслом! От несметного колхозного богатства братьям досталось по тридцать голов мелкого скота да по дюжине крупного. Что касается покойной матери и отца-пенсионера, то их в счёт уже не брали — словно они никогда и не трудились в колхозе. В общем, обошлись с ними как в поговорке: «Ищите да обрящите». Дескать, Бог вам пошлёт, а на людей не надейтесь.

Однажды утром отец поднялся с постели как пришибленный:

— Ближе к рассвету привиделся мне кошмарный сон. Стены большого коровника вдруг подкосились, и вся эта махина обрушилась на меня. Задыхался, придавленный обломками.

Видать, не смог он смириться с тем всеобщим одичанием, когда люди, будто оккупанты, бросились грабить и растаскивать всё вокруг. На этой же

почве ранней весной со стариком случился истерический припадок.

— Кругом одни мерзавцы! — кричал кому-то невидимому. — Верни колхоз! Ревизуй скот! Уж я-то найду на вас управу! Да я на вас в суд подам!..

От скота, выделенного вследствие роспуска колхоза, проку не вышло. Очень скоро всё было потрачено на то, чтобы сыграть свадьбы повзрослевшим детям да обычая ради собрать хоть какое-то наследство сыновьям и приданое — дочерям. На подворье перевелась живность, а осиротелые поводыя, хомуты, сёдла и уздечки были обречены бесполезно иссыхать на крючьях в сарае.

Единственной на два дома скотиной остался серый, с залысиной, племенной бугай. Но и его незавидное существование вполне поместилось в однуединственную насмешливую присказку: бык, да и тот отвык. Недаром он сначала полдня мычит, оглушая округу, но, так и не услышав ответного зова, потом отправляется бродяжничать по соседним аулам...

Неспешную полудрёму нарушило повизгивание чёрной суки, что, охраняя свои помои, уже нервно носилась за нахальной вороной.

— Ладно, хорош валяться. Пойду посмотрю, что там на дворе творится, — произнес смуглолицый, коренастый Жанабай и, оглаживая бородку, поднялся с места.

— Тогда и я двину в поле, — отозвался светлолицый, долгоязыый Балабай и, улыбаясь чему-то, опра-вил жидкие усы.

Теперь они пошли в разные стороны, догадывая прерванную думу каждый по-своему.

* * *

В свете послеполуденного солнца маячащий на востоке исполинский горный хребет засверкал, заискрился серебряной чешуёй пробудившегося дракона.

В сторону к западу, высматривая себе добычу, парил невесть откуда взявшийся в здешних краях могучий белоголовый орлан.

* * *

В безмятежный вечерний час, когда, молитвенно посвятив Творцу посланную им же трапезу, домочадцы благопривычно чаяли здоровья для больного отца и неврединности для бесноватого нереца, легко преодолев Великую стену, в селе появились китайцы.

С раскатыстым смехом и шумными репликами наперебой они как по команде высыпали из автобуса и тут же сомкнулись в непроницаемый селёdochный косяк. Мгновение спустя от него ртутным шариком отделился юркий, весёлый и вихрастый, точно лисёнок, человек по имени Су Юн — руководитель группы китайских товарищей. Рядом с ним неотвязно крутилась белёсая, как светлячок в потёмках, казашка. Тот не знал ни слова по-нашенски, а

потому девчушка-светлячок проворно и старательно переводила каждое его слово и даже жест.

Первым делом Су Юн осмотрел привольную пашню, что распростёрлась сразу за аулом. Начал изучать её, то измеряя шагами, то замирая на месте и вслушиваясь, то всковыривая почву носком ботинка. Поднял горсть чернозема и понюхал, чем пахнет ком давно не резанной плугом, паровой и почти превратившейся в целину земли. Попробовал на язык. Глаза его засмеялись, и, подавая сподвижникам знак, он поднял к небу большой палец.

— Ах, какая утончённая натура! Видать, сильно истосковался по земле нашей матушке, — язвительно прокомментировал Балабай, поглаживая хитрые уски.

— Цыц, прикуси язычок! Спугнёшь удачу, — буркнул Жанабай, по-медвежьи приплясывая на коротких ногах. — Что лизнёт, что съест эту землю — тебе-то какое дело?

Решающее слово сказала девушка-мотылёк, что дышала в подмышку Су Юну:

— Господин Су Юн сообщает вам следующее. Этот участок плодороден и вполне пригоден для возделывания подсолнечника. Но в этом году он засеет немного — в порядке эксперимента. В случае хорошего урожая со следующего года планирует увеличивать посевные площади, а в дальнейшем — построить здесь завод по производству растительных масел и кормов для скота. Так он намерен оказать конкретную помощь Казахстану.

— Мы разрешаем! — словно поймав сачком радугу, ликующе выдохнули братья.

На что белолицая казашечка не смогла сдержать ироничной улыбки:

— Да вы, дядечки, так сильно не переживайте. Вашего разрешения здесь не требуется. Согласие давно получено. Вопрос лишь в том, что господин Су Юн изъявил желание предложить вам контракт и нанять вас на работу. Сторожами. Ну, в смысле, отгонять воробьёв и всякое такое прочее... Зарплата — пятьсот долларов...

В азартном порыве Жанабай не заметил, как смачно плюнул себе на ладонь.

...С далёкого детства Жанабаю запомнилась одна картинка. Как только пронеслась цветущая весна и в рощах запевала кукушка, появлялся в их ауле старый узбек на заезженном сером осле. Приезжал не попросту, ибо на хребте неприхотливого четвероногого помощника привозил он аж по шесть здоровенных мешков, набитых подсолнечным семенем. Обосновывался узбек у дверей сельмага и так, на корточках, вёл свою торговлю с раннего лета и до поздней осени.

Первыми на это лакомство прибегали малые дети. Ещё бы: кто из местных степных жителей — сплошь неисправимых мясоедов и кумысников — подбросит им такое угощение? У узбека каждая семечка — величиной с лошадиный зуб... Очень скоро за этой забавой подтягивались и взрослые.

— Вкусные семечки — увлекательная беседа, — бережно придерживая кульки, щебетали молодухи и девки.

— Здорово убивает время, — глубокомысленно подмечали лузгальщики из парней и мужчин.

Хотя части пожилого и отчасти беззубого населения увлечение это представлялось категорически чуждым и даже вредным.

— И так бестолочь, теперь же совсем оскотинели с этими семечками! Плюются лузгой и не шевелят мозгой. Раз уж так приспичило, тогда бы уж сразу жмыхом питались...

А шурин Аншибая, всю жизнь работавший трактористом, однажды и вовсе взорвался:

— Ты посмотри-ка на него! Пристроился в тенёчке, воткнул копчик в землю да сидит себе, понимаешь, спекулирует. Мы от вспашки до жатвы пыль в поле жрём, но и то не зарабатываем столько, сколько за лето тихой сапой загребает этот делец. А я чем хуже?! Вот растает снег, я тоже стану узбеком и посею подсолнечник. Так и знайте!..

О судьбе того дядиного предприятия до сих пор неизвестно ничего вразумительного — вряд ли ему удалось перековаться в стопроцентного узбека.

Пришла весна, вернулись перелётные птицы, а вместе с ними в ауле появились десять китайцев. Соорудили шалаш. Привезли малюсенький трясущийся трактор. Вспахали и засеяли участок. Из бежавшей неподалеку речушки провели на делянку воду. Днями напролёт копошились и гнули спины, но хоть бы раз выказали усталость! Вечерами разводили костёр под большим казаном и что-то готовили. Хотя было доподлинно известно, что скот они не резали и мяса ни у местных, ни у окрестных не покупали.

Снедаемый любопытством, Жанабай придумал пустячный повод и заглянул-таки к китайцам на огонёк — дабы узнать, чем же они там, чёрт возьми, ужинаят. Смотрит, а поверх служивших скатертями пластиковых пакетов — выловленные в той же илистой речке рыбёшки, лягушки, раки и улитки. Вся ватага смачно разгрызает и жуёт эту дрянь, а потом с громким урчанием запивает зелёным чаем.

Потрясённый увиденным, Жанабай вернулся домой и принялся увещевать брата:

— Слушай, всё-таки они — зарубежные гости, а мы у себя дома, на своей земле. Где же наше традиционное казахское гостеприимство? Давай пригласим к себе да попотчует как полагается. Не дай бог подумают о нас: вот жидормоты, вот жлобы эти местные, не могут на чашку чая позвать. А то, похоже, пухнут они с голоду, вот и едят, собирая с болота, всяких нечистых гадов...

— Ты прав, брат! Марку надо держать, — сразу же согласился Балабай. — режем лысого бугая, наварим мяса, а голову с почётом преподнесём их главному. Всё должно быть чин чинарём. К тому же не зря говорится в мудрой пословице: близкий сосед лучше дальнего родственника. Ведь эти чужеземцы платят

нам то, чего мы никогда не дождёмся от своих. Вдобавок мы и сами давно позабыли вкус свежего мяса, так что не грех и полакомиться. А что там будет дальше — не стоит загадывать. Бог нам пошлёт. Поживём — увидим.

Окончив речугу, Балабай хлопнул ладонями по коленям и решительно вскочил с места, проявляя готовность сию же минуту приступить к делу:

— Где ножи? Где точило? Пусть женщины несут тазы и клеёнки!..

Он не знал, что невольным свидетелем только что учинённого сговора стал их седой отец, в тот самый момент с туалетным кувшином в руках выбиравшийся наружу, в сортир.

— Лысого быка, говоришь?! — затрясся старик, в порыве ярости замахиваясь на сына медным кувшином. — А комом в горле он вам не встанет? Тогда уж заодно и меня нарежьте и разделайте, выродки! Неужто до вас не доходит, что это не бык, а реликвия — единственная живая память о колхозе? Эх, засранцы, доведёте меня до белого каления, всех вас отдам под суд! Всё изложу, всех призову к ответу и всем вам воздадут по заслугам!..

— Кто же после этого поверит, что старик наш тяжело болен и одной ногою в могиле?

— Смотри-ка, лежит в дальней комнате, а ушки-то всегда на макушке.

Перешёптываясь так, две снохи, которым не повезло полакомиться свежим мясом, тихо разошлись по домашним делам.

...Семя, лёгшее на тучную залежь, не заставило себя ждать. И очень скоро прибавляющее с каждым днём солнце словно за ушки повытягивало из земли нежно-зелёные ростки новорождённого подсолнуха. Как только проклюнулись всходы, китайцы за какую-то ночь бесшумно снялись и исчезли в неизвестном направлении. Спустя малое время из города приехала белолицая девушка-маячок. Обошла поле и оценивающе осмотрела плавную колышущуюся на ветру юную поросль. При этом неслышно шевелила губами, подсчитывая и прикидывая что-то в уме. А потом подозвала братьев и с металлом в голосе дала наказ:

— Скот не подпускать, беречь от отравы. За растениями следить — чтоб не напали вредители. Удобрения не воровать, вносить как положено...

Столь барское поведение и пренебрежительный тон спесивой шмакадявки явно покоробили Жанабая. И он строго, по-мужски перебил её, не дав договорить и глядя на неё как на вошь:

— Скажите, когда приедет главный? Как же его звали-то, ихнего китаёзу?..

Девушка-поплавок оказалась не из пуганых и гневно сверкнула на него глазами:

— Говори о нем «господин Су Юн»! А тебе он за чем?

— Да нет, незачем, — тут же обмяк Жанабай. — Просто поинтересовался, как он живёт-поживает.

— Он приедет к сбору урожая. А до тех пор за всё здесь отвечаю я.

— Вы его региональный представитель?

— Я — его жена!

Жанабай отпрянул от неё. Так пугается, наткнувшись на падаль, мирный крестьянский конь, никогда не служивший в кавалерии. «То-то в прошлый раз уж больно к нему ластилась. Но чтобы на людях тыкаться ему мордой в подмышку — это уже через край», — подумалось ему.

— Ах вот как? Да мы ведь ни сном ни духом, что дорогой Суюнжан... — сконфуженно лыбясь, поспешил ему на выручку брат Балабай.

За ним сентиментальными курицами заковхтели Алма и Марзия:

— Ну надо же, какие глубокие чувства! Влюбись в китайца — совсем по-другому запоёшь. Что ж, милые голубки, совет вам да любовь!

Но белокожая девка хоть бы хны. Плюхнулась на заднее сиденье иномарки и укатила.

Месяц спустя снова заклубилась пылью дорога, и с большой трассы на просёлочную свернули три белоснежных джипа. Успев войти во вкус подёнщины на чужеземцев, встречать американцев — теперь это были они — братья побежали чуть ли не с высунутыми языками.

Из головной машины выбрался высоченного роста широкоплечий щеголь и, жмурясь при виде залитого солнцем простора прежде не виданной им казахской прерии, улыбнулся во все тридцать два зуба. Как и в случае с Су Юном, посланца Соединенных Штатов неотвязно сопровождала переводчица из местных — на этот раз столь же миловидная, но очень смуглая казашка с мелковатыми чертами лица.

— Майкл! — протянул он приветственно руку.

— Добро пожаловать на гостеприимную казахскую землю! — на два голоса заученно выпалили братья, с почтением склонив головы.

В тени его великанской фигуры эти двое смотрелись какими-то нелепыми карликами.

Ступая подобно вышедшей на охоту цапле несуетно, крадко, но верно, Майкл вместе со свитой основательно осмотрел постройки и сооружения бывшего колхоза. Судя по выражению его лица, река ему тоже приглянулась. Смело шагнул в бурьян, давно не кошенные травы которого оказались ему по грудь. Потом американцы встали в круг и вполголоса о чём-то посовещались. Здесь же и приняли окончательное решение, после чего, слащаво улыбаясь и в манерной картавости прикусывая язычок, девица-смуглянка перевела братьям тараторную речь Майкла:

— Суть предложения в следующем. Это место ему понравилось. Сперва планирует купить сто коров казахской породы. Пасти их будете вы. Потом авиалайнером из Америки доставят десять племенных быков-производителей породы ангус. Их он хочет... как это сказать... да-да, поженить его на сотне

местных коров. И надеется, что полученное потомство будет стойким к жаре и холоду. Так что, если вы готовы, он хотел бы нанять вас на работу...

— Всегда готовы! Ещё как готовы! — восторженно загалдели братья, совершенно не заметив, что в запале энтузиазма болтнули лишнего: — С нынешней дороговизной что город, что село — давно подсаывают собственный кукиш. А тут, смотришь, и нам перепадёт попутного молочка и мяса...

— В таком случае коровьих маток доставим в течение трёх суток. Позднее в аэропорту Вашингтона сядут на самолет и ангусские бычки.

Ошалев от завидной сговорчивости контрагентов, долговязый улыбчивый Майкл распрощался с беспримерной вежливостью. Усаживаясь в машину, как-то странно и раскатисто крикнул, на что благовоспитанные братья не преминули откликнуться солидарным «Будьте здоровы!».

Маленькая, остроносая смуглянка прыснула со смеху и пояснила:

— Да не чихал он. Вам послышалось. Просто муж мой всю дорогу покашливает — скорее всего, от вашей ужасной пыли.

Получив неожиданное известие от новой линии международного родства, братья в изумлении выпучили глаза, а вслух заладили:

— А мы-то и не знали, что дорогой Майклжан приходится нам зятем. Ну молодец, что приехал навестить родственников своей суженой!

— Ты уж прости нас, мистер. Откуда же нам знать?

Судя по всему, простил.

* * *

Тяжкое пробуждение от длительного, безотчетного сна обернулось для дракона полубормочной сонной одурью. С трудом подняв слипшиеся, набрякшие веки, он лишь движением зрачков огляделся по сторонам. В приоткрытой пасти заблестел раздвоенный вилами подвижный длинный язык, и, втягивая воздух, ящер зашипел — негромко, но протяжно.

Скромный кустик степной полыни вряд ли мог утолить чувство голода, издевавшее эту безразмерную утробу. Пригнувшись было в струе драконьего вздоха, прочная метёлка жусана вновь упруго взметнулась верхушкой к небу. Затаившийся под кустом воробей-одиночка, едва лишь завидев опасность, шумно забил крыльями и пулей улетел в небо.

Белоголовый орлан уже давно набрал нужную высоту и теперь не махом, а одним лишь парением вершил свой свободный полёт. Крылья настолько велики, что, казалось, затмевают само солнце. Каждая добычливая охота ещё больше распаляет в нём отвагу и аппетит, и, быть может, отныне весь смысл его существования сводится к тому, чтобы выбирать себе и безнаказанно растерзывать всё новые жертвы. Налитый кровью, немигающий глаз обшаривает по-

верхность земли и угрожает всему, что подает хоть малейшие признаки жизни. Вот и сейчас сглотнул плотоядно слюну, выгнул шею и бесстрашно обрушился в очередную, не знающую пощады атаку.

* * *

Пыль из-под колёс визитёров не успела осесть, как, едва ли не лопааясь от гнева, возмущённо зашумели Алма и Марзия:

— Какого чёрта вы перед ними пресмыкаетесь?! Да пропади они пропадом, эти иностранцы, авось без них с голоду не помрём!..

— И когда эти нечестивицы успевают выходить за них замуж? Ишь, как стелется под ним, шалава!

— Да тише ты. Следи за языком и выбирай выражения. Этак ты нам все планы расстроишь. У тебя чуть что, так сразу «шалава». Сказала бы «воображалка», «кокетка» или, там, «вертихвостка». А то сразу «шалава», — попытался осадить жену Жанабай, изображая порицающий взгляд.

Балабай не сумел скрыть озорной улыбки, но по примеру брата тоже решил уговорить свою:

— Вы по ком убиваетесь? Пусть идёт, да не шажком, а трусцой бежит за него замуж. Где же мы ещё найдём таких продвинутых дур, что буквально за ручку приводят к нам на порог богатеньких клиентов?

Вооружившись лопатами и вилами, братья отравились вычищать и приводить в порядок бывшее колхозное достояние — бесхозный коровник и большое хранилище. Выгребли соломенную гниль, отколупали и перевалили слежавшуюся подстилку, вынесли и сожгли весь собранный мусор. Заделали пробоины и щели. Починили ворота, двери и калитки. Нежданно-негаданно заброшенный лабаз округлился и просветлел возвращённой чистотой, и вновь стало ясно, что когда-то он был сработан на совесть.

— Вот увидишь, завтра же догоним и перегоним всех в округе. Коль взялись, лицом в грязь ударить нам уже грех. Люди вон и за взятки не могут выклянчить такую работу.

— Подсолнечник укоренился и пошёл в рост. Дальше будет полегче. Повадятся пернатые — так у нас ружьё есть, всех расшугаем.

— Нам бы поскорее управиться здесь. За казахских бурёнок я не беспокоюсь, а вот перед зарубежными быками как бы не пришлось краснеть...

Так переговаривались трудяги-братья, не тратя времени на перекуры и поспешая в срок выполнить намеченное.

Ожидавшееся коровье пополнение тоже подоспело без задержек. Сплошь белоголовые статные нетели оказались хороши как на подбор. Словно обитали здесь всегда, безо всяких подсказок и понуканий, сразу же определили, где здесь пойменный луг и высокий травостой. В связи с прибытием боль-

шого числа прелестнейших женских особей серый, с залысиной, нерезь немедленно распрощался с былой вольницей: его заблаговременно изловили и заперли в отдельный загон с глухими высокими стенами. Дело понятное: ещё с советских времён наделённый привилегией единолично пользоваться всё женское поголовье колхозного стада, этот беспредельщик-бугай, задери его яшур, вряд ли оставит свою привычку — впадать в безумство при виде любой половозрелой самки. Вот и сейчас ломится, готовый снести свой карцер, бодает доски загона, роет копытом землю и ревёт как потерпевший, заявляя свои права на владение подвалившим гаремом.

Что же до лощёных тёлочек, то и их, будь они неладны, так и тянет, будто магнитом, к бодливому производителю. Отгонишь одну, застрашаешь щёлканьем арапника, а она сделает круг и снова закричит пискляво: «Му-у-у!» О чём же ещё мечтать разбойнику-быку в дивную майскую пору? Эх, кабы не эта неволя, уж он-то, туго знающий своё дело, наверняка бы не оплошал: подобрал бы ключи к сердцу каждой, технично оттер бы в сторонку, занюхал бы в подхвостье до одурения, а потом бы встал на дыбы и, как говорится, оформил по полной... И пусть потом все эти пастухи, погонщики и прочие блюстители морали хоть охрипнут от крика, хоть обломают об него все свои плети, дубины и колья...

Правда, Майкл, если слова его переводили верно, наказал строго-настрою:

— Аборигенным самцам вход на территорию фермы категорически воспрещён. Они — беспородные дегенераты. Испортят потомство. Правом допуска к маткам наделяются только трансатлантические участники проекта.

Как явствовало из речей американцев, каждый из прибывающих из-за океана племенных быков будет иметь при себе личный «пачпорт», где прописано всё: данная при рождении официальная кличка, подробная родословная и прочие необходимые сведения. И действительно, разве дело, если этот высококородный, со свежевывисанными «пачпортами», скот-мачо сойдёт с трапа самолёта, приедет на спецфурах на ферму и торжественно возопит «Му!», а на встречу ему выйдут непутёвые наши бурёнки, сплошь... соблазнённые и уже покрытые местным бугаём? Не приведи Господь — позора не оберёшься!

Осознав эти новые, доселе неизвестные угрозы и вызовы и во всей полноте проанализировав риски, братья приняли единственно верное стратегическое решение — оскотить серого, с залысиной, бугая. В самом деле, чего им стоит — заманить быка, изловчиться и одним точным движением взрезать ему мошонку! А уж кладеному быку деваться некуда: погорюет об опустевшей заветной замшевой сумочке, да и смирится с судьбой и растворится среди множества прочего бесполого быдла.

Всё бы хорошо, но каким-то непостижимым образом старый отец и на этот раз прознал о зловещих

помыслах своих предприимчивых отпрысков и сно-ва закатил истерику, костеря их почём зря:

— Что, вздумали холостить бугая? Если так, то сначала меня оскопите! Может быть, от этого прибавится у вас ума?..

И опять пригрозил, потрясая карающим указательным пальцем:

— А уж я-то вас доведу до суда! Всех — на чистую воду!

...Как только за сыновьями затворилась дверь, старик, опасаясь непоправимого, решил открыть загон и выпустить бугая на все четыре стороны. И теперь, скрытно выглядывая в окошки и щели, дожидался подходящего момента. Сыновья же, словно почувствовав на себе сверлящий партизанский взгляд отца, всё мешкали, не спеша уходить со двора.

Между тем, весело сверкая в лучах солнца, на дороге появился беленький джип. Следом, но значительно медленнее, по трассе двигались две громоздкие машины с высокими бортами.

— Едут! Едут! Неужто так быстро нагрянули? — закричал Балабай и, опешив, схватился за курык — пастушью жердь с петлёй на конце.

— Боже, что у тебя в руках? Брось немедленно и упрячь подальше с глаз... Скот-то у них импортный и цивилизный, он твоих замашек не поймёт! — замахал руками Жанабай.

— Ещё бы, у них ведь пачпорта имеются, совсем как у людей! — подоспели на шум жены.

— Что же теперь делать? Тогда уж и здороваться с ними нужно по-английски.

— Ох, уж мне твои шуточки... — Жанабай с укоризной посмотрел на брата.

Выпорхнув из джипа, миловидная смуглянка ответила на их приветствия лишь скупой беззвучной и совершенно космополитичной улыбкой. Американца сегодня с ней не было, а на его месте, выпучив немигающие глаза, сидела лобастая шерстистая собака.

— Та-а-к, — удовлетворённо произнесла супруга Майкла, осмотрев маточное стадо. — А вы знаете, что ангусы — это особо ценная порода?

— Лечь мне здесь костями! — непонятно откуда пришли на уста Балабая слова велеречивой божбы.

— Дело в следующем. Порода чрезвычайно элитная, из-за укороченной путём многолетней селекции шеи морды этих животных не достаёт до земли. Поэтому на первых порах вам придётся кормить и поить каждого с рук. Ежедневно от кончика носа и до кончика хвоста будете мыть их специальным шампунем. В перспективе Майкл намерен построить здесь крупное мясомолочное предприятие.

К этой минуте два гружённых скотом многотонника наконец доползли до места назначения и с протяжными вздохами заглушили моторы. Аулчане выкатили глаза и разинули рты при виде исполинских статей комолых животных с толстенными выями и

массивными, мускулистыми туловами на коротких крепких ногах. С непривычки они казались не то ки-ношными киборгами, не то ещё какими-то чудищами, искусственно созданными в секретных лабораториях... Но вот один из них подал голос, другой замотал головой, и всё встало на свои места: даром что пришельцы, а скот — он и в Америке скот.

— Пересчитайте. Ровно десять голов. В бумажных мешках — витаминная добавка к корму.

— А в будущем мы поженим их на сотне местных бурёнок породы казахской белоголовой. Так ведь? — не сдержавшись, ляпнул Балабай, припоминая давешний разговор и исподтишка передразнивая собеседницу.

— Разумеется. Обновление крови улучшает потомство, это наукой доказано. Вот здесь их паспорта, а это — ветеринарные сертификаты. Клички пока что пишутся и звучат по-английски. Если что, потом можно будет придумать им и казахские ласкательные имена.

— Будь сделано! — прогремел Балабай.

— Кстати, вот этот пёсик — тоже пастушья породы, — сказала хозяйка, высаживая из машины кудлатую лобастую псину. — Кличка Рональд, или просто Ронни. Её мы тоже привезли вам, чтобы обвыкалась и обучалась. За ней также нужен хороший уход. Корм для неё я захватила, не забудьте выгрузить. Воспитывайте и натаскивайте. Майкл будет здесь через месяц. О'кей?

— Очень хорошо.

— Ну, тогда бай-бай, до встречи!

Обдав остающихся облаком пыли, белый джип покатило обратно в город.

Молодой подсолнечник уже поднялся на своих журавлиных ножках и закудрявился весёлыми золотыми головками шириною в ладонь. Нрав у этого растения оказался славный: успевай лишь своевременно поливать — и оно ответит тебе благодарным приростом. Да и уход за ним немудрёный: знай рыхли приствольную почву и выпалывай беспощадно сорняк. Бывает, конечно, что за день так накорачишься, согнувшись в три погибели, что потом с трудом расправляешь спину. Но труды эти не напрасны, и овчина выделки стоит.

Китайцы объявились так же внезапно, как когда-то и исчезли. На рассвете двое отряженных Су Юном подручных привезли мешки с чем-то сыпучим. И с бодрыми улыбками сообщили:

— Начальник шлёт вам пламенный трудовой привет. Сильно по вам скучает. Скоро и он здесь будет. Это — новый вид удобрений. Применять нужно экономно, буквально по горсточке под каждый корень. Так быстрее созреет.

С китайцами прощались как с ненаглядными сватами — долго и трогательно. Можно было подумывать, что речь идёт не об урожае подсолнечника, а о засидевшейся девке, которую никак не удаётся сплать замуж.

Вернувшись с пастбы, Жанабай рассказывал брату:

— Ты обратил внимание, как ведёт себя вон та тёлка с чёрной мордочкой? Вот уже парудней всё косятся по сторонам воровато, никак не находя себе места. Стало быть, у неё течка.

— Елки-палки, да ведь и ангусы высадились не далее как позавчера. Но всё равно надо случать. Что будем делать: сведём в открытой степи или подальше от посторонних глаз, где-нибудь в тёмном сарае? Интересно, как это у них принято и какая обстановка для них предпочтительней?.. Да-а, задали нам задачку. Тыфу ты, чёрт, и у вчерашней смазливой козявки совсем забыли спросить... — озабоченно отвечал Балабай.

Обсудив все за и против, братья здраво рассудили, что коль рождены эти ангусы самцами, то и дело свое, ангусово, пусть делают на свой вкус и усмотрение. Отворили загон и, подёргивая за цепной недоуздок, выволокли одного ангуса. Затем вывели и поставили перед ним изнывающую от течки черномордую тёлочку. На неё он смотрел как на пустое место, но, среагировав на подначивающие возгласы сводников, наконец вымученно сунулся ноздрями под хвост бурёнки. Исходивший оттуда запах, по-видимому, его не впечатлил. И какое-то время он стоял с отсутствующим видом, словно вопрошая: «Чего вы от меня хотите?» Но потом, будто вспомнив о чём-то, проявил невиданную в здешних уравновешенных краях резвость. С оглушительным рёвом заморский бугай встал на дыбы, а в следующую секунду попросту подгрёб под себя незадачливую местную тёлку. Бедная коровёнка не выдержала веса быка и рухнула под ним, как подкошенная.

Поглощенный азартным зрелищем, Балабай придерживал быка за цепь и возбужденно покрикивал «Молодец! Зверюга! Давай!», не сразу заметив, что корова ушиблась и не в силах подняться. Вошедший в азарт ангус уже не внимал жалобным стоном партнерши и наверняка раздавил бы её, если б она каким-то чудом не выскользнула из-под него и с душераздирающим мычанием не бросилась наутёк.

Но самое страшное началось потом — когда, разбуженный чужой, да и собственной разыгравшей страстью и взломав двери своего карцера, на воле оказался серый, с залысиной, колхозный бугай. Грозно потрясая грудной складкой, с рогами наперевес, галопом помчался отбивать черномордую тёлочку. Завидев непрошеного соперника, комолый иностранец сперва попятился, но кто же знал, что с его стороны это была лишь военная хитрость?! Разогнавшись как следует, он рванулся вперёд и метко ударил колхозника прямо в подвздошную область. Сделав два-три шага пьяной походкой, аульный бугай нелепо опрокинулся, задрав сверху все четыре копыта. Но и тогда драматические события того дня были ещё далеки от завершения, ибо в этот самый

момент с отчаянными криками и сверкающим в руке ножом на помощь своему баловню шкандыбал престарелый отец.

— Садист! Убийца! Дьявольское отродье! Оскоплю тебя самого!..

Кастрировать драгоценного ангуса старику, конечно, не позволили. Пока трансатлантический половой гигант насторожённо озирался по сторонам, готовый в любой момент предпринять новую контратаку, Жанабай и Балабай побежали отцу наперерез, быстренько схватили его, отняли нож, завернули за спину руки и потом долго сидели на старике верхом, пока не утихли его хриплые крики:

— А ну пустите, негодяи! Всех засужу!..

Прижатый к земле ничком, старик силился вырваться и не видел, как в это время безрогий ангус продолжал мутузить поверженного «колхозника», технично отработывая на нём самые изощрённые и болезненные приёмы бычьего боя.

* * *

Ухватив за морду зазевавшегося на водопое сайгака, саблезубый дракон обвился вокруг своей жертвы и с хрустом переламывал ей кости, убивая медленно и мучительно.

Белоголовый орлан лишь на миг спикировал, а когда снова взмыл под облака, уже сжимал в своих когтях беспомощно обмякшего лося.

* * *

К большому несчастью для столь многообещающе начатого эксперимента, ангусы сеяли вокруг себя только смерть. И с момента их появления в хозяйстве вот уже пятнадцать туземных коров бесславно пали под заморскими «благодетелями». Наученный горьким опытом Балабай вменил себе в привычку: лишь только заметив течную буренку, с ошалелыми криками, поскорее отгонять её подальше от опасной для жизни любви. Словно и этого им мало, эти прожорливые элитные ангусы всё кругом выели и вытоптали. Уже негде и сена накопить для этих парнокопытных господ, зализал бы их бык, — скоро в округе не останется и былинки. Вдобавок ко всему куда-то запропастился и всё не едет к казахской родне этот чёртов Майкл.

По мере того как в жёлтых подсолнухах начали созревать маленькие чёрные семечки, братья всё меньше высыпались и ещё реже смеялись, потому что без спроса объявилась новая напасть — воробы. Прилетает как по расписанию одна стая за другой, вылушивает семена и вспархивает с наглым чириканьем, уступая очередь довершать грабёж сородичам. Толку от стрельбы по ним мало — непременно увернётся маленький вор. Намного надёжней оказалось отпугивать их шумом, от темна до темна бродя по полю и барабана в тазы и вёдра. Да только на дурацкое это занятие не напасёшься ни вёдер, ни колотушек — все давно прохудились и разбились вдребезги.

Над землёй сгушались сумерки, когда, устало возвращаясь с поля, Алма натолкнулась на всхлипывающую Марзию. Признав в темноте подругу, та бросилась ей на грудь и слёзно запричитала:

— Не знаю, под какую землю мне теперь от стыда провалиться...

— Что ещё стряслось? — не на шутку переполошилась Алма.

— Дед-то наш, свёкор, кажись, совсем из ума вышел... Выпотрошил пакеты Ронни и без остатка съел весь собачий корм.

* * *

Наступило утро нового дня. Но и тогда безупречной округлости жёлто-золотистое солнце, изогнись оно восьмёркой, торжествуяще блистало на небосводе. Оно ещё не знало, что ночью десять изголодавшихся ангусов совершили побег из стойла и, прямоком примчавшись на плантацию, подкосты выели дозревающие, восковой спелости, головки подсолнухов.

Не ведало солнце и о том, что той же минувшей ночью лежавший при смерти серый, с залысиной, колхозный бугай каким-то чудесным образом ожил и — о, гений производительных сил природы! — установил своё полное, безоговорочное и безраздельное господство над уцелевшими бурёнками количеством восемьдесят пять голов.

И ещё рассказывают, что на рассвете того дня вышел из дома и не вернулся старый Аншибай. Исчез, не оставив ни следов, ни свидетелей. И только песня надломленного ветром курая, что изредка слышится из унылой степной глухомани, нет-нет да и донесёт что-то странное и невнятное, но очень созвучное его горестным возгласам:

— Я этого так не оставлю! Я на вас в суд подам! Пробеёт час, и за всё вам придётся ответить!..

ПОЕЗД АТЫРАУ — АЛМАТЫ

Быль начальная

Посвящается Нурали

Поезд, отбывающий из Атырау ни свет ни заря, потянулся, словно сыромятный ремень, навстречу солнцу. Опустел перрон от силуэтов провожающих и машущих ему вслед рукой. Перед взором покати́лась степь, будто подставившая могучую спину прохладному сентябрьскому ветерку. Холмистая равнина, местами солончаковые прогалины. При порывах ветра кое-где песчаные барханы, отделившись от мягкого наста, настораживают свои гребешки и уши. Колёса неугомонно стучат, рассекая направо и налево прохладный утренний воздух.

Наконец улеглась и толчея пассажиров, что от мала до велика волочили свои баулы и чемоданы. Оче-

видно, всё умиротворилось, распределившись по своим полкам. Стою, прильнув к окну тамбура вагона, раскачивающегося в ритме стремительной прелюдии. Треклятый сигаретный дым жжёт нутро. Протяжно гудит тепловоз. Мимо, едва различимый от скорости, проносится встречный товарный состав. Последнюю открытую платформу, точно не приспособленного к узде стригунка, болтает из стороны в сторону.

— Ой, что вы не отдыхаете? — сказала, слегка улыбнувшись, вышедшая в тамбур девушка-проводница. Румяные щёчки, кровь с молоком.

— Скоро пойду.

— В Алматы собрались?..

— Да.

— Вы — писатель. Всё хотела на вас посмотреть. — В её больших маральных глазах мелькнул потайный огонёк. — И вы не старый ещё вовсе...

— Ну, пока не горблюсь, — сказал я, воодушевляясь. Даже рассмеялся.

— Поставлю чай.

— Нет. Спасибо. Уж больно ко сну клонит.

— Буду рада чем услужить, — сказала она, поворачиваясь обратно. — Только скажите.

Внутри вагона стоит букет его обычных ароматов. Запах железа, машинного масла, пота и мочи, замешанный на дешёвых духах, перехватывает дыхание. В купе вольготно расположились три женщины. На приветствие только небрежно кивнули. На столике ломти тандырной лепёшки, нарезанные дольки помидоров, огурцы. Стоит раскупоренная бутылка. Обычное продолжение «посошка».

— Удачной поездки, барышни!

Подумав, что они чем-то напоминают большие куклы, заигранные и потрепанные детьми, я взбрался на свой второй ярус.

— Присоединяйся к столу, парень. Сто граммов, опять же... — приглашает лукавым взглядом смуглянка с оттопыренной нижней губой. Вокруг век морщинки, жидковатые, дорисованные брови.

— Садись, не съедем! — вторит ей дебелая толстушка, едва подвигая свои объёмистые габариты. Потеснилась, вероятно, ради приличия.

— Премного благодарен! Я бы прилёг.

— От приглашенья отказаться — потом бы не пожалеть! — ехидничает белолицая зазноба, поглядывая в кругленькое, в аккурат с глаз верблюда, зеркальце. — Поди, интеллигент. Да на кой ему сдались базарные тётки, как мы! Лучше разливай!

«Горячие манты. Копченая рыба. Свежее пиво, закуски!» — угасают назойливые возгласы разносчицы-официантки...

Засыпаю. Прямо под подушкой монотонно стучат колеса. «Гони-гони. Поспешай. Скорее б уж окунуться в благоухающие предгорья Алатау...» — шепчу в полудрёме. Ворочаюсь между сном и явью.

Пробудился. Уже полдень. Попытался встать, но неумолчный трезвон женских голосов пригвоздил меня опять к подушке.

— С поезда не встретил. Наняла одного из этих, носильщиков, и села в такси...

Подсмотрел украдкой — смуглянка с оттопыренной нижней губой. Раскрасневшаяся.

— И что потом?

— Странно как-то!

— Скажи лучше: срамно как-то! Так будет поточнее! Начала с ходу колошматить дверь. Не открывает. Телефон — не поднимает. Соседи все на ушах. Мямлят что-то вроде: «Только, кажись, был...», «Да дома должно быть...». Сердцем почуяла что-то неладное.

— Не откроешь, ведь сломаю! — кричу и сама пинком эту железную дверь. Кровь прямо в голову ударила.

— Ладно, давай, чуть-чуть выпьем!

— Наливай смелей. Пусть полегчает.

В бутылке булькнуло. Стаканы звякнули.

— Дверь всё-таки открыл. «А я думал, ты завтра ночью приедешь. Чо-то крепко заснул...» — бормочет сквозь зевоту. Глазки всё смеживает. Затащила я баулы и стала переодеваться... Вдруг слышу, в платяном шкафу чихнул кто-то.

— Ты погляди-ка, мотню не может подобрать...

— Ни стыда ни совести у этих мужиков!

— Я тотчас же в шкаф. Смотрю — сидит эта самая бестия. Уткнулась в мою норковую шубу. С головой прикрылась. Я её наружу выволокла за волосы. Ой, так от души её пинанула! Да как хорошо, что туфли на мне были на каблучках!.. В общем, вышвырнула я их обоих взащей. Пускай, думаю, катятся с треском!

— Так им и надо!

— Побомжует, посмотрим! Родственники его пусть полюбуются?

Меня душит приступ смеха, будто пятки пощекотали. Это ж надо: думал мужик шило в мешке утаить... Прикрылась шубой, нафталин в нос... Вдвоем под ручку уносят ноги... Картинка выстроилась в щепочку и стала маячить перед глазами. До неловкости запершило в горле. Затыкаю рот простыней. Кусая, чтоб не расхохотаться, пальцы. «Идиотизм какой-то!» — имея в виду собственный смех.

— Так им и надо! — повторяет дебелая толстушка, наклоняясь всем телом, чтобы пересесть. — Вот у меня всё вроде есть. Разъезжает на иномарке. Нет ему заботы, что пить и есть. Выпендривается... А там кто его знает?... Я про мужа своего.

— Из-за плохого коня и телегу жаль! — говорит белолицая, вновь беря кругленькое, в аккурат с глаз верблюда, зеркальце. Затем тонкими щипчиками подщипливает брови.

— Слышь, девонька, повыдергаешь всё, что потом рвать будет нечего, — замечает смуглянка с оттопыренной нижней губой.

— Найдётся что, сестра.

— И правильно делаешь, что живёшь в своё удовольствие. Встретится ещё тот, кто поднесёт на старости чашку чая.

— Ба, мой дяденька спит ещё?! — В купе заглядывает девушка-проводница. Вижу из-под век: в глазах озорные искорки.

— Кто это, вообще?

— Тс-с! Известный человек. Писатель.

— То-то я погляжу. Всё ясно... Недавно по каналу «Казахстан» что-то там языком молот.

— Э-э, и я видела! «Независимость получили. Государство построили. Но почему у нас нет личностей, радеющих за это самое государство?» — заявлял он.

— Правильно. Зато у нас демагогов хоть отбавляй.

— Ну, хватит вам зазря говорить. Будете пить чай? Скоро Кандыгааш.

Голос девушки-проводницы прозвучал резче обычного, и дверь за ней задвинулась со стуком. Голоса моя будто колокольне сподобилась. Не без труда спустилась и выбрался в коридор вагона.

В соседнем купе четыре парня. Разложили карты. Игра, по всей видимости, в самом разгаре.

— Бей тузом! Красавчик! — поощряет басовитый один.

— Скажи, разве не надул?! Давай, гони бабки! — заливается другой сверестящим ныне модным смехом. — Сам попался, кто дёрнул крыть пиками!

Впереди вырисовываются очертания небольшого городка. Вскоре, шипя и замедляя ход, поезд причалил к станции. На перроне один русский старожил торгует арбузами и дынями, сгрудив их под ноги, точно ягнят на выпасе. Потрясая поредевшей бородкой, время от времени зазывает публику:

Подходи, народ, на мой огород:

Арбузы как сахар, дыни как мёд!

Словно в стихийном потоке, невзирая ни на что, движется разбитная толпа. Многие на хмельных пахах. Свадьба была. Молодожёнов провожают. С разных сторон слышны хлопки шампанского и пение вразнобой. И млад, и стар, взяв в тесный круг невесту под белым шёлковым платком и жениха-молодца, отплясывают кто как горазд. Чьей-то дергающейся голове подтанцовывают чьи-то грациозно покачивающиеся бёдра на другом краю развеселого круга.

— О, композитор! — восклицает дамочка в теле, заключая меня, оказавшегося неподалеку, в крепкие объятия. — Ну-ка, спой нам свою коронную «О далёкой алтайской красавице...»! Споём вместе. Ну, начинай!

Смущённо улыбаясь, отрицаю, качая головой.

— Ты думаешь, я тебя не узнала?

— Извините, но вы обознались. Композитор, царство ему небесное, уж странствует в мире ином.

— Хватит заливать-то! Это же ты! Лучше не зли меня!

— Злись, если так хочется.

— Да если я захочу, то будешь моим мужем!

— Прекрати, Кульпаш, как не стыдно! — упрекает, очевидно, одна из её подруг.

— С ней бывает. В прошлый раз тоже учудила...

— Глянь-ка, как ухватила-то, — подзуживает соседка с другого боку.

Выкидывая клубы белого и чёрного дыма, поезд тяжело вздрогнул. Загромыхали привычно колеса.

— Будьте счастливы! — кричат вслед вагону бегущие люди. — Погуляем и на вашей свадьбе! Успеем!

Перед глазами кренится бесконечная равнина. Остаются далеко позади одинокие домики разъездов. Изъеденный дождями и солнцем шифер на крышах. Подёрнутые соляной изморозью старые стены из красного кирпича. Старик верхом на верблюде и в колпаке набекрень заворачивает ко двору животинку. Распластав крылья, пролетает ворона. Давно уже не подававшая о себе знать застарелая тоска охватила меня и подкатила к горлу. Подступают и душат непрошенные слёзы.

Почтенная старая женщина, севшая в вагон на станции Шалкар, машет в пустоту рукой, приговаривая:

— Доведётся ли увидеться вновь, нет ли, храни тебя Аллах! — Потом с тихой дрожью в голосе: — Священной земле твоей кланяюсь!

— Это вы Шалкару?

— Да, сынок, краю обетованному, — ответила она. — От лютого голода и холода спасла нас эта земля.

— Расскажите, если нетрудно.

— Да что и говорить. Мы тогда летовали в окрестностях Аральского моря. Отца объявили врагом народа. Когда его забирали, мне было, говорят, годика три. Родственники стали нас избегать. Мама сидела без работы. Хуже всего, что на нас указывали пальцем, как на прокажённых. А голод брал своё. Родители матери были родом вот из этих мест. Посадив меня на спину, она дошла сюда пешком за три дня и три ночи...

— Это ж надо времена-то какие были!

— Да что и говорить! Мама стёрла ноги до крови, пока пришла на станцию. Я уже не держала головку, глаза закатились. Шутка ли — во рту ни маковой росинки. Оказавшись на местном базаре, мать отдала татарке-скупщице своё единственное богатство, сохраненное от её приданого, — два старинных золотых браслета. Еле выторговала полмешка проса. Толкла его в ступе, размешивала с водой и заталкивала мне в рот. Выкарабкались, в общем. Так я и росла в семье деда и бабки, пока не повзрослела и не вышла замуж.

— Бедные, вот оно как...

— Да что и говорить. Но в других краях сытым быть, голубчик, не лучше, чем в родном Шалкаре жить впроголодь. Доведётся ли увидеть вновь, нет ли, храни тебя Аллах!

Из другого конца вагона раздаётся булькающий баритон: «Сундучок набит товаром, покупайте — почти даром! За просмотр деньгу не просим, свой

прилавок сами носим...» Затем, звеня бижутерией и всякими безделушками, этот странный мужичонка протискивается и за нашими спинами.

— Ой, мороз, мороз! — голосят на весь вагон три захмелевшие женщины. Глаза смуглянки с оттопыренной нижней губой на мокром месте.

Солнце катится к закату. Дует холодный ветер. Поезд, набрав скорость, стремительно скользит по двухполосной колее полотна. Встречные электрические опоры, не поддаваясь счёту, наперегонки убегают за проплывающие мимо окон косогоры.

— Ох, душа моя! — слышится в отдельном купе сладкий стон молодой невесты.

— Всё выпотрошили, пройдохи! Вплоть до нитки, — слёзно причитает знакомый голос, ещё недавно издававший горделивые нотки.

— Не мельтеши! Играй нормально, говорю! Чо ты даму королём не кроешь? — басит кому-то напарник по картам. — Пеняй тогда на себя!

— Ночь уже. А вы всё ещё стоите. Пойдёмте в моё купе, — говорит девушка-проводница, сияя большими маральими глазами. Румяные щёчки, кровь с молоком. — Верхняя полка свободная. Всё хотела на вас посмотреть... Прибываем в Кзыл-Орду.

Я невольно улыбнулся.

Из крайнего купе, отрывисто покашливая, вышел преклонного возраста человек. Быть может, моё дневное бдение у окна показалось ему странным. Медленно ступая, приблизился ко мне. В это время поезд тоже замедлил ход.

— Сон нейдёт, — сказал он. — Будем знакомы, раз попутчики. Беседа ведь коротает дорогу. Из какого рода-племени будешь?

— Не из племени я, вообще-то. Просто сам по себе — сказал я, сжимая ручку своего дорожного портфеля. — Пожалуйста, не утруждайтесь...

В Кзыл-Орде сошёл. В Алматы полечу самолётом...

Поезд тяжело тронулся, будто перегруженный поклажей и унынием суетных своих пассажиров. Неугомонно застучали колеса, рассекая направо и налево холодный воздух ночи.

...И тихо плакали души моей сиротливые колокольчики.

ПОСИДЕЛКИ

Эта старуха, в конце концов, умрет, выжив из ума. Да, были славные времена, когда он — Санакбай, посвистывая, погонял целую отару овец... Она тогда беды не знала: каталась как сыр в масле. Однако стоило ему только бровью повести — семенила перед ним, словно тёлочка копытцами. Теперь смотри, из-за понюшки табака норовит закатить целый скандал. Шурует языком, абы кочергой в печке.

— А я-то, несчастная, поясницы лишилась, ка-
лекой стала... Поеду в район на лечение к целителю,
а ты, нет сказать, на возьми на дорожные расходы, и
пенсию всю-то не отдал — припрятал...

Ну, погоди у меня!..

— Опять в магазин наострился? Не терпится те-
бе, чтобы, как обычно, в карты облапошили? Давай,
беги скорее, а то оставят без причитающейся доли!

Вот заладила. Почему же она не говорила это в те
годы, когда он был на коне?..

К полудню заглянул на почту. Пенсия пришла.
Да, но что на нее купишь? Ежемесячно капает что-
то в ладонь, то ли пенсия, то ли помёт сороки. Вот,
мол, возьми на всё твое житье-пробытье. Дома,
всунув в руку своей старухи тысячную купюру, ска-
зал: «На, купишь сорванцам конфет». Имея в виду
внуков.

Старая карга, следившая за каждым его шагом,
увидев эту сиротливую бумажку, распалась еще
больше. И не боится она — просто притворяется.
Смотри, как бегают кругами, просто ветром может
сдуть от её юбок.

— Уйду, буду жить у невестки! Оставайся с ни-
ми, — намекает на Ерлепеса, старика корейца и рус-
скую сторожиху!

Да уймешься ты в этой государственной клетуш-
ке. Посмотрел бы я, как ты там будешь сидеть, взгро-
моздившись на унитаза, неуклюжая сова!

Что-то ещё болтает о магазине? Ну, не без греха.
Но что тут такого?! Раз в месяц заглядывает в сто-
рожку Антонины. Опустошают они там за милую ду-
шу бутылочку-другую, что, правда, то — правда!
Чинно в картишки перебросятся. А какая ещё забава
может быть в этом захолустье?

— Эх, в былые бы времена...

— И чего ты добился? Отогнал в руки шпаны це-
лую отару скота и сидел сложа руки.

Слова не дала вставить. Со стуком хлопнула две-
рью. Говорю же — только притворяется больной.
У неё одна серьёзная болезнь: скучает по внукам. Ес-
ли бы действительно болела поясница, смогла бы
она схватить полосатую китайскую сумку, в которую
вместится человек? Вон как спешит на автобус, от-
правляющийся в райцентр. Жаль, надо было, по
крайней мере, хотя бы разок погладить её круп четы-
рехжильной камчой...

В былые времена... Э, да разве он не тот Санак-
бай, который внёс существенный вклад в дело неза-
висимости страны?! Его ровесники хоть смеются над
ним, но всё это имело место. Было дело...

...В то время он как раз обуздал свои пятьдесят
пять. Перейти дорогу Санакбаю, выглядевшему как
сосновый комель: крупный, горбоносый с подково-
образными усами, мог только директор совхоза...
Этот кругленький, низкорослый подлец, замечая
свои грешки, в конце концов, куда-то исчез, оставив
на произвол судьбы престарелого отца... Ай, несдоб-
ровать ему в этой жизни.

Была ранняя весна. Запасы сена уже иссякли.
Овцы от голода грызли стену старой овчарни, прое-
дая от безысходности зияющие дыры. Раз матка не-
докармливает, то и в приплоде прока мало. Урон изо
дня в день. От хитромудрого коротышки-директора,
который ещё две недели назад обещал прислать все:
и корма, и помощников-сакманщиков для приема
ягнят, никаких вестей. Потом прослышал, что устро-
ил пир горой в честь женитьбы сына. Попробуй, об-
руби ему!

Сгоряча, вскочил на коня. Ветер обдувал под-
мышки, к полудню домчался до райцентра. Прями-
ком поскакал к конторе. По пути возле магазина
встретил трех-четырёх своих ровесников. Обменя-
лись объятиями. Один из них, уже беззубый, даже
облизывал ему щеки. Как тут не растаять?..

Весь день дул порывистый летний ветер, который
мог повалить наравеличиною с яр. С коня сходил
при помощи услужливых дружков. Им же, праздно
болтающим, только это и надо было. Предложили
«вспрыснуть за встречу!». Сказали, что «больно уж
редко тебя видим...». Шутили, вроде того, что «не от-
ведали мяса, так хоть попробуем крепкого бульо-
ну...». Ушлые друзья приперли его к стенке. Каждому
специально взял по две поллитровки: «Пейте, пока
не лопнете, и не забывайте меня до самой смерти».

— Всё, мне пора! — сказал им. Помнит только,
как вдевал ногу в стремя. Дальше все как в сплош-
ном тумане. Опомнился уже в кабинете этого пуза-
того коротышки, который возвышается над крес-
лом. Ни ответа, ни привета. Санакбая охватило воз-
мущение. Передвигался, пошатываясь, вместо слов
напала икота. Перед глазами туман, то сгущается, то
рассеивается. Хитрая физиономия директора совхо-
за появлялась точно ясное видение, а потом вдруг
испарялась где-то в пространстве.

— Эй! — воскликнул он, наступая на того. —
Сорный ты корень, неужели из-за того, что твой сы-
ночек оженился, должен гибнуть скот? Нет ни охап-
ки сена, всю зиму не было кормов. Ягнята дохнут.
Завтра сами же будете требовать увеличения поголо-
вья. А я скажу вам «вот выкусите!». Почему мол-
чишь? Хотите молча спровадить? В июле, когда и
мухи не могут без питья... И когда волы режут в мо-
роз... Мы, бедолаги, привязаны к скоту. Нет спро-
сить о здоровье, спрашиваете о поголовье... Тверди-
те, как дятлы: перестройка-перестройка!.. Да прова-
литесь вы вместе со своей перестройкой! — полити-
зировал он, завершая свою гневную тираду.

— Дяденька, директора ещё нет на месте. Прово-
жает сватов. Завтра будет.

Резко повернулся на голос. В просвете дверей
стояла шупленькая, как козочка, испуганная секре-
тарша.

Мираж, застилающий глаза, рассеялся. Кресло
зияло пустотой. По-над креслом висит портрет Гор-
бачёва. Бездушная фотография, а смотрит строго
взглядом. Смотрит пристально. Родимое пятно на

правом виске аж побагровело. Будто упрекает: «Эх, Санакбай, и ты туда же?»

Охваченный гневом и стыдом, взобравшись на лошадь, пустил камчу гулять. А тем временем эта козочка пустила слух по всей округе. Посторонний люд начал смеяться, тербя печень. Нелепый случай стал притчей во языцех.

В конечном итоге, видимо, критика Санакбая проняла Горбачева. Сумятица в стране закончилась тем, что поступило распоряжение сверху: «Вот тебе летовка, а вот тебе — зимовка, живи как сумеешь!» Словом, дали независимость, — правда, с нею пришли и свои неурядицы. Однако кто посмеет сказать, что здесь нет заслуги Санакбая?!

В прошлом году, когда явились сваты к дочери двоюродного брата, живущего в соседнем ауле, он тоже попал на застолье. Под хмельком захотелось прихвастнуть перед прибывшими с подарками сватами. «В тот год, когда я отгонял овец в Петербург...» — брякнул он невпопад. За дастарханом и стар, и млад, удивленно переглянулись. Только внучатый племянник, шельма эдакий, ухмыляясь, заметил: «Дядя, перед ним есть же и другие города!».

— О, уважаемый Санакбай, мы давно уже слышаны о вашей славе! — Сваты заглаживали этот казус.

Что бы там ни говорили, но перед его глазами пролетали события прошлой жизни, когда на руне овцы не просто вили гнезда, а играли свадьбу жаворонки. Хотя он и в помине не видал крыш Петербурга, но гнать туда овец его понуждал не стограммовый пар, а тоска, оказывается, по минувшей эпохе.

Грянула приватизация. Пройдоха директор, сняв сливки с общего котла, куда-то сбежал. В качестве долевых процентов умыкали блеющий скот всякие главные специалисты. «Подождите!» — бунтовало нутро Санакбая, но остался он со своей чабанской герлыгой да с двумя-тремя десятками копытцев. Оттого-то и ворчит его старуха, хватаясь за поясницу...

Не заметил, как, перемогаясь со своими мыслями, дошёл до входа в единственный в ауле магазин. В примыкающей к нему сторожке мелькнула голова Антонины. Вслед за головою, опираясь на ржавое ружьё, появилась и сама рыжая старуха.

— Санак, заходи внутрь. Сейчас придёт и сосед кореец.

— Пусть приходит. А где Ерлепес?

— На почте. Должен явиться.

Только было согнул колени, как из тени двух деревьев, растущих поодаль, появился кореец. В руке чёрная сумка. По привычке осматривает с прищуром. Бормочет что-то невнятное, дрожа подбородком. Мелкие морщины, покрывающие пригоршню его лица, извиваясь и расползаясь, словно червячки, не находят себе покоя. Следом за ним плетется чёрная сука.

— Эй, что у тебя в сумке?

— Щенки. Отнесу домой. Голодные лежат.

— Зачем они тебе?

— Пропади они пропадом, знал их отца-кобеля. Жалко! Эта не может их насытить.

Щенки, скуля, царапали сумку.

— Отец их — рыжий волкодав из соседнего аула, — заметила Антонина, указывая на чёрную суку. — Знаю его. Делает это каждый год, пока ты раззявишь рот. Попадись мне на глаза. Уложу одним выстрелом!

Чёрная сучка виновато смотрит в их сторону.

Со стороны почты, прихрамывая, бочком-бочком, показался и Ерлепес. Команда в сборе. Первый пузырек раскупорен. На правах хозяина купленной водки Ерлепес делит её строго всем поровну, приговаривая:

— Всё равно паршивая жизнь. Мы уже ничего не поправим.

Разлив «почти по буль-булькам», с достоинством косит на окружающих приятелей, словно ожидая великого поощрения. Гордый профиль его принимает несколько спесивый вид.

— Вот так-то!

Руки разом потянулись к этой прозрачно-плещущей, как горькие слезы красавицы, жидкости. Попав вовнутрь, побежала «горячая» по всем застарелым жилкам.

— Хотя бы раз в месяц не будем собираться для настроения, зачем тогда землю топчем?

— Вот так!

— А пенсию не повысили.

— Ну, в прошлом году всё же добавили шестьсот тенге.

— Ай! — Махнул ладонью Санакбай, приподнимая её выше своего колпака. — Пускай вообще не добавляют!

— Верно. Такие, как мы, передовики производства, всё хозяйство совхоза вытаскившие на своих горбах, получают гроши. Как тут не возмущаться!

— Да, ты, чтобы называться передовиком, пожертвовал одним своим бедром, — съязвила Антонина. На лице Санакбая возникла и разгладилась улыбка. Успокоились дрожащие руки, прекратилось невнятное бормотание старика корейца.

На самом деле все было так.

...Был год, когда земля, испуская пар, щедро одаривала своими милостями. Бурьян и полынь, опутывая стремена и набиваясь в них, не давали проехать. Трактористы-косари, прицепщики, обрастая пылью, работали не покладая рук. Той осенью даже плевики бригадира Ерлепеса не всегда достигали земли, цеплялись за высокую и густую траву.

На Октябрьские праздники получили премию. Бригадир раздавал деньги пригоршнями, равно одаривая каждого члена бригады. И разве могли трактористы не ответить на добро добром? Прямо перед конторой совхоза они на радостях стали подбрасывать его к небесам. Подхватывают и подкидывают вверх вновь и вновь.

— Герой ты наш! — кричали одни.

— Дело твоё едино с именем твоим, наш Ерлепес! — восклицали другие.

— Там, где ступает твоя нога, растёт высокая трава! — восхищались третьи.

Раскинув руки и ноги, он то и дело падал спиной на крепкие руки трактористов. Но в тот момент раздался пронзительный женский голос:

— Быстро! Всех вызывает директор!

Лавой ринулись в контору. И ни одна душа не сообразила, что его, подброшенного, надо бы подхватить и плавно опустить на землю! Триумфатор упал на твердый такыр и дико заревел от боли. Тазобедренная кость раздробилась. Так и ходит с тех пор, ковыляет одним боком. С того времени перестал общаться и с бывшими подопечными.

Сходя в магазин, вернулся Санакбай.

— Никакой очереди. Ассортимент такой, что глаза разбегаются, — заметил он вскользь. — Обидно: то ли было в наши молодые годы...

— Давайте этот тост поднимем за Антонину, — поступило предложение от старика корейца.

— Поднимем!

— Из всего женского рода она — единственная наша отрада.

С тех пор как переехала сюда вместе с семьёй из Астраханской области, минуло четверть века. Мужем её был высокий рыжий печник Петро.

— Для печи, выложенной им, лучинка даже не нужна: уголь разгорается сам по себе, — говаривали аульные знатоки.

Наверное, правда. Только была у него маленькая уловка. Раньше кирпича для кладки следовало подать ему в руку бутылку. Иначе в печной трубе не будет тяги. Будет тянуть дым и не выпускать его наружу. Хозяева задыхаются в приступе кашля.

Он был и отменным рыбаком. Нанизывая на шпатель за жабры обвол и лещей, пока капал с них жир. В конце концов, властелин воды и забрал Петро к себе. Его лодка перевернулась, когда река подернулась льдом. Поглотила его коварная Шора.

...Сначала была продавщицей. Затем стала охранницей. ВОХРовкой — членом военизированной охраны. В руках, покрытое ржавчиной одноствольное ружьё, отлитое в 1937 году в Пензе... Говорила, что последний раз заряжала его в 1986 году, во время декабрьских событий. С тех пор оно уже не стреляло... Да и вряд ли когда-нибудь выстрелит.

— Видел, как твоя старуха вскарабкивалась в автобус, идущий в Ганюшкино.

То, чего не замечает кандыляющий Ерлепес, может лежать разве что глубоко под землёй.

— Поехала лечиться. К целителю.

— Эй, сейчас нет доверия ни врачу, ни юристу-толмачу. Оба они сначала прощупывают пульс у твоего кошелька. Качают головами. Нагоняют страху, — прорезался голос старика корейца. Мелкие морщины, покрывающие его узкое лицо, опять не могли

найти успокоения, шевелясь и расползаясь как червячки. — К слову, на прошлой неделе ездил в райцентр. Встретил прожорливого Орбая.

Все трое его сотрапезников, словно глотнув чего-то неприятного, брезгливо поморщились.

— На нём белая кепка и сшитый мною холщовый пиджак. Блестит весь, от плеч до пупка. Ордена и медали! Вот диво!

— Подлая собака! — не сдержался Санакбай.

— Бессовестный! — приговаривал Ерлепес.

— Пусть только попадётся на глаза. Уложу одним выстрелом, — присоединилась к ним со своим дежурным проклятием Антонина.

Прожорливый Орбай — бывший завфермой. Один из тех, кто в лихую годину приватизации отхватил — и проглотил-таки — огромный куш. Того добра хватило, чтобы переехать в райцентр.

— В своё время переселился сюда, имея один палас, а теперь, смотри, перекочевывает целым караваном! — судачила женская половина аула.

Это, оказывается, ещё цветочки. А что за ордена и медали гроздьями висят на его груди?

...Ещё на заре независимости, когда «верви хватало лишь для завязывания, но не хватало для плетения...», младший сын Орбая проявил способности бизнесмена.

— За два мешка муки выменял орден Ленина.

— А за пятьдесят килограммов сахара стал кавалером ордена Трудового Красного Знамени.

— А за палас, оказывается, просил «Знак Почёта».

— За медаль же всучит тебе кусков десять хозяйственного мыла, — возбуждённо тараторили сельчане.

Торг шёл расторопно: не успеешь, как говорят, пригладить бороды. Масса наград передовиков производства со звоном перекочевала в торбу к юнцу.

— Знаешь же жену-неряху скотника Сайлауа, родившую десяток детей.

— Ну...

— Он и у неё выманил медаль «Золотая баба». Ну, эту... «Мать-героиню»...

— Аферист, из любой сети выскользнет.

— Да это ещё что. Нацепив чужие ордена и медали, Орбай, оказывается, поехал в Астану. Просил квартиру. А тамошние чиновники даже уговаривали: «Ореке, такому уважаемому человеку, как вы, не к лицу какая-то квартира. Как же вы, словно курица на насесте, будете жить в многоэтажке? Лучше построим для вас коттедж». Решили наспех и приступили к строительству.

Старик кореец с дрожащим подбородком опять косоглазо обвёл взглядом собутыльников.

— Подлая собака! — не сдержался Санакбай.

— Прожорливая свинья! — добавил Ерлепес.

— Пусть только попадётся на глаза. Уложу одним выстрелом!

— Молчите! — вскрикнул неожиданно Ерлепес. — Не подливайте масла в огонь. Не забудьте, что сидите под той рукой, которой одним ударом убиваю

волка! — расходился не на шутку. — Лучше давайте добудем ещё бутылку, — это предложение было сделано уже спокойнее.

Хозяин мелких морщин, которые шевелились и расплзались по узкому лицу, словно голодные черви, порылся в карманах. С трудом вытащил откуда-то из-под ремня сложенную вчетверо двухсотку.

...Как только откупорили третью, настроение поднялось на новый виток. Мир вокруг заиграл.

— В последнее время часто снится моя старуха, — издали начал разговор старик кореец, уже под хорошим хмелем.

— Не беспокойся: попадёт в рай!

— Правда?

Никто не помнил, откуда и когда в этих краях появился, поселился этот старый портной. Количество слов, им применяемых, сосчитано, как число костяшек на счётах. Говорил, что родился и вырос на Камчатке, а корни остались в Корее. Была у него жена, круглая и спелая, как булочка с маслом. В ауле только она одна держала огород. Когда поспевали дыни и арбузы, сбив их в кучу, словно ягнят и козлят — пусть земля ей будет пухом, — сидела в тени своего домика и в ладонь ей, помаленьку, капали копейки.

Давно это было. Вот эта самая Антонина, решив сшить себе платье, вошла в их домик на отшибе. Она была в расцвете сил, руки и ноги как колотушки, сама ярко-рыжая. Ходила, покачивая бедрами и постреливая нежно-голубыми, небесного цвета глазками. Посмотрела, быть может, томно и загадочно. Во всяком случае, этот клятвopепреступник, под видом снятия мерки, все пытался гладить её крутые бёдра, гладкие, как круп кобылицы. Поглаживал и приговаривал:

— Ах, какая женщина, побыть бы с ней наедине хотя бы в однодневном сне! И другой мечты в этой жизни больше не надо!

Могла ли не заметить такое его круглая булочка в масле, Дуся? Не стерпела, взорвалась. Разгорелся скандал. Вырвав отрез, выкинула его в окно. Схватив мужа, вышвырнула за порог. Словом, обе женщины навек невзлюбили друг дружку.

Осколки той ревностной, красно-золотистой жизни светились теперь только в их престарелых глазах. А самой её вроде и нет. Одно мутное слабое видение. Да не уходит она от них, а захочешь догнать, не догонишь. И остались, обнимая свою черную машинку, старик кореец и, опираясь на свое ржавое ружье, одна Антонина. Что же тут скажешь?..

— Корея бурно развивается. Это здорово! — просветлел патриот, никогда не бывавший на родине. — По телевизору видел. Наверное, переуду.

— Положение у России тоже хорошее, — не могла не отпаривать раскрасневшаяся Антонина. — Если позовет дочка, подамся к ней.

— Астана великолепна! — с пафосом воскликнул Ерлепес.

— Да эту Астану и не понять! — отозвался Санакбай, не зная, чего бы умного добавить в дискуссию.

Вместо палки держа ружье и нехотя покидая насиженное место, в магазин отправилась Антонина.

— Газиза ругается, говорит, что после нас, как после вражьего набега, — не с пустыми руками возвратилась она.

— Благодаря нам процветает её торговля. Что ещё надо? — Ерлепес, надувшись, пересел на другую сторону.

— Появился молодой поэт Султанмахмут. Он пишет: «Взойду на тёмный небосвод и солнцем ярким стану!» — продекламировал Санакбай, подбоченясь. — Сам вычитал недавно.

— Что-то много солнц появилось. Как бы не спалили ещё, — иронически буркнул Ерлепес.

— А давай споём, — предложила Антонина и, словно слыша мелодию, стала покачивать из стороны в сторону головой. Потом в такт пошли бёдра.

— Да, споём все вместе, — оживился кореец и стал, подражая дирижёру, размахивая руками.

— Начинай, а мы поддержим.

Ерлепес, пытаясь встать, поднялся только с третьей попытки.

Санакбай, прикрыв глаза, запел:

*Куре белой не сыплешь корм,
Может, хочешь её уморить?..*

Он уже брал более высокую ноту, как его резко оборвал Ерлепес:

— Ой, стоп, стоп! Кончай травить душу! Твоя курица давно издохла. Нам гимн подавай! Вспомнили? Ну-ка, дружно вместе! Запевай!

В небе солнце твое золотое...

Четыре голоса, разбредаясь, кто в лес, кто по дрова, сливались воедино только во время рефрена «Мой Казахстан!». Когда же дошли до припева, Антонина, в избытке чувств, возьми да стукни, прикладом ржавого ружья оземь. Только того и требовалось: патрон, попавший в ружье ещё в далёком восемьдесят шестом, выстрелил. Раздался оглушительный гром! Видать, истомился в патроннике старого ружья: выстрел переполошил весь аул. Верблюжата и жеребята, порвав привязи, рванули прочь из загонов.

— Россия, родненькая, спаси! — перепуганно запричитала Антонина, упав навзничь и воздев руки к небесам.

— Made in Korea! — взвизгнул звонким голосом старый портной и, как подкошенный сноп, повалился в её же объятия.

Санакбай и Ерлепес, не зная, куда им подеваться и у кого найти укрытие, ретировались: рысцой обогнув магазин и иноходью припустив в убежище...

P.S. Воробы же, слетевшие со всех концов на горстку зерен, живо суетились, распахивая друг дружку и чирикавая до самого солнца.

ПРЕДАТЕЛЬ

То был год окончания Асылбеком седьмого класса. Тогда вся страна подпала под приватизацию. Торопливо распустили совхоз, и отец его, Дюсен, в надежде на пай, поплёлся в контору. Вечером вернулся с лошадьёю на поводу. А когда такое проходит мимо соседей и местных свидетелей?

— Чудной этот капитализм-то — посадить простого киномеханика верхом на вороного жеребца, — посмеивались они, почёсывая по-над печенью. — Ладно, поживём, увидим!

Не было предела и возмущению его матери Даметкен, работающей техничкой в школе:

— И это награда за то, что ты денно и ночью мотаешься, ставишь людям кино? Осталось только на жеребце по окрестностям скакать. Ой-ёй! Да не вздумай его кастрировать! Глядишь, кто кобылу нестельную пригонит, хоть на чем-то заработаем. И бери, что дадут, чего теперь стесняться?!

Но неужто капитализм свернет с прямого пути по причине бабьего бунта? Да и что мог сказать безропотный Дюсен, у которого и в роду-то не было ни революционеров, ни командиров.

Отец в свою бытность зарабатывал на жизнь кузнецом. Вся жизнь опаленного, худого — кожа да кости, — жилистого старика прошла в обычной лачужке на краю аула. Вытащит, бывало, из огня раскалённый докрасна кусок железа, помнёт его как тесто, потянет как сыромять, придаст конфигурацию и в холодную, клокочущую воду. Казаны с прохудившимся дном, самовары без кранов, серпы и ножницы для стрижки овец — вся хозяйственная утварь прошла через его руки. Вечная память! Бесхитростный человек. Милость ко всему побитому и покорёженному искал у огня и кузнечного меха.

Может, Асылбек вырос просто мечтателем, насмотревшись бесплатного кино? Как бы там ни было, почти с пеленок увлёкся радио. Да и причина была. Даметкен по утрам и вечерам мыла полы, единственное дитя оставлять не на кого — вот и включала вместо няньки радио. Оно заговорит — он насупится, запоёт — шейкой своей тоненькой вертит. В ладошки хлопает. И так день за днём.

В пятом классе пришёл и заявил, что записался в кружок радиолюбителей. Его главное развлечение. Разберёт дотла приёмник и начинает над ним колдовать. Затем соединит меж собой изящные, как волос, проводки и заставит молчуна на радость всем заиграть.

— Торей сынок, набирайся мастерства! — одобряет Дюсен.

— Что-то мы не заметили, как ты сам, гоня кино, сильно поднаторел, — раздражается Даметкен.

Даметкен это не всерьёз. Про себя спит и видит, когда же её единственное чадо вырастет, приведёт домой невестку из состоятельной семьи и станет большим начальником, — тогда и мы, думает, пожи-

вём. Но ни сном ни духом не могла она вообразить, что её фантазия может вмиг испариться, точно огонь, залитый водой. Иначе как понимать случившееся, о чём рассказать и язык не поворачивается?

Вчера вроде призвали в армию. А теперь из воинской части шлют телеграммы, одну за другой, вызывают родителей. Пришлось тащиться с торбой, забираться в поезд, трястись. Но коли душа не на месте, то какой поезд за ней, за душой, поспеет?

— Говорят, в армии дисциплина сегодня неважная. Хорошо бы ещё на беду какую ни нарвался, — рассуждал вслух грустный Дюсен.

— Чтоб тебе в рот змея снесла яйца! Сказать: заметили нашего сына, хотят отправить его в дальние края учиться, — язык не поворачивается? — сердилась Даметкен, расстреливая мужа взглядом.

— Что поделаешь, мало случаев, когда вон стреляют друг в друга?

— Он в мамкин род пошёл, светик ненаглядный! Гляди ещё, «ать-двакать» будет перед нами, офицером станет, — улыбалась мать во весь рот.

Под невесёлые догадки прибыли, наконец, из Атырау в Кызыл-Орду.

Их встретили. Не дав оглядеться, повезли в воинскую часть. На широком плацу, среди бегающих взад и вперёд солдат, Асылбека видно не было. Все в одинаковой форме. Пока не присмотришься, то и на одно лицо. Немудрено и чужое чадо обслуживать.

— Полат Аленович, — представился хозяин кабинета размером с небольшой спортзал, когда они вошли. Кожаный офицерский ремень едва обхватывал его живот. — Я начальник вверенной мне воинской части.

— Мы родители Асылбека Айдарбаева, — ответили они почти хором. По лицу хозяина кабинета пробежала лёгкая ироническая улыбка. — Раз вызывали...

— Сын ваш взят под стражу, — сказал, выдержав паузу, начальник воинской части. — Отказался принимать присягу. Вот такие дела!

Мир перед глазами Даметкен поплыл колечками. У Дюсена перехватило горло, ноги ослабли, и ягодицы кое-как обнаружили деревянную скамью. «Ай, чувствовало сердце, что здесь что-то не так. У ребёнка склад другой. Сызмальства, — стоит ему чем-то заинтересоваться, — глаза заблестят и не успокоится, пока своего не добьётся. Что ни вечер — с отцом в кино. Придёт и начинает разбирать, какой артист, какую роль да как сыграл? Даже, едрит его в корень, отмечает: «Тот артист не смешно играет, а этот понарошку плачет...» Это ещё куда ни шло. Порой как спросит: «Пап, человеку лучше служить правде или служить неправде?...» Под стражей, говорите? О, бог ты мой, что за клятва? И что в ней такого, чтоб её не принять? Кто контролирует? Проверяет? В наши дни кто кому и какие только клятвы и обещания не даёт! Сейчас такие, кто ночью даёт обещание, а днём о нём не помнит, как раз у руля. Ноздри кверху, свысока глядят!..

Очнувшись, Дюсен увидел, что кабинет размером с небольшой спортзал заполнен офицерами. Как пугала в жалкой одежде, брошенной на пустоту, сидели они с женой в их окружении — два узника печали — униженные и бессловесные. С разных сторон подозрительные взгляды. Не поймёшь: то ли жалеют, то ли презирают. Спустя время, в кабинет втолкнули Асылбека. Был он у них среднего роста, задумчивым таким. Похудел и вытянулся.

— Светик ты мой глазастый!

— Копытце моё единственное!

— Не дали вы должного воспитания сыну, — объявил Полат Аленович, придавая густоту голосу. — Сверстники его — все как один приняли присягу на верность нашей любимой Родине. Только он упёрся: «Не моя это родина!» Спрашиваем, почему? — вразумительно не отвечает. Или, может быть, вы его за границей где-нибудь родили?

— Пропали она пропадом, за граница эта! На кой нам! — кричала в голос Даметкен, сама не слыша себя.

— Дай клятву! Прямо сейчас дай! Да ослепнуть мне на месте, если я видел хоть одного человека, умершего от клятвы, — произнёс Дюсен возбужденно, нервничая. — Если всё дело в том, давайте, я дам?!

Разразился дружный смех и резко затих.

— Простите, но принять не могу! — сказал Асылбек, и глаза его заблестели как в детстве. — Больше сказать мне вам нечего!

— В таком случае посадят тебя. Вот тогда соловьём запоёшь! — категорично подытожил Полат Аленович, чей кожаный офицерский ремень едва обхватывал живот. — Уведите!

Два узника печали, убитые горем, причитая, вернулись в родной аул. Не прошло и месяца, как вслед за ними приползла и их дурная репутация. Говорили, что Асылбека будут судить в ауле. Дескать, военный трибунал рассматривать дело человека, не принявшего присягу, не уполномочен. И поскольку нынешняя молодёжь колобродит, то открытое заседание суда состоится на месте — дабы преподнести наглядный урок.

— Всё зло от твоего кино! Увлёк за собой и испортил ребёнка. Насмотрелся он распутной жизни всяких там артистов. Чего после этого ждать? — бухтела Даметкен за утренним чаем. Осунувшееся лицо её подёрнулось синью, под глазами появились мешки.

— По-моему, корень зла лежит в том радио, которым он увлёкся — сказал Дюсен, выводя своё заключение. — Да и что за ремесло? Скакать с места на место: одному сообщение передаст, от другого известие получит.

Не успели они договорить, как пожаловала соседка, вдова Кульпаш. Простодушная бедняжка, открытая. С момента их бесславного возвращения из Кызыл-Орды родственники, варившиеся в одном котле, и те перестали их порог переступать. Все вдруг стали ужасно заняты. Оговорок много: у одних овцы

теряются, у других — верблюдицы на сносях, а то и кобыла трудно жеребится. Немало и таких, кто, споткнувшись о собственный порог, чуть не свернул было себе спину, неходячих много из-за чирьев на самом неприглядном месте. А простуженных? А с прострелами и коликами сколько?

— Проходи, на почётное место проходи, — искренне обрадовался Дюсен, суетясь вокруг Кульпаш. — Даметкен, освежи-ка нам чаю.

— Только что сцепилась с женой Кадыра! — заявила простодушная Кульпаш, присаживаясь. — Взбесила она меня, говорит что ни попадя.

— Что говорит?

— Да чушь несёт! Будто сын твой, Дюсен, заявил, что уедет из страны и шпионом станет. После такого бреда кто его пожалеет, вот, мол, и заперли. Оказывается, говорит, он и раньше с заграничной связью поддерживал по радио. Будут всю округу прочёсывать, вплоть до мышиной норки. Искать запрятанный аппарат. Найдут, — считай, пропали, и родителей загребут. Ждать не заставят: не сегодня завтра, говорит, заявятся.

— Эй, падшая, говорю, — прямо так и сказала, — эй, падшая женщина, ты сначала роди сына такого, как Асылбек! Говорю, твои тупоголовые болваны и подошв его недостойны. На английском свободно разговаривает. В политике разбирается, радиотехнику настраивает. Шпион, шпион... Тебя от этого, говорю, не убудет! Злость меня разобрала!

— Кульпаш, ты уж пей свой чай. Ох, убили меня наповал! — простонала Даметкен, опершись на обе руки. Осунувшееся лицо подёрнулось синью, под глазами появились мешки. — Топчите, люди, злорадствуйте!

После такой мрачной вести два узника печали потеряли остатки покоя. Как быть, если и впрямь возьмутся за обыск? Так и найдут приёмник с этими двумя кулачками-штучками, а найдут — обзовут: шпион... Жуть-то какая...

Разворовали весь дом. Осмотрели все закутки и шели во дворе и пристройках. Ничего. А ведь перед самой уж отправкой в армию сын сидел, соединял меж собой изящные, как волос, проводки. Куда мог девать?

— Посмотрим в старом сундуке, оставшемся от матери, — сказал Дюсен, собирая в кулак последнее терпение. — Я заметил, что он открывал дверь чулана. Больше искать негде.

И без того отец был худобой. Теперь и крючок, что называется, зацепить не за что. Усы, приставленные сторожить горбатый нос и забывшие про ножницы, росли в свободном порядке. Как-то всё не к лицу.

Ключ от забытого сундука Даметкен, сбившись с ног, наконец нашла в коровьем сусеке. Старый чулан находился в малохоженном углу двора. В нём скопилась негодная рухлядь и домашние пожитки. Заглядывали в него раз в год, а то и того реже. Открывать пошли нехотя.

Окно с выбитым глазком казалось устрашающим. Будто внутри кто-то наблюдал за ними. Скрепя сердце открыли дверь. Среди вороха хлама раскопали и старинный сундук — заветную вещицу Дюсеновой матери. Не успели вставить кованый ключ в замочную скважину, как старинный сундук дзинькнул и залился переливчатым звоном. Запуганный Дюсен, позабывший о красивом звуке сундука, который не открывал столько лет, вскрикнул от неожиданности:

— Ох, подошли! Схватят!..

— Фу ты, ненормальный! — одёрнула Даметкен.

...Суд не заставил себя ждать. Поутру из района одной ударной бригадой прибыли сотрудники правоохранительных органов и два-три гражданских чиновника с мягкой походкой иноходца. Некто, подтянутый и впрямь словно вымуштрованный конь, время от времени, беспокойно, одними глазами прочёсывал и внутренне «подытоживал» народ, столпившийся в просторном зале. Супругов Дюсена и Даметкен, кой-как стоявших опершись друг о друга, посадили вместе на первый ряд.

— Алдан Айымбетович, а вы здесь откуда оказались? — обратился «подтянутый» к аксакалу с понурым лицом и глазами, источающими свет милосердия.

— Прямоком из Алматы.

— Понятно... Выпускали бы лучше свою газету.

Натерпевшийся, — под прицелом сильных мира сего, — за утерянную правду о народе мужественный старик только улыбнулся, не тротя слов попусту.

После того как шум и возня поутихли, появились и разместились на почётных местах судья и прокурор. Под конвоем двух полицейских завели и Асылбека. Зал снова всполошился и зашушукался.

— Граждане, успокойтесь! — сказал судья, апатично поднимаясь с места. — В данный момент разбирается следующее дело. Подсудимый, который стоит перед вами, уклонился от исполнения своего долга перед Родиной. Отказался принимать присягу, то есть дать клятву. Подобный поступок чужд сознательной молодёжи нашего государства. Кроме того, за ним водятся и другие грешки. Мы должны обрубить топором корни подобного поведения, чтобы они не ушли вглубь. Пусть это станет уроком тем, кто сегодня присутствует на суде. Вступительное слово предоставляется...

Поднявшийся на трибуну «подтянутый», точно вымуштрованный конь, прокашлявшись, начал с места в карьер:

— Асылбек Айдарбаев, будучи в стенах школы, попал под влияние деструктивного течения. Фактов тому у нас предостаточно. Являясь членом кружка радиолюбителей, он распространил в эфире следующую информацию: «SOS! Всем здравомыслящим людям! Нельзя продавать народное достояние встречным и поперечным. Остановите их!» Такое, с позволения сказать, воззвание — по малому счёту — хулиганство, по-большому — преступление. Существует статья на этот счет.

— Молодой ещё, жалко пацана!

— Может, и правду сказал!

Судья, стуча деревянным молотком по столу, успокоил публику и спросил:

— Гражданин подсудимый, вы признаёте, что отпавляли SOS? — вонзился глазами в Асылбека, стоявшего в углу между двумя полицейскими.

— Признаю, — сказал среднего роста, задумчивый парнишка. — Под предлогом вчерашней приватизации добрали аж до библиотек. Это же путь к невежеству!

— Это не твоего ума дело!

Осадив подсудимого, судья продолжал:

— Подобные выходки порождают недовольство и среди аулчан, которые здесь присутствуют. Кто хочет высказаться по данному поводу? — сказал он, то закатывая, то выкатывая глаза с просяными ядрышками зрачков.

— Позвольте я скажу, — послышался визгливый голосок, заставивший зал обернуться. Молодой человек, учившийся с Асылбеком все одиннадцать лет в одном классе, вытянул перед залом тонкую шею: — В школе он участвовал в движении «Молодая нива» и тогда ещё отказался от разоблачения коррупционеров.

— Я не хотел быть Павликом Морозовым. Надо идти другим путём, — парировал Асылбек, блеснув глазами и подаваясь немного вперед.

— Это же оппозиционер чистой воды. Даже дальше пошёл. Обратите внимание: он почти повторил слова дедушки Ленина, — вякнул кто-то сбоку.

— Вахаббит, наверно!

— Да, сегодня даже старики боятся отращивать бороду.

— И старухи длиннополые свои балахоны попрятали в сундуки.

— Эх, да коррупция — она тот же шестиглавый дракон, спрятанный за дубовой дверью с золотыми запорами! Разве под силу противостоять ей неокрепшим юным сердцам? — воскликнул возмущённый до глубины души Алдан-аксакал.

— Пойдите! Вам слова не давали!

...То был Год собаки, Дюсен, не подрассчитав силёнок, тоже хотел стать Павликом Морозовым. Увы, он один мечтал быть похожим на пионера-героя...

В противном случае, какой смысл не смыкая глаз следить за родным отцом? Следил! Выйдя со двора спозаранку, отец замешкался. И в сыне зародилось подозрение. Не ровён час сено колхозное ворует?! Иначе зачем прихватил верёвку? Неспроста! Надо бы проследить. Не так ли наказывал нам комсомольский вожак?

Через какое-то время послышался шорох шагов. Выглянув из засады, увидел отца. Тот вёл на поводу барана. Сомнения враз рассеялись. Пулей выскочив из укрытия, сын закричал что есть мочи: «Зачем воруете колхозную скотину? Я завтра всем расскажу! Разоблачу!..» От неожиданности отец, вздрог-

нув, попятился и чуть не упал. Баран вырвался и убежал.

— Ай, гадёныш ты эдакий! Ты, что ли? Я думал, оборотень какой! — заорал отец и тут же его отлупил, гоняя вокруг дома и пересчитывая закутки. Выяснилось, что барана он взял под залог у соседа, чтобы совершить обряд жертвоприношения. Эх, эти чертовы перегибы, кого только они не погубили!..

— Ну-ка, кто ещё желает сказать? Вот старожилы сидят... Матушка, поделитесь-ка вы своим мнением, — сказал судья, притворно улыбаясь в сторону почтенной старушки в казахском платке, расположившейся в первом ряду.

— Голубчик, старик мой в прошлом году ушёл в мир иной. Слава Создателю, дети присматривают. Нужды ни в чём не знаю. Старшая невестка больно строптива была. Младшая — хорошенькая, бабусей называется. В последнее время плохо стала слышать. Позапрошлый день в соседний аул ездила к знахарю. Состарился уж, дует в ухо слабо. Не то прежде... — толковала почтенная.

В этот момент в зале проскандировали: «Они все — падшие!..»

— Времена, что ль? — встрепелась опять старушка, выставляя из-под платка правое ухо.

Чувствуя, что площадка суда, призванная быть назидательной для иных площадей, начинает выходить из-под контроля, судья взял бразды в свои руки.

— Подсудимый Айдарбаев, — громко выкрикнул он. Стоило ему повесить голос, как мелкие, с просяное зёрнышко, ядрышки зрачков его куда-то пропали. — Говори только правду! Почему ты в ультимативной форме отказался принимать присягу родине?

— Это не моя родина!

— Даже не встанешь на защиту её рубежей? — возмущился прокурор.

— Нет!

— Назови причину?

— Пусть олигархи сами защищают свою частную собственность: земельные угодья, дворцы и торговые центры... У меня с этим ничего общего нет...

— Ты — провокатор, предатель! По тебе тюрьма скучает!

— Нам как воздух нужны честные люди, страдающие за народ. За ними наше будущее... Молодая поросль... Вините себя, что не пригрели и не обласкали её в своё время. Отсюда и вырастает отчуждённое поколение. Легко говорить: посадим! Мало ли нам уничтоженных поколений и погубленных сынов народа? Горе вам, блюстители порядка... — сказал немало испытавший на веку аксакал Алдан. И в глазах его сверкнули слёзы.

— Копытце моё единственное, что же ты делаешь, опомнись! — еле слышно повторял Дюсен, вздрагивая плечами. И гордый нос его стал невидим, окончательно зарывшись в усах. — Сын мой — не предатель! Предатели вы сами! Всё предали и продали! Ничего для вас святого! — неистово кричала Да-

меткен. Потом осунувшееся лицо её подёрнулось синью, и женщина потеряла сознание.

Ну, а времена эти разве услышат крики несчастной женщины?

P.S. О мере наказания парня, пожалуй, я расскажу в другой раз.

ПРЯТКИ

Вообще, народ этот в своём ли уме?

Легкая возня, возникающая с утренним чириканьем воробьёв, ко времени, когда чёрный ворон, распластав свои крылья, возвратится к гнезду, превращается в сплошной гвалт, и все вокруг, будто в приступе шаманьего экстаза, суетится и пульсирует в конвульсиях. Откуда эта толпа нищих, просящая у скупцов вознаграждения, а у слепцов прозрения?.. Так и кружится вокруг тебя, как поднимаемая ветерком пыль вокруг лачуги...

Чем объяснить, что Начальник, который мог в своё время наобум бросить камень и непременно попасть в Луну, оробев от этого шума и гама, уже не может и воробыного шажка ступить из своего учреждения. Сложив вывернутые руки на ягодицах, с утра и до вечера ходит по кабинету взад и вперёд. Бесчисленные друзья-приятели, с которыми братался, прижимаясь в саунах голым торсом, обмениваясь слюной, испарились без следа. Словно миражи, стремительно убегающие от бархана к бархану. Где угодливые замы, им же самим откормленные как на убой?

Несчастные человечки, схватывающие на лету и безоговорочно исполняющие приказы, словно мелкие рысьи семенящие лошадки, они пригодились так ему тогда, когда над его учреждением сгустились свинцовые тучи.

Как только заговорили о банкротстве, он все девятьсот девяносто девять недостатков-неурядиц из тысячи целиком взвалил на двух-трёх сослуживцев. Выпуская из них кровь в прессе, довёл одного до обвинения в коррупционном соучастии с заокеанским Мю-Тю-Хю. Другого, более совестливого, — до смерти от инфаркта. Третьего, самого пронырливого, заставил, заметая следы, сбежать в сторону густого соседнего леса.

А что же взять со всякого рода начальников управлений и отделов, вроде старух, с прищуром ожидающих подачек и отрезков? Они же страдают несварением желудка, если хотя бы раз в день не заглянут в его кабинет. Шавки, потерявшие нюх, с истоптанными наискось каблуками!

Единственное место, где можно от всего этого отдохнуть и набраться сил, — смежная с громадным кабинетом комната отдыха с брошенным на пол голубым, будто озерцо, ворсистым ковром в обрамле-

нии мягких кресел. Оставаясь наедине с собою, он не прочь бы на том ковре полежать-повалиться, а то и покувыркается. Всё это от нервов, от какого-то не-подъемного груза на сердце!

Проглотив два-три кружочка копченого коричнево-жёлтого казы¹, кряхтя и потев, утоляя липкую жажду пересохшего неба зелёным ароматным чаем, он готов был пропустить рюмашку густого тёмного коньячку, да и то грамм эдак пятьдесят, скупко на-капанных, черт подери, секретаршей-пигалицей. Но именно эта миниатюрная, обтянутая пигалица дарила ему хоть какую-то отдушину...

— Тугенчеевич! — обращается она к нему, приоткрывая дубовую дверь с золотистой ручкой и заигрывая глазками. (Наверное, — да прибавится ее племя, — у нее, мимолетно думает он, нет тех темных мыслей, лишь эта бездонная чернота глаз?!) — Иностранная фирма может поставить отличное звукоизоляционное оборудование. А то вы сидите, слушающая крики толпы с улицы и повышая себе давление, иногда затыкая ватой уши, в полуобморочном состоянии. Закажите! Моментально избавит от этих мук. Пожалейте самого себя. Вы же нужны ещё...

Только когда снаружи взорвутся, тыфу, тыфу, не приведи Господь, одна за другой бомбы, может и слышно будет. А так — тишь да гладь. Хоть споры, хоть раздоры — всё нипочём. Тишь да гладь!

Э-э, зрачок моих глаз! Порхает жёлто-красной бабочкой, ухаживая ещё усерднее, чем дома родная жена.

Звукоизоляционное оборудование... Попробуй закажи...

Всё-таки что только не вытворяют эти вероломные казахи, приватизировавшие по два торчащих уха и по одному острому языку! Выучили буквы, начали, не переставая, строчить жалобы. Месяцев десять назад он, сняв свой дорогой костюм, отшвырнул галстук, душивший ещё с тех пор, как он только взнуздан коня карьеры, напустил строгие морщины на лоб и, придав себе сочувствующий вид, решил встретиться с народом. Как заправский артист, прохаживаясь перед зеркалом, стал готовиться к встрече.

— «Мой народ!» — если я начну так? — Подумав, он попробовал повторить словосочетание. Но, будучи всего из двух элементов, оно зашаталось и, потеряв устойчивость и весомость, рухнуло.

— Мои соотечественники, родные! — пытался придать голосу ласку, но и это, как пустой карман, не могло исцелить и успокоить народное недовольство.

А если, высказав сразу все эти три обращения, ещё не потерявшие свою значимость, да тут же пустить слезу из глаз? Приложить платок к глазам? Могут же поверить, что человек сопереживает и то-скует! Обрадовался находке больше, чем если бы жена родила ему сына.

Вот бы древние духи предков, став стеной, поддерживали с двух сторон, избавив и на этот раз от хватки красноглазых дьяволов! А там видно будет... Прибудут иностранные инвесторы, не знающие, куда вложить накопленные богатства... Цены на нефть опять неожиданно взлетят... На худой конец, нагрянут форсмажорные обстоятельства... Сбежит наконец, унося в зубах свою душу: уловка всегда найдётся.

«Широкие массы», которые вживе могли видеть его лишь волею случая, а большей частью — валяжно восседающего на экранах телевизоров, сперва гудели, а потом затихли от неожиданности. Ибо, увидели сначала не самого Начальника, а его рабочий комбинезон, нелепо висевший на нём, как висят подшейные складки у худой коровы. Его известная всем форма вдруг обмякла, выглядела совсем не так, как по телу. И народ решил, что этот несчастный мало чем отличается от них самих. Рассерженные взгляды, перекошенные лица, назойливые и злые голоса действительно немного смягчились. Растерялись.

Начальник призвал на подмогу ловко заготовленную перед зеркалом фразу:

— Мои соотечественники, родные! — обратился плаксиво и, вынув огромный платок, вытер им глаза. На ресницах, чёрт подери, не оказалось ни росинки. Не выжал: надо было заранее готовить слёзы, внутренне размякнув, напустив унылое настроение. Слёзы, видать, заготовливать сложнее, чем слова. Если бы знал заранее! Два-три раза скорбно погладил лицо, глубоко скрывающее гнездовье спрятавшегося шайтана, но, поскольку из этого всё равно ничего путного не вышло, поднёс платок к носу, похожему на дубинку. Высморкавшись, обрадовался: полезным оказался этот источник влаги.

— Одним мы миром мазаны, — продолжил печально, — вместе и пропадать, главное, пожелаем друг другу здоровья, — завернул, как будто, упав с седьмого этажа, остался жив. — Да и своими делами похвастаться не могу, братья! Не за себя ради, как говорится, спал в седле и терпел лишения... Бился один на один с изворотливым семиглавым чудом-юдом по имени «Банкрот»...

Разве есть более сильное средство превратить ложь в истину, чем горячее дыхание слов, теплом проникающих не только в душу, а прямо в суставы, бьющих в уязвимое место? Толпа женщин, заморённых голодом, жалостливо прослезилась. Старуха с обвисшей челюстью со словами: «Что теперь поделаешь?» — ахая, еле выпрямив согнувшуюся спину, словно набухшую в воде сыромятину, проговорила:

— Правильно, голубчик, говоришь: один ворот для головы, один рукав для руки...

— Тогда вытащим и ляжку из штанины! — взвизгнул из толпы, оплёвывая свою бороду, какой-то старик, ринувшись, словно бодрая кляча на привязи, в его сторону. — Отдай мою пенсию! Сейчас же, бандит!

¹ К а з ы — колбаса из конины.

Ну и пустоголовый маразматик! Вместо того чтобы, постелив мягкую постель, лежать у печки, прося Аллаха о милости досрочной смерти, нет же, — как змея-стрела, пытается вонзить своё жало в нежную мякоть Начальника. Замешкавшись и выигрывая время, Начальник закашлялся, потянулся было снова к спасительному платку. Но тут золотой перстень на его среднем пальце, величиною с головку курительной трубки, и голубой бриллиант в оправе, отражаясь на солнце, блеснули в глаза разъяренных людей.

Блеск золота, волшебный свет чудесного камня с налётом бледноватых оттенков на сей раз сыграли с хозяином коварную штуку. Сейчас лучше укротить свою гордыню, как строптивую лошадь. Потому как, встань он на дыбы, размажь глупого старика — повалят! Как же не повалят? Как же не повалят, если воспалённым взглядом своим, гуртовым наваждением, допрут, почувствуют, что в сплаве таинственного перстня хозяина воды Сулеймена поблёскивает доля каждого и слезы их семей... Вот уже какой-то вероломный оратор, ни дать ни взять высушенный на печке валенок, начал уже подергиваться в толпе...

— Наша национальная валюта превратилась в младшую жену Бакс-бая¹. Портрет дедушки Абая и на сдачу уже не тянет! Почему бы не нарисовать на дешевых бумажках головы акимов², которых развелось больше, чем крупы в супе, чем глумиться над великим человеком?!

— Из сорняка выбились в правители, а благородные корни затоптаны, как рабы!

— Правительство говорит: давайте, рожайте детей! Будто мало нам того, что мы мешки таскаем...

— Заводы и фабрики заглохли!

— Проституция! — раздался из толпы мужской голос.

— А что — с голодудохнуть? — зло отвечает ему женский. — Если на работу берут только этот орган...

Даже вспоминать не хочется об этой встрече. Чудом выкрутился. Слезно пообещав последней вдове целую отару овец, умоляя дать ему десятидневный срок — мочась клятвенно на соль, с величайшим трудом утихомирив народ, уже было рвавший узду...

...Он был единственным ребёнком у простодушного отца, надевшего четки-бусинки на шею сердобольной матери, которая едва смогла вымолить его у Всевышнего. Накормленный и одетый, лето напролет со своими отчаянными ровесниками бегал по траве до зеленого налета на босых ногах, до цыпок и мозолей играя в лянгу, загоняя ягнят и козлят, устраивая скачки на жеребятках. И, что удивительно, этому светложелтому мальчику, с непослушной чёлкой и вечно потертой по краям тибетейкой, был дарован особый талант, которого не было у окружающих.

Вечером, после того как с пастбища пригоняли скот и душистый дымок кизячных очагов начинал

пританцовывать под дуновением ветерка, все малые непоседы тихого аула, собравшись гурьбой, затевали игру в прятки. Да, да, в самые обычные прятки. Когда, словно вспугнутые с дерева воробьи, врассыпную, кто куда, дети пропадают из виду, ищут любой закуток, чтобы спрятаться. А один маленький пострел начинает всех искать. «Застукавшие» себя проявляют солидарность с теми хитрецами, которых не обнаружили: «закукую — появись, крикну «беркут!» — схоронись!». И в этот час дети поднимают гвалт, что будоражит весь аул.

И вот во время этой любимой игры вчерашний мальчик, а нынче Начальник прятался так, что его никогда не могли найти. Ниша в хлеву, выемка в стогу, чрево старого сундука, колпак опрокинутого казана, гнездо ласточки, нора мышки... Точно сама земля его проглатывала. Сколько угодно топчи подшвы, слёзно умоляй, но он не обнаруживал и тени своей. Даже те, кто предлагал биток асыка, утяжеленный свинцом, в обмен на его признание, не могли добиться никакого результата. Потому как и знатоки не знали, куда же запропастился этот мальчик?!

...С той поры как подсох носовой платок, прошло не десяток дней, а о-го-го, целых десять месяцев... Он не отлёживал бока: скакал по дорогам, как рысак, бороздил просторы, как атан, обошёл все четыре стороны света с протянутой рукой, но, не найдя и воронова помёта, понуро воротился обратно.

Ожесточенный народ объявил голодовку, вон обложил досель не приступную его цитадель и ждет, страдая пролежнями... Говорят же, что упрямыцы выплевывают воду, закапанную им в рот. И что там, хоть на соль мочись, хоть на лёд, но разве остался сегодня народ, который поверил бы твоему слову?!

В тот полдень, когда пропала последняя надежда и окончательно лопнуло терпение, в кабинет Начальника, хлопая подолом, вбежала, запыхавшись, пигалица, смотрящая бусинками темных глаз.

— Тугенчеевич! Народ хлынул внутрь!

Молчание.

— Тугенчеевич! Говорят, будут громить всё, что попадётся под руку.

Молчание.

— Туген-ч-е-е-вич!..

Сбитая с толку, девушка второпях стала обыскивать громадный кабинет с мебелью красного дерева и смежную комнату отдыха, заполненную голубым ковром и мягкими креслами. Начальник, только что сидевший и лениво, по-барски, потягивающийся, исчез без следа. Она заглянула везде — нет! Сказать, улетел на небо! — так пуленепробиваемое окно намертво закрыто. Сказать, провалился сквозь землю! — паркетные полы тоже целы, не видно даже щели, куда можно было бы просунуть иголку... Где он? Куда же он подевался, боже ты мой?!

Единственным покровителем и защитником её в этом девичьем странствии по такому опасному миру был только он. Растерянная и измученная поиска-

¹ Бакс-бай — американский доллар.

² Аким — чиновник.

ми, настигающими криками толпы, совсем изнемогая и уже отпускающая на волю свою нежную душу, девушка открыла последний, неприметно стоявший в углу низенький шкафчик.

И, о стыд! Какой срам! Просто язык казах не повернется такое сказать! В шкафу... в своей потертой по краям тюбетейке... с чёлкой, закрывающей глаза, сидел тот белобрысый мальчонка...

— Туген-ч-е-е-вич!!!

— Т-с-с-с! Сдурела?! Не кричи! Я играю в прятки... Закрой меня, быстрее!

1999 г.

ТАНЕЦ

В тот день в аэропорту города Атырау, протяжно проstonав, приземлился вместительный иностранный авиалайнер. Нетерпеливые пассажиры буквально кубарем вывалились из него. Первая неделя сентября. Одарив ласковым солнечным теплом, она преображала всё вокруг. Густая лавина людей, изрядно утомленная соседством пестрых облаков, быстро пересекла зал ожидания и хлынула к выходу.

В толпе Камилла смотрелась обособленно с грациозной походкой и правильными чертами лица, тронутого легким орнаментом морщин. Она не спешила. Подол синего платья, достигая шиколоток, спереди расходился глубоким разрезом. Её полные икры цвета багровой таволги при каждом шаге притягивали взгляды окружающих, сами говоря, что «ездил на курорт и загорела под жарким солнцем».

Жила она в соседнем Уральске. Как обычно встречающие её на этот раз почему-то запаздывали. Камилла в нетерпении оглядывалась по сторонам. Поблескивали, будто тоскуя по кому-то, и две небесные бриллиантовые серьги, украшавшие её уши.

По её лицу пробежала обиженная дрожь, мелкие морщины переломились. На шее выступили легкие красные пятна. Исчезла былая мягкость выражения, в больших черных глазах пробудилась твердость.

— Эй! — обратилась она повелительным тоном к стоящему под высоким тополем худощавому, с симпатичными усами на светлом лице, парню. — Ты таксист?

Тот от неожиданности вздрогнул, но учтиво улыбнулся:

— Если прикажете, будем.

— Отвези в Уральск! Что попросишь, то и получишь...

Старенький «Мерседес» лениво выехал на главную дорогу. Устроившись на заднее сиденье, Камилла стала понемногу приходить в себя. Украшенное морщинками симпатичное лицо вновь приобрело исчезнувшую было мягкость.

Что там он бормочет? О чём он? Как будто из-под одеяла, говорил бы погромче! Э, так он, бедняга, говорит: «Ослепляет голубой сапфир на вашем безмянном пальце, когда вы гладите лицо, его блики, отражаясь в переднем зеркале, слепят мне глаза!»

Раньше, когда ластилась перед мужем, то высовывала меж сладкими губами кончик языка, и показывала его, беззвучно посмеиваясь. О, тогда её большие глаза излучали волшебный, чарующий свет. Она попыталась воскресить эту улыбку.

— Как зовут тебя?

— Жанибек.

— Ладно, Жанибек. Следи лучше за дорогой, а не за моими пальцами.

Покойный муж её был статным, широкой души человеком. Может, благодаря этому на протяжении всей своей жизни почивал в дорогах кабинетах, с лениво открывающимися дубовыми дверями. К подчиненным был добр. Перед уходом на пенсию организовал коллективное путешествие по Южной Африке. Она тоже купалась там, у скалистых берегов, рядом с пингвинами, не боящимися людей. Воды тех мест так притягательны, так мягки, — словно шёлковая вуаль. Обволакивая всё тело тёплым своим течением, щекотали и будоражили чувства. Вот тогда, разгуливая по дорогим магазинам Кейптауна, он и подарил ей среди множества других подарков синее платье и кольцо с синим драгоценным камнем. И жёлтое платье, и кольцо с жёлтым драгоценным камнем.

— Зачем покупаешь их так попарно? Замуж выдать, что ли, решил? — шутила тогда она, высунув меж сладостными губами кончик своего острого язычка.

— Синее — в память о нашей ушедшей молодости. А жёлтое станешь носить тогда, когда придёт пора скучать обо мне.

От улыбки мужа, медленно поглаживающего левую сторону груди, стало не по себе.

— Не мели чушь! По приезду сразу же пойдёшь лечиться. Работа не сбежит.

— Посмотрим. Кто не болеет в наше время?

Но его слова оказались пророческими. Не прошло и шести месяцев, как она примерила жёлтое платье. Разукрасила пальцы жёлтыми камнями. Куда ей, такой, было податься? Коротала в одиночестве вечера, погружаясь в печаль. Мечтала о прошлом. Но по истечении времени оказалось, что не только жёлтое платье, но и сама память о прошлом — изнашивается.

...Издали разом показались мерцающие огни Уральска. Изрядно вымотавшийся от езды, худощавый, светлолицый парень с красивыми усами, повернул голову и вежливо спросил:

— Вы не устали?

И, оголив ровные, белоснежные зубы, улыбнулся. До этого не заметила, но сейчас обратила внимание: на вид довольно приятен.

— Нет, спасибо. Давно на такси?
 — Несколько лет. Был инженером. Семья, дети — вот и бегаю, бомблю.
 — Семья большая?
 — Жену Асем зовут. Есть мальчуган и дочка.
 — Это хорошо, — сказала, почему-то довольная его ответом. И погладила пальцами своё красивое лицо с едва заметной сеткой морщин.

— На этой улице заверни вправо. Вон тот высокий коттедж.

Возвращению Камиллы с курорта больше всех радовались собака да кошка. В её отсутствие за домом присматривали соседи. Ляззат¹, игриво ласкаясь, бросился на шею. А Саки², мяукая, всё норовила запрыгнуть на колени. Когда-то их приютил покойный муж. Принес в дом ещё слепыми.

— Зачем давать щенку женское имя Ляззат? — недоумевала она тогда.

— А что в этом плохого? Посмотри, как лакает молоко. А кошку назовем Сак. Носик-то у неё красный. Значит, чуткая на нюх. Если приобретем попугая, давай назовем Терге³. Сидя в клетке, будет устраивать допросы всем нашим гостям.

Улыбка, не сходявшая с его красивого, смуглого лица, до сих пор мерцает перед глазами. Он как будто бы знал, что недолгим будет его срок в этом мире — в том числе и срок их совместного счастья. Был бы он жив, бродила бы она вот так, в одиночестве, по курортам? Ездил бы по ночам на случайных такси? Вон ведь, во дворе, словно ахалтекинец на привязи, стоит «Лендкрузер». В полной сбруе, да без хозяина. Был бы хозяин жив... Да пропади оно всё пропадом: за семь лет её безутешных оплакиваний не смог хотя бы приподнять голову и вымолвить хотя бы пару слов...

— Вы устали с дороги. Я поеду, — сказал Жанибек, занося сумки в дом. — Заплатили больше нужного. Большое спасибо!

— И куда ты поедешь среди ночи?

— В гостиницу. Начнет светать, двинусь обратно.

Внимательно взглянула на его лицо. Волевой парень. Если б кто-нибудь запустил его ввысь, опередил бы многих. Ясно, что извоз томит его. Таким-то в большинстве случаев и перерезают путь вверх. Перерезают не только завистники, но и множество мелких жизненных неурядиц. Отягощая их и, в конце концов, ломая... А то бы...

— Куда тебе, ночуй здесь. Сейчас приготовлю чай.

В одно мгновение накрыла дастархан, из кухни принесла закипевший чайник. Сразу же за ним подоспел и заварник. Поставила виски. Домашнее масло вместе с чёрной икрой заворачивали глаза. А какой казы, нарезанный щедрой рукой! Прямо тает во рту...

— Попробуй, Жанибек, — сказала Камилла по-свойски, бросая лед в широкий бокал с виски. — Выпей. Сразу взбодритесь.

Беседа в разгаре. Оказалось, что его Асем — учительница в школе. Дочь учится на третьем курсе в университете. Сын оказался на редкость шкодливым, поэтому и не получил должного образования.

— Сам я был на заводе ведущим инженером. Сменилось начальство, попал под сокращение. А за дочкой скоро сватов засылать собираются. Выхода не осталась, пришлось сесть за баранку, так и стал таксистом, — откровенничал он. Тепло холодного виски распространялось по всему телу и развязывало ему язык. — Узнал, что будущий сват — нефтяник, говорят, очень состоятельный. А если сваты нагрянут как снег на голову, то как мы покажем им нашу тесную двушку? Да ничего поделать не можем. В наше время что без денег, что босой — одно и то же.

— Скажи, сколько зарабатываешь в месяц?

— Где-то тысячу долларов.

Рассказы Жанибека с каждым глотком виски становились для неё все приятней и притягательней. Он откровенен и добродушен, словно прохладный ветер, заглядывающий в оголённую грудь. Как она раньше это не заметила?

Жанибек, оглядывая мебель, вырезанную из красного дерева, невольно вымолвил:

— Хозяин?..

Не успел закончить начатое, как его перебила Камилла.

— Вдова я. Судьба-завистница забрала у меня единственного. Хорошего человека всегда настигает беда там, где её не ожидаешь.

У неё даже шея покраснела, красивое лицо под сетью мелких морщин опалило то ли сожаление, то ли безысходность. Слезы, заполнившие глаза, так и не смогли прокатиться по щекам. Поплескали в глазницах и исчезли.

После того как иссякла пухлая бутылка, в противоположных комнатах дома была приготовлена постель.

...Камилла думала, что после первого же прикосновения к подушке её окутает сон. Да вышло не так. Давно уже она не прикасалось к спиртному. Теперь, в тёмной комнате, тело горело пламенем. Дикие фантазии манили за собой, а воспоминания об ушедшей молодости то и дело подглядывали в окна её души.

Было время, когда она переступила порог этого дома молоденькой невесткой. Хотя и была желанной для суженого, но всегда ловила на себе хмурые взгляды свекрови. Свёкор же её не донимал. Был высоким, спокойным человеком. За всю совместную жизнь муж не произнес в её адрес ни единого худого слова. Только его мать, бабка-колотушка, до конца своих дней всё зудела и зудела.

— Взял в жены дочь шалаказов...⁴ Привёл в дом бесплодную змею, ишь как извивается... Не будет с неё проку!

Но укусы свекрови она переносила равнодушно. Всё ещё впереди, мы ещё молодые, успокаивала се-

¹ Ляззат — удовольствие.

² Сак — настороженный.

³ Терге — вести следствие.

⁴ Шалаказов — метис.

бя, ещё пойдут детки. Но разве можно увернуться от всепоглощающего времени, которое даже птиц на лету ловит, хватая за крылья?

Так и завершили свой век дед с бабкой в мечтах о внуке. Муж не подавал виду, но теперь уже терпение самой Камиллы было на исходе.

— Разведись! Не хочу больше мучить тебя. Я не обижусь, — сказала она в одну весеннюю ночь.

Он же ушёл от ответа. Позже она узнала, что ушёл не только в переносном, но и в прямом смысле: пошёл просить совета в Обком.

— Тебе доверили огромное предприятие. И ни о каком разводе даже и не говори! Партия такого не простит! — со всей суровостью сказал тогда ему секретарь.

— Но женился ведь я, а не партия...

— С партбилетом в кармане можно жить только с одной женщиной! И только со своей законной женой. А ты — как никудышный бык-производитель... Хватит, товарищ! Если будешь возражать, то можешь идти на все четыре стороны! Без партбилета — живи, с кем хочешь.

Больше возражать начинающий начальник не отважился. Утихомирился, успокоился. В один из дней предложил Камилле:

— Может, усыновим ребенка?

Но теперь она уже не хотела уступать. В самом деле: ну возьмет он рано или поздно из толпы сирот, шумящей как индюшата, одного из них. А какого он происхождения? Вдруг кровь его отца была дурной или мать чем-то болела неизлечимым? А может, порока неисправимых аферистов и головорезов. Потом, по мере взросления, всё проявится в повадках и характере приемыша. Устроит в доме погром! Воюй потом с тем, кого сама и вскормила молоком!..

Так и прислушивалась сквозь свои же вдовьи мысли в сторону открытых дверей. Худощавый, светлицы парень с красивыми усами вроде тоже не спит. Как будто что-то окутало и его мысли — временами грузно вздыхает...

Да, дети у неё так и не появились. Нечем было утешиться. И Камилла всем своим необузданным нравом ринулась в гонку за богатством. А это — как мираж. Как ни гонишься, не догонишь. Хочется больше и больше. Остановишься, а всё равно будет что-то, недостижимое, манить, мерцать перед глазами. Не догонишь. В старину говорили: «Для бесплодной женщины имущество заменяет дитя. И в уходе за добром так и пройдет вся её бесплодная жизнь».

...Не вспоминать! Не думать! Вскочила с места. Всё тело в жару. Налила себе прохладной воды. Но жар не затухал.

Как будто камень запрятан под её мягкой, пуховой постелью. Поворачивалась с одного бока на другой, а он всё равно оказывался прямо под душой.

Зачем же она, как сорока, падкая на все блестящее, собирала все это проклятое богатство? Кому

намеревалась оставить в наследство? Вон стоит же всё безмолвным грузом. Если вдруг занедужишь и обессилишь, некому будет поднести каплю живой влаги! Вот и получается, что ничто не может восполнить отсутствие пусть похожего на лягушонка, но своего ребенка. Во всяком случае, почему же она не остановила свой выбор на ком-то, кто мог ей стать опорой к старости? В создавшемся положении пожила бы если не для тела, то хотя бы для души...

— Жанибек!

Сама не ожидала от себя такой прыти.

— Камилла?..

— Иди сюда!

Укрывавшее его одеяло спало на пол... Камень, не дававший покоя бокам, сразу же исчез, мягкая пуховая постель закачалась, как на волнах...

Снаружи, срывая цепь, свирепо лаял Ляззат. Озлобленно бегал, гремя цепью, назад и вперед по натянутой проволоке. Тонким голоском, словно запавший высокий звук гармонии, мяукала Сак. И как хорошо, что этого не видит Тот, кто подобрал её и год назад ушел из жизни, а иначе проклял бы эту пару, до позднего утра не выпускавшую друг друга из жарких объятий.

Как только насытилось истосковавшееся желанием тело, Камилла, растягивая каждое слово словно жвачку, предложила:

— Будешь возить меня... Две тысячи долларов... Все твои проблемы решу...

Каждым словом затягивала, как петлею. Худощавый, светлицы довольно улыбнулся.

Спустя неделю Жанибек возвратился. Заметно было, что Камилла томилась в ожидании: заведив его, преобразилась, расцвела. Морщины на лице почти разгладились. Теперь глядела на мир не сквозь печаль, а глазами, полными нежности. Жёлтое платье и кольцо с жёлтым драгоценным камнем безвозвратно погребены на дне сундука, перешедшего ей от свекрови.

В ту ночь, когда они, как и в прошлый раз, заставили в бешенстве лаять собаку и протяжно мяукать кошку, во сне к ней явился покойный муж.

Сидел, угрюмый, повернувшись к ней боком, как делал это и при жизни, когда был чем-то недоволен.

— Перестала ходить на могилу, — говорил он. — Что ж, больше не надевай синее платье и не носи кольцо с синим драгоценным камнем. Купи себе то, что тебе сейчас больше всего подходит. И не мучай собаку с кошкой, пожалей, отдай их в добрые руки...

Она тоже хотела было ответить, но в горле что-то встало комом, пересохло во рту, язык не повиновался. Проснулась вся в поту.

— Обвиняй, как можешь, — начала препираться с покойным мужем, когда проснулась. — До каких же пор буду одинока? Хоть бы одна живая душа раз заглянула в двери... Думаешь, не знала про твои похождения? Все время крутился вокруг той незамужней, с игриво смеющимися глазами, женщины, что работала у тебя. Я свой язык прикусила и молчала.

Пускай уж возьмет свое, если я недодала. Думал, что я ничего не знала и не слышала?

После разговора с покойным мужем она вздохнула с облегчением...

Худошавый парень, спустя какое-то время, заметно поправился, появилось брюшко, стал ещё красивее. Перевёз своих на новую квартиру, чем сильно обрадовал их. Выдал замуж дочку, проводил её под венец, как полагается.

Народу рот не закроешь. Доходы твои и расходы не оставят в покое даже постороннего человека. Родственники же, которые не способны тебе помочь в нужде, будут завистливо коситься на твой достаток. Иначе и кусок им в горло не полезет.

— Вон оно что!.. А мы-то гадали, какой у Жанибека бизнес, а он пригрелся под крылышком одной безумной старушки.

— И потихонечку, как ловкая мышь, таскает к себе в дом добро, оставленное ещё её мужем.

— А что ж ему делать, если башка не варит, а руки не шарят?

— Должен же иметь выгоду от какого-то места.

— Чем богатеть на таком, уж лучше голодать. Бедолага.

Подобные сплетни, как ползучие змеи с раздвоенным языком, дошли и до Асем. Даже один из её сверстников как-то подшутил:

— Ты что, хочешь сказать: подкраситься — мужа боюсь, а не подкрашусь — токалки¹ страшусь?

О, неразумный!

В тот день Жанибек сразу по приезду домой нарвался на скандал. Опухшие глаза Асем извергали ярость.

— Думала, что это за такая щедрая иностранная компания?... А всё, что ты говорил, оказывается, ложь! Пригрелся у старухи, которая вдвое старше тебя. Стыд какой!.. Как я теперь людям в глаза посмотрю? Лучше бы выбрал девушку на двадцать лет моложе меня, я бы ноги тебе целовала... Да если тебе мало меня...

Выдержать женский пронзительный клёкот, понизывающий до костей, дело трудное. Но правда, злополучная правда, опутала со всех сторон.

— Да ведь я пошёл на это лишь ради вас! Достаток, что пришёл к нам, — не свалился с небес, — вымолвил он умоляющим голосом.

— Смотреть жалко на твои нюни. Вон сын твой, погляди: ни учёбы, ни работы. Связался с такими же, как сам, хулиганами, анашой балуется. Пришел домой за полночь. Вид неменяемый. Тебе не до него. Ты занят своими интересами, думаешь, сможешь ему уделить внимание?!

Он не помнил, как сел на «Лендкрузер», стоящий возле дома. Пришёл в себя только тогда, когда, словно падающая звезда, стремительно нёсся по трассе.

В тот день Жанибек собирался на свадьбу к дальним родственникам в Астану.

— Я тоже поеду, — сказала, зажигаясь ни с того ни с сего Камилла. — Уже два года, как я тебе как жена, и что ж, нельзя мне с тобою выйти на люди? Или, может, не к лицу я тебе, а?

— Ладно. Поедем вместе.

— Асем на свадьбу тоже едет?

— Может, и так...

В один из дней в её дом нагрязнула сестра покойного мужа. И сразу же начала браниться со вдовой снохой.

— Всё состояние, что по крупичкам собирал мой брат, ты сливаешь как воду. Твердили ему при жизни, чтобы он палкой прогнал бесплодную суку! Да разве послушался?! Ходил, как заговоренный. А мы уже тогда знали, что осквернишь ты его чистое имя. На ложе лебедя пригреешь какую-то ворону... В день, когда ты сохнешь, отберу у тебя всё через суд — и коттедж, и машину. Да будет проклято моё имя, если я так не сделаю! Подожди! Вот увидишь! — кричала в истерике золовка.

«Жди! Получишь!» — сказала про себя Камилла, сдерживая ярость. — Тебе даже нитки не оставляю. Всё, что есть, передам Жанибеку, в крайнем случае, — кошке с собакой в наследство оставляю.

...В белоснежном ресторане Астаны свадьба в самом разгаре. Рядом с белолицым парнем с красивыми усами сидела и она в голубом платье, сверкая своими драгоценностями. Да, здесь всё не так, как на родине. Астанчане — народ странный. Никого не волнует, кто с кем пришёл и кто что ест и пьёт, во что одет?! Публика здесь покультурнее.

Асем, сидевшая за другим столом, даже не посмотрела в их сторону. Каждое её движение — под незаметным, но пристальным присмотром Камиллы. Жанибек осведомил её о домашнем скандале. Видя, как та страдает и переживает, пришлось «старшей жене» купить недорогую автомашину. Говорят, гоняет вовсю. После подарка хоть зубы и точит, но злобы поубавилось...

А кто же это сидит рядом? Видно, проворный, с надутыми, как у суслика, набравшего в рот зерна, щеками. Блистая бусинками глаз, что-то успевает шептать Асем на ушко. Она же кокетливо улыбается и вертит по сторонам шеей.

Внимательно посмотрела на Жанибека. Тот хоть и помрачнел, но виду старается не показывать.

— Не переживай. Всё в порядке, — улыбаясь, сказала Камилла и, как прежде, высунула меж сладкими губами кончик языка. — Вот увидишь, ещё помиримся. Давай, как все — есть-пить и музыку слушать...

Когда начались танцы, потянула за руку Жанибека и вышла на середину. Головокружительная музыка затягивала гостей в свой водоворот и возбуждала людей. И, наконец, переросла в настоящий вихрь. Камилла, блистая лазурными серьгами и кольцами, пустилась в самозабвенный танец. Разгоряченная, она уже не могла остановиться.

¹ Токалки — так называют вторую жену.

В толпе танцующих иногда промелькнет и Асем. Гибкая и изящная, не красавица, но симпатичная. О печаленный робкий взгляд карих глаз, щёки покраснелись. Только не покачиваясь в такт, а стуча правой ногой о паркет и подскакивая. Такой уж, наверно, партнер. Под стук каблука ещё и прикрикивает, будто хочет обратить на себя всеобщее внимание. Конечно, поправив за чужой счет дела, сев на железного коня, трудно не раздуть ноздри. Трудно, видно, устоять, чтобы не попинать землю? Думает ли она, что в один миг может всего лишиться? А коли чувствует, то почему не соизволит подойти и с почтением поздороваться? Что бы она делала, если бы полностью лишилась поддержки мужа? Какая неблагодарная: за целый месяц отпускает его на одну неделю, разве что понюхать?!

От сбивчивых и горьких мыслей она совсем разошлась...

Снова и снова, собрав подол своего голубого платья в пригоршню, она кружилась, порхая вокруг Жанибека, не обращая внимания на колики в сердце и боли в икрах. Улучив момент, на всеобщее обозрение, выкинула даже цыганский номер, на полусогнутых коленях, гордо откинув голову назад, начала колыхать своей ещё пышной грудью...

И только выпрямиться уже не сумела. Перед глазами вспыхнул целый сноп красно-зеленых кружочков... Кто-то пронзительно кричит, что ли? Что за причуды в культурном обществе: не скот же погоняют?.. Так рядом был муж, а не Жанибек вовсе. Как проглядела? В самом деле, он не изворачивается, как этот, а раскрывает широкие объятия, вот именно, вот так, взмахивая руками, словно крыльями гусь, плавно танцует, словно хочет взлететь. Вон женщина — это её свекровь. Она тоже пришла на свадьбу? Улыбается ей и машет рукой. Незабвенная, какой хороший человек! Как же этого она не заметила? Что здесь потеряли её собака и её кошка? Они тоже так любили этот танец бренного мира...

Как стояла, так и рухнула навзничь.

— Что попросишь, то и возьми! Спаси! — кричал Жанибек, схватив за грудки доктора прибывшей «скорой помощи». Тот лишь беспомощно качал головой.

А сумасшедшая громкая музыка с новой силой всё гремела и гремела.

ТОКТЫШАК И ЛИСИЦА

Светлой памяти Мусы и Калдана

Мартовское солнце на пару с порывистым ветром принялось изъедать твёрдый снежный покров. Земля, медленно высвобождающаяся из-под ледяного савана, не подавала пока признаков жизни, но была уже в предчувствии преображения. Всё побережье

заполонили заросли высоких камышей. Шелестящей волною гонит ветер их пушистые метёлки: вот-вот захлестнёт она пять-шесть домиков, приткнувшихся к самому морю.

Из густых зарослей камыша вынырнула юркая лисица, принялась и, видимо, неудовлетворенная, повернув острую мордочку в сторону человеческого жилья, старалась подкрасться к загону для ягнят и козлят.

Токтышак и на сей раз заметил эту воровку, шерсть которой, вылиняв и обновившись, теперь горела как огонь на снегу.

— Бабушка моя на заднем дворе смотрит за скотиной. Она говорит: когда я вырасту, поставлю капкан и поймаю тебя. А пока живи. Жди, когда я вырасту, — поучительно обращается малыш к лисе, которая убеждает от него скорее по осторожности, чем со страху.

— Отправишь шкурку в город, к своей матери, которая каждый год мужей меняет, — кричит он лисе вдогонку бабушкины слова. — Голова у неё прохудилась, оттого и мозги выветрились. Пусть хоть сошьёт себе шапку...

Да, не жалуется бабка его мать.

Токтышак, с рождения опекаемый бабушкой, ничего не знает о своём отце. Как-то мать всего-то и сказала про него: «Не разглядела вовремя, слабохарактерным оказался, собака! Ревнивый, да еще такой мелочный...» А уже следующим летом привела с собой безбородого какого-то пройдоху. Очередной весной — видного, с холеными усами. К зиме, когда резали сугум, явилась со смуглым бородачом. Потом, передавая бабушке привет из города, заявила: «Всё, прекращаю выходить замуж за казахов. Теперь полностью займусь чисто торговлей...»

Наверное, магазин открыла.

Ближе к полудню с пристройки для скота, припадая на правую ногу, выходит старуха. В белеющей шали, она окидывает взором горстку приткнутых в морской заводи домов, дым которых испуганно разлетается в разные стороны, и, в силу застарелой привычки, начинает голосить:

— Ох, лучше бы я кормила черных ворон, чем растила дочерей!.. Одну живьем потеряла, другую лихая забрала-а-а...

Похоже, её горькие притирания спугнули сладкую дрему соседних домов. Сначала в ближнем доме, под белой крышей, раздался шум-гам, потом ругань. Наверное, дядя монтер со своей черной, как сыромятина, женой опять чего-то не поделили. Однако ссора не превратилась, как обычно, в гонку с преследованием — искры погасли, не успев разгореться. В лучшем случае до вечера — вечером битва возобновится. Бабушка, не полюбившая сварливую соседку, опять хмурится: «Язык у неё — словно ко черга. Шурует им как ни попадя, совсем извела бедного мужика».

Дверь дома без кровли, находящегося справа, настезь распахнулась, и из него наружу вывалился

Пшенбай, щёки которого были пунцовые, а замасленные глазки блестели.

— Живо собирайтесь! Буру¹ кастрировать будем! Будь он неладен!

Следом за Пшенбаем, которого еще величают «управляющим фермой», хотя он давно вылетел из начальников, показалась напоминающая ручную колотушку голова его прислужника Науканбая. Взлохмаченная заячья шапка повернута задом наперёд.

— Так ему и надо! — кричит его нервно передернутый рот. — Где это точило?!

Токтышак чуть не прикусывает губу.

Хозяином дома без кровли был когда-то худой старичок, не имевший отношения к тамошним спорам-раздорам и всю жизнь безропотно пасший скот. Когда началась приватизация, никакой доли ему не досталось. Оставили несколько голов мелкого скота, которым можно было управлять одним свистом. Именно тогда, говорят, и замаслились глаза Пшенбая.

Простоватым был незабвенный старик.

Когда с овцематок получил большой приплод, его с почетом пригласили в райцентр. Там состоялось торжественное собрание, со всех концов для «обмена опытом» съехался народ. Полнеющий молодой человек, из районных начальников, взяв под руки худого старика, вывел его на трибуну. Представил «ветераном», «передовиком производства» и велел рассказать собравшимся секреты того, как он пасёт скот и как обновляет пастбища. Публика затаив дыхание прямо в рот заглядывала пастуху, словно и на самом деле хотела узнать какую-то новую тайну.

А что он мог рассказать, никогда в жизни ни перед кем не державший речь и никому не отдававший приказов, не считая членов своей семьи?

Но дед за словом в карман не полез!

— Если считать всех здесь сидящих за отару овец, — охватил он жестом правой руки зал, — то до полудня пасу в той стороне, — показал той же рукой на восток. — Когда тени к полудню становятся короткими, гоню к озеру на водопой. И сам тоже с наслаждением пью чай своей старухи, приправленный сливками. Потом немного подремлю, — и он прямо на трибуне показал, как именно дремлет. — А как только наступает вечерняя прохлада, гоню стадо туда, — показал рукою на запад. — И всё.

Народ и так понял, что всё. В этот момент упитанный молодой начальник, с почетом выставивший старика перед аудиторией, истошно завопил:

— Хватит, достаточно, ой-бай! Лучше расскажите, как вам удаётся получать столько ягнят, и на этом закругляйтесь!

— Э, овцематки теперь оплодотворяются по науке, — вздохнул на трибуне старик. — Баранов-производителей жалко. Как надели им эти фартуки,

так и перестали они липнуть, как прежде, к этим овцам. Стоят и смотрят понуро, как евнухи. Потом...

Тут уж молодой начальник, округлившийся как спелая вишня, быстренько стащил его с трибуны. Кое-как вытащил старика сквозь хохочущий зал, посадил на гнедого конька и отправил восвояси.

Потом бедного старика этот бывший управляющий фермой призвал на помощь под предлогом перемены зимовки. Пожалел для него свою откормленную ездовую лошадь. Дал верблюда-самца, горбы которого были высотой с большого ребёнка, и поручил перегонять целое стадо коров. А как мог созревший к январскому спариванию и оттого мечущий пену бура подчиниться тщедушному человечку, голова которого едва выглядывала из-за его горбов? Он затаил злую обиду на старика за то, что тот хлестал его камчой по крупу, а когда почувствовал свое окончательное превосходство, случилось непоправимое: стоило старику зазеваться, верблюд развернул свою мощную, изборожденную складками шеей и схватил старика за бедро зубами. Сорвал несчастного с горбов, отшвырнул в сторону, вырвав при этом кусок мышцы. Затем в ярости, присев на задние ноги, стал топтать передними. Единственный сын, видевший гибель отца, разбросанные по снегу внутренности, сошёл с ума...

Визгливо залаяла собака. Дворняжка черной масти. Выскочив из дверей невысокого домика, помчалась в сторону соседнего аула как бы по неотложным делам. И каждый день так. Собака Жамиги. Так и не окрасив свой подол, тётушка развелась с мужем. Аскербек, женившись на старой деве из соседнего аула, теперь уже имел ребёнка. Об этом, конечно, собака не знала. Вернее, не могла понять, почему они живут теперь в разных местах. Вначале сильно скучала. Скучая по Аскербеку, подбегала к каждому, словно спрашивая о нём. Но потом, увязавшись за людьми во время праздников, нашла-таки своего хозяина. После этого жизнь москы круто изменилась. Переночевав у тётушки Жамиги, наутро мчитесь в сторону соседнего аула, высоко выкидывая короткие, как бы увечные лапы.

— Была-то как белый шёлк! Как белый шёлк... Как же мне теперь жить-то? — опять донеслись до Токтышака бабкины завывания.

Вновь и вновь горюет старуха.

«Как белый шёлк», — это она о сестре Токтышака. К той проклятой весне она вышла замуж. Зять их оказался горбоносый, красивым парнем с пронзительным взглядом. Пять-шесть домов у побережья сами, вскладчину, проведя то ли свадьбу, то ли круговую вечеринку, выдали её замуж. Но радость длилась недолго. Через неделю сестра, что и впрямь была «как белый шёлк», покончила с собой, бросившись под поезд. Вину крошечный аул свалил на её мужа...

Единственный сын покойного старика опять в приступе бешенства. Выскочил из дома, зрочки закатились, в руках большой охотничий нож.

¹ Бура — верблюд-самец.

— Обманул, что принесёт в жертву на поминках моего отца... А выхолостив буру, превращу в атана!.. Отца убил не бура — Пшенбай! Сейчас кастрирую его самого... Пусти да пусти!.. — Чьи-то руки изнутри дома пытаются удержать его на пороге. — Пусти! — оттолкнув визжащую мать назад, в дом, устремляется на скотный дворик.

Опять возобновились причитания бабушки:

— О ком мне ещё горевать-то!..

Разве найдёшь в наше время заглушку для ртов простолюдинов?

— Слышали, наша девушка, которую, мы, спотыкаясь, еле-еле выдали замуж, в первую брачную ночь даже, говорят, не пискнула. Оказалась вовсе и не девушкой. Не мог такое оскорбление выдержать тот остроглазый, горбоносый дурень: дал волю своей обиде. Отхлестал по щекам... Сгорая со стыда, она кинулась под поезд, ревевший, словно бура во время гона... Зятек на суде, говорят, и глазом не моргнул. Только и сказал-то всего: «Я требовал того, что мне полагалось». Гордый мужик...

— Спасите, люди!

Из толпы в пять-шесть мужчин выскочил Пшенбай, прикусив зубами свою вздорную душу и стремглав огибая скотный двор. Сын покойного старика, размахивая огромным тесаком, скакал за ним вдогонку.

— Сейчас кастрирую. Кас-три-ру-ю!

Верблюды на них смотрят в недоумении, отыгивая пёну на груды.

Притих пронизывающий ветер, небо заволокли тяжелые тучи. Лениво сгрудившись, словно верблюды, насытившиеся бурьяном и трущиеся друг о друга боками, они низко жмутся к земле. Сероватый воздух набух сыростью. Поросший по всему побережью высокий камыш тихо шелестит, покачивая бархатными шапками. Глядишь, вот-вот и затянется мягкая петля на горле горсточки домиков, запёртых у побережья. Показавшаяся из камышовой чащи голодная лиса, пригнувшись, вновь наостряет мордочку в сторону маленького аула.

— Побудь пока среди нас, сверкая своей огненной шкуркой, поживи, — говорит в ее сторону грустивший мальчик. — Чего мы добьемся, поймав тебя? От красивой шапки моя мать умнее не станет.

Привыкающая к Токтышаку лиса осторожно, раз за разом, подбегает все ближе и ближе.

— Тебе хорошо! — обращается маленький сторож к лисице. — Нет у тебя ни чужого отца, ни дерущихся соседей. Нет друзей, которые дразнят в школе из-за драного полушубка, оставшегося от деда. Даже нет сестры, такой «белой как шёлк», которая умерла, говорят, от собственного стыда. На этом свете одна она и могла, прижав к груди, пожалеть...

Много чего хотел сказать мальчик, но вдруг, не справившись с комом в горле, задохнулся в слезах.

Снег повалил хлопьями. Солнце начало закатываться за горизонт. Наступают быстрые сумерки.

Малыш нехотя поплёлся в аул, из которого пытался убежать, зарёкшись больше не возвращаться...

— Жеребёночек мой, заходи в дом! Это первый предвесенний снег. Пусть идет немного, — хлопочет бабушка, прихрамывая на правую ногу, и с мешком кизяка за спиной шагает внутрь неказистого жилища, стоящего на склоне побережья...

Дядя-монтер сегодня снова напился: его обычная ругань с темной, словно сыромятина, женой свободно долетает и до их слуха.

— Родила семерых дочерей! И хотя бы одного сына, пусть хоть с жабьей головой! — возмущается он, что-то круша вокруг себя. Гром посуды.

Следом ещё выше взлетает женский голос:

— Ложилась, чтоб распустились твои побеги... Я-то при чём? Я что, мешала тебе зачать сына?.. Потвоему, я из отцовского дома пригнала отару девочек? — Женщина с языком-кочергой, шуруя утасую золу, вновь разжигает ее.

— Пень-пнём... Косолапый увалень... А ещё хочешь сына заступника... Посмотрела бы я, поставит ли он надгробный камень у твоей головы. В лучшем случае будет как этот псих, как бура, гоняющийся за Пшенбаем... Попроси совета у Аскербека, он лучше знает подход к старым девам...

— Какое тебе дело до чужого мужа? Побродит, глядишь, и вернется на привязь! — вставила утомленным голосом Жамига, быстро запирая дверь на засов.

— Не для того, чтобы унижить тебя. К примеру, я говорю просто к примеру, — донёсся ответ с другого двора.

Первый мартовский снег дружелюбно повалил липкими хлопьями. Крупными, как луковичные соцветья. Токтышак не заходит в дом. Решив слепить снежные фигуры, стал катать влажные комья.

Дядя-монтер опять надевает на ноги свои железные когти.

— Ушёл! — орёт он.

Но не идёт в сторону соседнего аула, где много старых дев, а карабкается на вершину столба рядом с его же домом. Это у него уже стало привычкой: обычно он лезет на столб тогда, когда уже не может справиться со сварливой женой. Словно сжавшийся кулак, угрожающий небу, сидит там, не слезая, до утра...

Увлёкшись игрой, Токтышак согрелся. Катая с горки снежные комья, поставил в ряд несколько снежных фигур. К голове каждой из них прилепил из коровьего кизяка глаза, нос, рот. Вместо копья вручил каждой фигуре по длинной камышине с пушистым наконечником и, громко выкрикивая, дал имена: Кобланды, Алпамыс, Чапаев, Бауыржан Момышулы, Касым Кайсенов¹.

— Завтра вместе отправимся в поход. Не оставляйте меня здесь, заберите с собой далеко-далеко. Никого я не хочу видеть.

¹ Легендарные богатыри.

Генеральный**директор***Олег Болдырев***Художественный****редактор***Татьяна Погудина***Заведующая****распространением***Ирина Бродянская*

Отпечатано

в АО «Красная Звезда»

Россия, 123007, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495) 941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Тираж 2 500 экз.

Уч.-изд. л. 10,0.

Заказ № 7041-2017

Адрес редакции:*Россия,**107078, Москва,**Новая Басманная, д. 19***Телефоны***редакции:**8(499) 261-84-61**отдела распространения:**8(499) 261-95-87***Факс:***8(499) 261-49-29***E-mail:***roman-gazeta-1927@yandex.ru***Сайт:***www.roman-gazeta-1927.ru*

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Отклоненные рукописи

сохраняются в течение года.

Проснулся Токтышак лишь поздним утром, всю ночь вода за собой своих батыров и ввергая их из одной битвы в другую. Вчерашние хмурые тучи откочевали за горизонт. Дул теплый ветерок, играя солнечными бликами. Взгляд его упал на черную дворнягу, мчащуюся во всю прыть из соседнего аула. До сих пор ей, видимо, невдомёк, почему же эта пара, к чьим рукам она привыкла с самого появления на свет, разбежалась так далеко друг от друга?! За два года собачка уже протоптала тропинку между селениями. Ни лютый январский мороз, ни июльская изнуряющая жара не действуют на неё. Облизав собачью миску, Жамиги тут же спешит к новому дому Аскербека, где лакает скудные помои его новой жены. Целый день крутится возле ног хозяина, а затем снова, как обрывок пыльного вьюна, несётся к законной хозяйке. И опять выслушивает упрёки тётушки Жамиги: «Ну, накормила тебя эта старая дева? Может, и ты хочешь у нее пригреться?» Словом, работа у псины авральная. Мчится, стелаясь над землей, будто короткие ножки несут ее сами по себе. А глаза, полные тоски, так и хотят выплеснуться наружу.

— Эта собака в конце концов умрёт, наверное, — повторяет слова бабушки Токтышак. — Пойдем, ну, пойдем же! Так и быть, налью тебе молока. А то ведь глотка совсем пересохла, беденькая!

Над головой, посвистывая крылом, пролетает стая диких гусей.

— Я отправлюсь в поход, чёрный пёс, — говорит мальчик, глядя на собачку, жадно лакающую молоко. — Пойдём со мной вместе! Сначала нападу на аул, где много старых дев. Отомщу за тебя. Потом на тех, кто вынудил мою мать заниматься торговлей — безбородых пройдох, холёных усачей, чернолицых бородачей...

Убийца-бура в загоне, пытаясь высвободиться, неистово хрипит и скрежещет зубами... И вдруг стихает. Где-то в тёмном углу дома ещё вчера утихомирился и блаженный сын пастуха...

— Идём вместе к моим батырам.

Мальчик и дворняжка идут за дом. И Кобланды, и Алпамыс, и Бауыржан Момышулы, и даже Касым Кайсенов, оказывается, подтаили и повалились набок. Только герой Чапаев, прикусив кизяк, всё ещё держался. Камышовые копья беспорядочно попадали тут и там.

— А я же поверил вам! — заревел в голос Токтышак. — Разве вы не герои?! На кого мне теперь надеяться?! Нет у меня опоры, кроме вас.

Выйдя из густых камышей и горя огнём обновлённой шкуры на хребте, лисица грустным сдавленным тывканьем подзывает мальчика к себе. Зовёт за собой. В вечное и бездомное путешествие.

2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Плач Чингис-Хана	1
Актриса	21
Амазонки нашего аула	26
Гостинцы из Китая	29
Зеркало	33
Злато зарытого клада	36
Карта Нобеля	40
Коротая путь	44
Мона Лиза	46
Отверженный мир	49
Отголоски	52
Поезд Атырау—Алматы	60
Посиделки	62
Предатель	67
Прятки	70
Танец	73
Токтышак и лисица	77

Во славу и в память павших

«Роман-газета» всегда была (да и остается) национально-патриотическим журналом. Произведения писателей-фронтовиков миллионными тиражами были востребованы нашим читателем. Увы, время беспощадно, большинства наших авторов, писавших о Великой Отечественной войне, исходя из собственного фронтового опыта, уже нет.

С романа Николая Фёдоровича НАУМОВА (1921–2012) «Москва — заря студёная» («РГ» № 19, 20 за 2008 год) о героической обороне Москвы осенью 1941 года — началось наше знакомство с потомками героического московского ополчения.

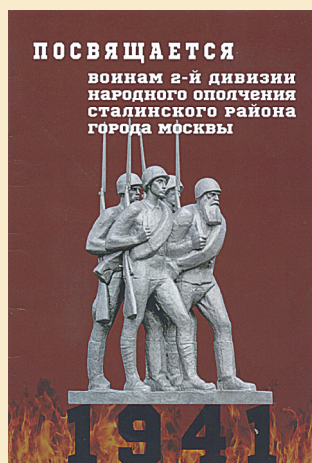
Наша читательница Лариса Александровна Васина, придя в редакцию, рассказала о движении по восстановлению истории 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы, в котором она участвует.

Дети и внуки ополченцев, объединили свои усилия для сохранения памяти о героях, чья стойкость и героизм позволили отстоять Москву. Регулярные выезды на Вяземский рубеж, поиски и захоронение останков неизвестных, как правило, бойцов (ополченцы не имели солдатских медальонов), книжные и журнальные публикации, тематические выставки в Мемориальном музее в селе Богородицкое — вот далеко не полный перечень дел энтузиастов-поисковиков.

Как писал поэт-фронтовик Семён Гудзенко, «...когда идут в атаку писаря, на мёртвых не приходят извещения». Ополченцы сражались до последнего бойца, гибли учёные и художники, журналисты и инженеры, старики и молодые к строевой юности. Добровольцы стояли до конца. «Без вести пропавшими» обозначали их в похоронках.

Но война не окончена, пока не будет захоронен последний солдат. Каждое обретенное имя «без вести пропавшего» — заслуга их живых наследников.

В начале июля 1941-го в помощь регулярным частям Красной Армии на добровольных началах в течение трёх-

четырёх дней в Москве было сформировано 12 дивизий народного ополчения. Только в Сталинском районе было подано свыше 18 тысяч заявлений, сформировалась 2-я стрелковая дивизия народного ополчения.

Междуречье Днепра и Вязьмы — начало ее боевого пути. Сначала ополченцы возводили оборонительные сооружения на ряде рубежей, прикрывавших подступы к столице. К сентябрю 2-я СД прикрывала главнейшее направление гитлеровского наступления на Москву.

В трудный час, когда в районе Вязьмы фашистам удалось прорвать оборону Западного фронта, 2-я дивизия пропускала наши войска, отходившие на восток. В течение нескольких дней ополченцы мужественно обороняли стратегически значимые мосты через Днепр. Когда потери стали критическими и назрела опасность захвата мостов врагом, ополченцы взорвали их.

Окруженные под Вязьмой воинские подразделения 19, 20, 24 и 32 Армии и оперативная группа генерал-лейтенанта И. В. Болдина ожесточенно сражались и более, чем на неделю (с 6 по 13 октября), приковали к себе главные силы противника, что дало возможность командованию организовать отпор на Можайском оборонительном рубеже.

Во время прорыва в селе Богородицкое 2-я дивизия НО была поставле-

на в центре оперативного построения армии для нанесения главного удара.

Вследствие невосполнимых потерь дивизия была расформирована, но оставшиеся в живых продолжали сражаться под боевыми знаменами других частей и соединений Красной Армии и в партизанских отрядах.

В 1968 году в память о добровольцах 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района в здании московской школы № 434, где в войну находился штаб дивизии, был создан Музей боевой славы, который успешно работает и поныне.

В год 75-летия Битвы за Москву у потомков павших ополченцев возникла идея создать Парк Памяти защитников Москвы «Вязьма, октябрь 1941». Парк был заложен 9 октября 2016 года в селе Богородицкое Вяземского района Смоленской области, где погибла почти вся 2-я дивизия народного ополчения.

Для работ по организации Парка Памяти необходимы денежные средства. Своё пожертвование Вы можете сделать, переведя сумму, которую сочтете возможной, на карту СБЕРБАНКА 5332 0580 5122 6740 или на Расчётный счёт 40817810038298771513, указав «На Парк Памяти» и кем сделано пожертвование.

